

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Тульский государственный университет
Кафедра истории и культурологии

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
по специальности 030402 – историко-архивоведение

Студ. гр. 830251 Овчинниковой Дарьи Андреевны

на тему:

"Культурный трансфер европейских идей и практик на «почву» русской провинции (по материалам Тульской губернии второй половины XVIII –го века)"

Научный руководитель: д. и. н., проф. Самарцева Е.И.

Рецензент: к. и. н, доц. Гаврилина Н.А.

Допустить к защите

Зав. кафедрой д.и.н., проф. Самарцева Е. И. _____

Тула 2010

Содержание

	Введение	3
Глава I	«Культурный трансфер», как тема научного исследования в зеркале специальной русскоязычной историографии - теоретико-методологическое обоснование проблемы.	30
I.1	Разработка технологии исследования.	30
I.1.1.	Анализ основных исследовательских подходов к проблеме «культурного трансфера».	33
I.1.2.	Обозначение понятийного аппарата исследования и особенности интерпретации источников.	46
I.2.	Обзор наиболее важных тенденций и явлений в культурной среде Российской империи эпохи Просвещения: формирование предпосылок общего культурно-политического пространства России и Европы.	57
I.2.1.	«Просвещенная монархия» в русском понимании и «исполнении».	59
I.2.2.	Особенности европеизации России при Екатерине II.	72
Глава II	Некоторые сюжеты «культурного трансфера» на «почве» Тульской губернии.	90
II.1.	Раскрытие механизма трансфера преимущественно на примере садово – паркового искусства.	90

II.1.1.	Некоторая интерпретация начальных этапов процесса трансфера	96
II.1.2.	Завершающие этапы процесса трансфера	120
II.2.	Обзор перспективных направлений «культурного трансфера» на «почву» Тульской губернии.	130
II.2.1.	Трансфер идей в литературе эпохи Просвещения по материалам Тульской губернии.	131
II.2.2.	Трансфер идей и практик на почву Тульской губернии: взгляд через призму театра (масонства)	152
II.2.3.	«Культурный трансфер» европейских идей и практик по материалам фонда новосильских помещиков Авдеевых.	164
	Заключение	177
	Список источников и использованной литературы.	184
	Приложения	195

Введение

Вопросы культурного трансфера с той или иной глубиной понимания стали появляться в русскоязычной¹ историографии достаточно давно. Однако особенно *актуально* и свежо они зазвучали только в XXI-м веке, когда в очередной раз в истории Российского государства встали два животрепещущих вопроса: модернизация страны и поиск национальной идеи, разрешение которых, безусловно, задумывается сообразно принципам и в рамках гражданского общества и правового государства. Надо сказать, что в этих вопросах (модернизация и национальная самоидентификация) Россия накопила колоссальный опыт, к которому целесообразно было бы обратиться, пересмотреть, переоценить...

Крупномасштабные изменения во всех сферах жизни общества, предшествовавшие упомянутому периоду, наложили заметный отпечаток и на историческую науку, тем самым поспособствовав созданию необходимой инфраструктуры. В частности, стали открываться новые грани уже изученных проблем, были пересмотрены некоторые вопросы, объективное изучение которых ранее было невозможно, появились совершенно новые дискуссионные направления и так далее. Словом, сформировалось проблемное поле *актуальных исследований*, отвечающее современным запросам общества. Так на передний план вышли вопросы русской культуры (в широком смысле этого словосочетания). И в контексте данного повествования, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что ключевым из них является наполнение русской культуры в эпоху Просвещения европейскими идеями и практиками.

¹ Термин употребляется в связи с тем, что специфика темы предполагает знание русского языка.

В настоящее время существует явная тенденция к размещению России в центре исследований «культурного трансфера» (по крайней мере, при изучении формирования общеевропейского историко-культурного пространства). И это закономерно, так как Россия на протяжении всего XVIII-го века прилагала огромные интеллектуальные и невероятные эмоционально-психологические усилия, чтобы в кратчайшие сроки воспринять, творчески обработать, перенести и должным образом адаптировать прогрессивные элементы западноевропейской культуры на свою почву. Что, в свою очередь (уже в следующем XIX –м веке!), позволило ей задавать тон в международных отношениях и оказывать огромное влияние на мировую культуру.

Несмотря на целый ряд появившихся в последнее время серьезных исследований (и даже исследовательских проектов) по вопросам культурного трансфера, данная тематика далеко не исчерпала себя, не уменьшается и ряд дискуссионных вопросов. Дело в том, что с развитием наших представлений о роли и месте культурного трансфера в истории России XVIII – XIX –го веков, его сущности и механизмах, приходит все большее осознание сложности - многоаспектности этого явления.

Дополнительную сложность подобному исследованию в масштабах страны придают её размеры и многонациональность. С другой стороны исследования культурного трансфера на региональном уровне (так сказать, «на почву»² провинции) видятся гораздо более целесообразными и по другой причине: провинция по признанию большинства ученых гораздо точнее и ярче передает самобытность русского национального духа.

² Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 11- 305.

Таким образом, заявленная тема является весьма актуальной.

Степень научной разработанности проблемы. Круг литературы, посвященной указанной тематике, довольно обширен и разнообразен. Последнее выражается в особенностях изложения материала, в различных взглядах на поставленный вопрос, разных методологических подходах. При классификации всего разнообразия историографических источников не вполне рационально придерживаться хронологического принципа изложения, более предпочтительна организация материала с акцентированным вниманием к проблемно-хронологическому. Если говорить предметно, можно выделить три крупные историографические группы:

1 Специальные исследования, посвященные изучению различных аспектов «культурного трансфера».

В русскоязычной историографии не наблюдается острого дефицита специальных исследований по данной тематике. Однако в их числе немного капитальных трудов*, посвященных строго проблемам «культурного трансфера». В основном это работы, посвященные актуальным литературоведческим проблемам. Например, вышедшая в 2008 году монография И.Н. Лагутиной³. В центре внимания указанной работы находятся особенности трансфера идей, образов и целостных произведений в иное социокультурное пространство, а так же культурные механизмы взаимодействия, созданные на «перекрестке» русской и немецкой культур конца XVIII - начала XX веков.

Следует констатировать обилие научных публикаций по теме «трансфера», содержательность многих из которых может быть оценена весьма высоко. «Изнутри» данную группу удобно

* Множество фундаментальных работ по теме написаны на немецком, французском, голландском и других языках.

³ Лагутина И.Н. Россия и Германия на перекрестке культур. Культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII- первой трети XX века. М.: Наука, 2008. 342 с.

систематизировать в соответствии с основными подходами к раскрытию вопроса (подробная характеристика упомянутых подходов последует в пункте *I.1.1.*), а так же в соответствии с более узкой тематической направленностью исследований.

Особенно заметными в данной группе являются интеллектуальные разработки Германского исторического института в Москве. Широко известен тот факт, что в центре одного из ведущих направлений деятельности института – проблема трансфера и адаптации европейских идей и практик в Российской Империи. Представлены научные разработки ГИИМ в виде сборников статей. Один из них «Быть русским по духу и европейцем по образованию»⁴ составлен на основе докладов международной конференции «Университетские концепции в Европе и России XVIII – начале XX века», в нем проблема трансфера и адаптации европейских идей исследована на материале университетской истории России. Настоящий сборник может быть полезен при выборе исследовательского подхода, а так же при изучении университетских концепций России и Европы с точки зрения трансфера идей в рамках этого направления.

Другой сборник, продолжающий серию публикаций научных разработок ГИИМ по вопросам культурного трансфера, и, соответственно, заслуживающий внимания называется «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»⁵. Издание составлено на основе материалов конференции «XVIII век. Трансфер и адаптация европейских идей в российском историческом контексте» и отличается

⁴ «Быть русским по духу и европейцем по образованию» университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX века. М.: РОССПЭН, 2009.

⁵ «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008

от описанного выше тематическим разнообразием. Авторы сборника разворачивают дискуссию об «идейном наполнении» русской культуры, тем самым раскрывая некоторые аспекты трансфера идей из Европы в Россию в эпоху Просвещения, затрагивая самые разные его направления и слои (от политической философии и иностранных образовательных идей, до немецких корней типографского дела в России и путей проникновения европейской книги), пытаются определить роль Европы в формировании единого культурного и политического пространства с Россией и органичность нового образа России в нем. Кроме того, статьи немецких ученых Клауса Шарфа⁶, Ингрид Ширле⁷ и Георга Шуппенера⁸ содержат весьма ценные теоретические соображения (об этом подробнее в пунктах *I.1.1.* и *I.1.2.*), которые целесообразно принять к сведению.

Следует так же отметить, что интересные статьи на тему трансфера идей (преимущественно политических) встречаются на страницах крупных исторических журналов. Например, в №12 журнала «Вопросы истории» за 2008 год была опубликована статья «Восприятие британского парламентаризма в России. Конец XVIII – середина XIX века», в которой автор (А.И. Минаев) описывает попытки деятелей Российской общественной мысли воспринять идеи британской государственно-правовой системы.

⁶ Шарф Клаус. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 14

⁷ Ширле Ингрид. Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII-го века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 119

⁸ Шуппенер Георг. Статистический материал в путевых заметках и других сочинениях о России конца XVIII века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., РОССПЭН, 2008. С. 138.

Вопросы «чувственной европеизации русского дворянства»⁹ активно разрабатываются доктором филологических наук, известным историком культуры, заведующим кафедрой славистики Оксфордского университета, профессором РГГУ Андреем Леонидовичем Зориным. Рассматривая «трансформационный рывок в русской истории конца XVIII –го – начала XIX –го веков», особое внимание Андрей Леонидович уделяет принятию и осмыслению новых культурных веяний. Таким образом, на основе анализа человеческих эмоций и ощущений раскрываются механизмы психологического вхождения и адаптации русского человека в общеевропейский социальный концепт, что в контексте данного исследования может пониматься как следствие успешного культурного трансфера.

2. Работы, в которых вопросы «культурного трансфера» не являются определяющими.

Данная группа является наиболее обширной, так как потенциально включает в себя огромный массив литературы по ряду тематических направлений, весьма востребованных в историографии (речь идет о историко-культурной среде Российской Империи во второй половине XVIII- го века). Для того чтобы охарактеризовать этот круг литературы, обратимся к систематизации материала, где остановим своё внимание только на наиболее важных трудах (более полный список приведен в конце дипломной работы).

Так, первую подгруппу составят исследования, раскрывающие особенности внутренней политической и культурной обстановки в России указанного периода (согласно нашей теме это работы, помогающие разобраться в общем состоянии «почвы» или среды, в которую переносятся или будут перенесены европейские идеи и

⁹ Зорин А.Л. Чувственная европеизация русского дворянства. [сайт]. [2010]. URL: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=93417>

практики), а именно: исследования, анализирующие реформаторскую деятельность в рассматриваемом периоде и её влияние на жизнь населения (в первую очередь «Манифест о вольности дворянства» 1762 года и «Просвещенные реформы» Екатерины II); особенности национальной культуры рассматриваемого периода (прежде всего, развитие общественной мысли).

Таким образом, к данной подгруппе следует отнести сочинения выдающегося российского историка, доктора наук, археографа и коллекционера Н.Д.Чечулина¹⁰. Его работы содержат бесценные материалы по истории рассматриваемого периода, поэтому могут быть весьма полезны при формировании представления об изучаемой эпохе в целом.

Нельзя не отметить и многочисленные исследования нашего современника, известного профессора А.Б. Каменского¹¹, которые так же ярко, самобытно и комплексно рисуют интересующую нас эпоху.

К данной *подгруппе (1)* следует отнести и двухтомную монографию Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства»¹². Исследование предпринято в междисциплинарном научном контексте с использованием элементов «новой социальной истории», важное место в нем отведено развитию сословий. Более того, Миронов рассматривает социальную историю России в контексте тесного взаимодействия всех

¹⁰ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762 – 1774. СПб., 1896; Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.

¹¹ Каменский А. Б. Россия в XVIII веке. М.: АСТ-Астрель, 2006; Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: РГГУ, 2006. 403 с; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2000; Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: Традиции и модернизация. М.: НЛЮ, 1999; Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М.: Знание, 1997; Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...» Вторая половина XVIII века. СПб.: Лениздат, 1992.

¹² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – XX вв.). Генезис личности: демократия семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 2000.

сословий российского общества, и их постоянного взаимного влияния друг на друга, в том числе и в вопросах культуры и быта. Автор полагает, что их динамику в российских условиях лучше всего объясняет развитие их социокультурных функций¹³. Б.Н. Миронов подробно рассматривает вопросы, связанные с признаками дворянства как сословия, их права, вопросы культуры затрагиваются частично, например, в связи с вопросами образования дворянских детей, тем не менее, здесь можно увидеть некоторую информацию о трансфере европейских идей.

Отметим так же монографию Ю.М.Лотмана «Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.)»¹⁴. Интересующая нас эпоха представлена через призму реалий повседневной жизни, которые рассматриваются в тесной связи с литературой и народным фольклором. Примечательно, что повседневная жизнь в данной работе преподносится как своего рода историко-психологическая категория, то есть как часть интеллектуальной и духовной связи поколений в рамках непрерывного культурно-исторического процесса. Отметим так же, что в «Беседах о русской культуре...» повседневный быт дворянства тесно связывается с политической и экономической жизнью общества, где реформы Петра I выступают катализатором развития Российской империи по западному образцу, реформы Екатерины II – достойным продолжением, однако налицо довольно нейтральное отношение автора к этому факту. Ю.М. Лотман рассматривает конец XVIII-го начало XIX веков как переходное время, начало формирования у русского общества нового менталитета, мироощущения, носителем и создателем

¹³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. С. 164.

¹⁴ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб., 1994.

которого выступает дворянство - наиболее образованное и просвещенное сословие. Таким образом, разумеется, в работе затрагиваются вопросы культурного трансфера, пусть и косвенно.

Особого внимания заслуживает монография «Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай» (авторы: Е.Е. Дмитриева и О.Н. Купцова)¹⁵. Эта книга представляет собой основательное, комплексное междисциплинарное исследование такого уникального явления культуры, как русская дворянская усадьба, с точки зрения семантического (филологического) анализа и культурологического подхода. Бесспорным достижением авторов можно считать дискурс исследования: высокоинформативный и в то же время простой для восприятия. Среди прочих достоинств книги хочется выделить обилие фактического материала по интересующей нас проблематике, что объясняется особенностями рассматриваемого феномена (в исследовании освещены основные точки пересечения русской и европейской усадебной жизни и не только).

Отметим ещё несколько работ: сборник трудов «Материалы по истории русской культуры конца XVIII - первой половины XIX века»¹⁶; сборник «Литература и искусство в системе культуры»¹⁷; совместный труд М.Ф. Зезиной, Л.В. Кошман, В.С. Шульгина¹⁸; монографии «Из истории русской культуры»¹⁹ и др.²⁰. Все эти исследования внесли

¹⁵ Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008.

¹⁶ Материалы по истории русской культуры конца XVIII - первой половины XIX века. М., 1984.

¹⁷ Литература и искусство в системе культуры. М., 1988.

¹⁸ Зезина М.Ф., Кошман Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры. М., 1990.

¹⁹ Из истории русской культуры. Т. 4. (XVIII - начало XIX века). М., 1996.

²⁰ Стернин Г.Ю. Об изучении культурного наследия русской усадьбы // Русская усадьба. Вып.2(18). М., 1996. С.10-15; Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997.; Овсянников Ю.М. Картины русского быта: Стили, нравы, этикет. М., 2000.; Рябцев Ю.С. История русской культуры. Художественная жизнь и быт XVIII-XIX вв. М., 2001.; Марченко Н.А. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. М., 2002.; Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М., 2005.; Иванова Л.В., Водарский Я.В., Истомина Э.Г. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. Исторические очерки. М., 2001; Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования //История повседневности: Сборник научных работ. СПб., 2003. С.7-14.; Короткова М.В. Культура повседневности. История костюма. М., 2002.; Беловинский Л.В. Изба и хоромы: Из истории русской повседневности. М., 2002.; Глаголева О.Е. Предпринимательство и культура в провинции в конце XVIII –

значительный вклад в изучение русской культуры. Однако тематика, связанная с культурным трансфером, рассматривалась здесь достаточно поверхностно, можно сказать даже попутно (без серьезных теоретических разработок и осмыслений), как правило, в связи с историей дворянства.

Следующий эвристический шаг позволяет перейти в оценках состояния «почвы» от общих категорий к более конкретным и тем самым выделить ещё одну немаловажную *подгруппу (2)* – издания о культурно-исторической среде русской провинции второй половины XVIII века (приоритет составляют, разумеется, работы о Тульской губернии).

К таковым относится «Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века»²¹. Издание посвящено преимущественно исследованию быта и нравов провинциального дворянства. Заметим, что это особенная работа Н.Д. Чечулина во многом опередила свое время, предложив практически революционный взгляд на русскую провинцию (это осознавал и сам Н.Д. Чечулин, сравнивая своё сочинение с работами А.И. Незеленова²², М.И. Семевского²³, Н.Ф. Дубровина²⁴ и В.А. Гольцева²⁵). В ней выдвигается следующая точка зрения: провинциальное общество образовалось в России только во второй половине XVIII века, когда в провинции вследствие «Манифеста» 1762 года появилось значительное число дворян, проводивших теперь здесь всю свою жизнь. В этот период дворянству была предоставлена большая доля участия в местном самоуправлении,

первой половине XIX вв. (По материалам Тульской губернии) // Российское купечество от средних веков к новому времени: Научная конференция. М., 1993. С. 144-146.

²¹ Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. 115 с.

²² Незеленов А.И. Новиков, издатель журналов 1769- 1785. СПб., 1875.

²³ Семевский М.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881.

²⁴ Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб, 1884.

²⁵ Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. М., 1886.

что привело к сплочению населения в довольно самобытное общество, которое вело развитую жизнь и сосредотачивало в себе большую (прогрессивную) часть дворянства и интеллигенции. Исследование Чечулина примечательно новаторскими решениями (в отношении источников и интерпретации фактов) и подходами к проблеме.

По вопросам формирования тульского культурного гнезда написано немало. Следует обратить внимание на работы В.Н. Уклеина²⁶ и Г.П. Присенко²⁷, где впервые изложена и систематизирована история тульского краеведения, и, конечно же, исследования О.Е. Глаголевой²⁸. В них автор раскрывает страницы культурной жизни русской провинции (а именно Тульской губернии) в XVIII – первой половине XIX веков. Рассматривает историю развития образования, литературы и издательства, науки, театрального и музыкального искусства, раскрывает различные стороны духовной жизни представителей разных сословий. Приводятся интересные сведения о вкладе в развитие культуры русской провинции ученых и писателей, рассматриваются дворянские усадьбы как культурные центры региона. Работы О.Е. Глаголевой очень целостные, хорошо структурированные, универсальные, содержат огромное количество фактического материала и нестандартных исследовательских решений. Полагаем, эти издания будут весьма полезны для каждого исследователя Тульского края.

Следующую *подгруппу* (3) можно обозначить как труды о русском дворянстве* второй половины XVIII – го века. Здесь можно

²⁶ Уклеин В.Н. Змеиться лентою дорога. Тула., 1972.; Уклеин В.Н. От Тульских засек до Красивой Мечи. Тула., 1976.

²⁷ Присенко Г.П. Порникновение в былое. Тула: Приокское книжное издательство, 1984. 143 с.;

²⁸ Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. 153 с.; Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. 208 с.

* О дворянстве, как о культурном ядре русского общества, как о наиболее активной и образованной его части, и потому потенциальном проводнике европейских идей и практик в Россию.

выделить два интересующих нас уровня: 1) работы о дворянстве как сословии, об особенностях службы (прежде всего зарубежной) и других возможностях воспринять иностранные идеи и практики (общение, чтение, *grand tours* и др.); 2) о провинциальном дворянстве (прежде всего, разумеется, Тульской губернии): о быте, хозяйственной и профессиональной деятельности провинциального дворянства, о культуре провинциального дворянства (в первую очередь нас интересует «пища для ума» и развитие общественной мысли).

Весьма важной для полноты освещения вопроса истории дворянства является работа В.О. Ключевского «История сословий в России»²⁹. В ней, обобщив размышления своих предшественников, автор дает классическое определение сословия. Для нас особенно интересно то, каким образом Ключевский охарактеризовал систему дворянского воспитания, роль передовой французской литературы и психологическое восприятие дворянами ее идей в условиях крепостной действительности. Эту тему В.О. Ключевский раскрывал неоднократно, однако каждый раз довольно односторонне: отводил западноевропейскому влиянию, «отрывавшему дворянство от окружающей действительности», определяющую роль, в результате чего дворяне становились «пустыми людьми» (то есть В.О. Ключевский не говорит о трансфере, как таковом, он говорит о более простом явлении - заимствовании). Особенно ярко эти взгляды проявляются в работе «Западное влияние в России после Петра»³⁰. Здесь В.О. Ключевский проводит резкие границы между столичным дворянством и «сельской дворянской средой». В его понимании главным двигателем культурной жизни дворянского сословия в целом была внешняя сторона его жизни, стремление к увеселениям,

²⁹ Ключевский В.О. История сословий в России. М., 1989

³⁰ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983.

пышности, светской жизни. Сегодня взгляды В.О. Ключевского по данному вопросу не столь популярны, как прежде, тем не менее, его соображения вполне могут быть использованы при проведении альтернативного исследования на данную тему.

К этой подгруппе относится монография М.Т. Яблочкова - дворянина Ефремовского уезда Тульской губернии, историка-генеалога – «История дворянского сословия в России»³¹. Им была разработана обширнейшая программа и другого значительного исследования «Дворянское сословие Тульской губернии», которое он намеревался проводить с привлечением широчайшей источниковой базы. И хотя М.Т. Яблочков успел опубликовать только первые девять томов этого исследования, в которых нашли отражение состав, имущественное положение тульского дворянства, деятельность дворянских собраний, участие дворянства в управлении губернией, в народном образовании, он значительно переосмыслил и развил существовавшие историографические традиции. К сожалению, М.Т. Яблочков только начал изучение генеалогии дворянских родов губернии, в 1906 году он умер, но его работа была продолжена В.И.Чернопятовым³² - дворянином Богородицкого и Крапивенского уездов Тульской губернии, историком-генеалогом - опубликовавшим десять дополнительных томов. Не устарело данное исследование и в настоящее время.

Отметим так же работы Н.П. Павлова-Сильванского³³ (исследует, прежде всего, вопрос происхождения сословия, в том числе и в провинциальной среде), А.В Романовича-Славатинского³⁴

³¹ Яблочков М.Т. История дворянского сословия в России. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1876. 680 с.

³² Чернопятов В. И. Дворянское сословие Тульской губернии. В 12 т. М., 1908 - 1915.

³³ Павлов –Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. М., 2001

³⁴ Романович - Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Спб.,1870.

(повествует главным образом о политическом и экономическом статусе дворянства), С.А Корфа³⁵ (рассказывает об устройстве сословного управления). Монография И.А. Порай-Кошица³⁶ рассматривает историю возникновения дворянства как привилегированного сословия, подробно раскрывает историю дворянства в XVIII веке. Здесь наряду с описанием и характеристикой приобретения дворянами всевозможных прав и привилегий параллельно рассматриваются и вопросы, связанные с культурой и бытом этого сословия (что для нас особенно важно!). Прежде всего, характеризуются вопросы образования, воспитания детей в соответствии с нормами морали, чувством долга и чести.

Как уже было отмечено, при рассмотрении культурной среды провинциального дворянства, приоритет для нас будут составлять материалы, отражающие особенности развития общественной мысли. Поэтому, говоря о культурной жизни тульского дворянства, нельзя не отметить следующие работы: «Русские писатели и тульский край» Н.А. Милонова³⁷, «Прогулка по Туле и путешествие по её окрестностям» Н.Ф. Андреева³⁸, «Писатели Тульской губернии» И.П. Сахарова³⁹, «Просветитель В.А. Лёвшин» Г.П. Присенко⁴⁰. Эти издания помогут нам определить ряд персоналий, перспективных для исследования. Но если сочинения Н.Ф.Андреева и И.П. Сахарова носят скорее справочный характер, то весьма обстоятельные работы Н.А. Милонова и Г.П. Присенко заслуживают большего внимания.

Нельзя не сказать, что среди работ по истории дворянства заметным явлением дореволюционной историографии стала

³⁵ Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие: 1762-1855. Спб., 1906

³⁶ Порай-Кошиц И.А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века 862 – 1796 гг. Спб., 1874.

³⁷ Милонов Н.А. Русские писатели и Тульский край: Очерки по лит. краеведению. Тула, 1971. 574 с.

³⁸ Андреев Н.Ф. Прогулки по Туле и путешествие по её окрестностям // «Москвитянин». 1843г. ч.1. №2 .С. 611-618.

³⁹ Сахаров И.П. Писатели Тульской губернии. Спб., 1838.

⁴⁰ Присенко Г.П. Просветитель В.А. Левшин. Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. 93 с.

историческая публицистика, заложившая основы классификации дворянства. На современном этапе основной отличительной чертой историографии по данной проблеме является более пристальное, чем прежде, изучение деталей. В частности, более внимательно исследуются вопросы культуры и быта дворянства (уже упомянутые А.Б. Каменский, Ю.М. Лотман⁴¹, И.М. Пушкарева⁴²), менталитета (Е.П. Барина, В.С. Кулабухов), геральдики (И.В. Борисов (Ильин)), генеалогии (В.И. Федорченко «Дворянские роды Российской империи»⁴³) и др. Появляются новые исследования, посвященные истории русского дворянства на региональном уровне.

3. Справочно-библиографические издания, потребность в которых появляется в процессе написания работы.

К данной группе можно отнести сотни изданий разного уровня и тематической направленности. Приведем несколько использованных в работе: Энциклопедический словарь А.Ф.Брокгауза и И.А. Ефрона⁴⁴; «Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию Тульского дворянства» Л.М. Савелова⁴⁵; «Тульский биографический словарь»⁴⁶...

Подводя итог данному разделу, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что специфика изложения историографии проблемы (от общепринятого хронологического принципа в пользу проблемно-тематического) – намеренный ход автора, призванный акцентировать внимание на наиболее информативных работах*.

⁴¹ Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Великосветские обеды. СПб., 1996.

⁴² Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (XVIII - нач. XIX вв.). М., 1997.

⁴³ Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество. Энциклопедия дворянских родов. Красноярск, 2001.

⁴⁴ Энциклопедический словарь А.Ф.Брокгауза и И.А. Ефрона. [сайт]. [2001]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>.

⁴⁵ Савелов Л.М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию Тульского дворянства. М., 1904

⁴⁶ Тульский биографический словарь. в 2 т. Под ред. В.И. Крутикова, Тула: Пересвет, 1996..

* Пояснение с точки зрения методологии см. I.1.2.

Цель работы заключается в попытке комплексного исследования проблемы «культурного трансфера европейских идей и практик на «почву» русской провинции» по материалам Тульской губернии (преимущественно второй половины XVIII века).

Конкретные **задачи** исследования:

– предложить теоретико-методологическое обоснование проблемы культурного трансфера европейских идей и практик на «почву» русской провинции в эпоху Просвещения;

– охарактеризовать культурно-историческую среду Тульской губернии второй половины XVIII –го века, как потенциальную «почву»;

– рассмотреть механизм трансфера европейских идей и практик в культурно-историческую среду Тульской губернии, преимущественно на примере садово-паркового искусства;

– выявить и проиллюстрировать документальным материалом перспективные для дальнейшего исследования направления культурного трансфера европейских идей и практик на «почву» Тульской губернии в указанный период.

Объектом исследования является историко-культурная среда Тульской губернии второй половины XVIII-го века, как «почва» для трансфера и адаптации европейских практик и идей.

Предметом исследования является процесс культурного трансфера европейских идей и практик в провинциальную среду (на материалах Тульской губернии второй половины XVIII –го века).

Хронологические рамки исследования определены с учетом исторического аспекта проблемы и в соответствии с замыслом настоящей работы. Таким образом, хронологические рамки анализируемых фактов и источников ограничены следующими границами: нижняя - соответствует дате учреждения Тульской губернии в рамках административно-территориальной реформы согласно указу Екатерины II от 19 сентября 1777 года (к этому моменту в целом сложилось так называемое «провинциальное общество» в лице получивших привилегию (Манифест о вольности) дворян); верхняя граница – согласно заявленной теме, совпадает с окончанием XVIII-го века (однако, учитывая, что в литературе существует устойчивое мнение о единообразии процессов, протекающих в русской культуре во второй половине XVIII-го - начале XIX-го веков, оставим за собой право в отдельных случаях расширять хронологические рамки)⁴⁷.

Географические рамки исследования ограничены территорией Тульской губернии в конце XVIII-го века, где, согласно формулировке темы, протекали процессы трансфера и адаптации европейских идей и практик.

Методологическая основа работы базируется на принципах историзма и объективности, позволяющих рассматривать предмет исследования в конкретно-исторических условиях его возникновения, во взаимосвязи и хронологической целостности с объективными процессами, происходившими в истории и культуре России. Кроме того, в работе использовались общенаучные методы индукции, дедукции, системный анализ и общеисторические методы: историко-

⁴⁷ Целесообразно в отдельных случаях расширить «верхний предел» до 1812 года, которому было суждено стать началом новой волны трансфера идей и практик из Европы в Россию (нижний – в некоторых случаях, до 1762 года).

генетический, историко-типологический, историко-сравнительный, историко-описательный, источниковедческий анализ.

Источниковую базу исследования составляют письменные источники, содержащие сведения о культурном трансфере европейских идей и практик на почву Тульской губернии второй половины XVIII века. Некоторые из них вводятся в научный оборот впервые. Все использованные материалы, соответственно, можно разделить на две группы:

1) Неопубликованные (архивные) источники

К данной группе относим ряд материалов ГАУ ТО, использованных при написании данной работы. Следует подчеркнуть, что некоторые из них были введены в научный оборот О.Е. Глаголевой⁴⁸. Тем не менее, целесообразно произвести самостоятельный анализ первоисточника, чтобы увидеть новые, не отмеченные прежде, грани способствующие раскрытию именно данной темы. Кроме того, были использованы следующие материалы: Ф. 115, оп.1, д.2 «Литературные наброски Авдеева»; Ф. 115 оп. 1 д. 13 «Билет, выданный Новосильским нижним Земским судом помещику А.Т. Авдееву на право винокурения»; Ф. 115, оп. 1 д. 19 «Наставление данное Алексеем Тимофеевичем Авдеевым магазину в с. на Филиновой Зушице»; Ф. 115 оп. 1 д. 20 «Расписка из Новосильской дворянской опеки в получении от А.Т. Авдеева (подумных) денег для уплаты доставщикам лошадей и повозок на станции чернского округа для доставки турецких послов»; Ф. 115 оп. 1 д. 23 «Объявление А.Т. Авдеева и др. об отпуске на волю крепостных своих крестьян»; Ф. 115 оп. 1 д. 21 «Челобитная А.Т. Авдеева о разрешении ему взять во

⁴⁸ Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. С. 78 (ф.114, оп.1, д.18), С. 100 (ф.115, оп.1, д. 47), С. 101 (ф. 115, оп.1, д. 7), С. 102 (ф. 115, оп.1, д. 1).

служение поляков»; Ф. 115 оп. 1 д. 44 «Копия челобитной поляка Сорокина Екатерине II о переводе его в полк к А.Т. Авдееву»; Ф. 114 (Сонин Андрей Дмитриевич) оп. 1 д. 20 «Записки о лечении и разведении лошадей»; Ф. 114 оп. 1 д. 21 «Рукопись с фантастическими пожеланиями» и другие (полный список приведен в конце работы).

2) Опубликованные источники

К таковым, прежде всего, отнесем мемуары, путевые заметки, литературные наброски и другого рода сочинения выдающихся современников интересующих нас событий. Надо сказать, что мемуары со времен Екатерины II приобретают выработанную форму, демонстрируют более осознанное отношение к событиям, обрисовывают черты нравов общества. Существует мнение, что эти обстоятельства неразрывно связаны с распространением в российском обществе образования.

Прежде всего, отметим «Письма русского путешественника»⁴⁹, созданные Н.М. Карамзиным во время тура по странам Европы (1789-1790 годы). Сам автор охарактеризовал свой труд следующим образом: «Пестрота, неровность в слоге есть следствие различных предметов, которые действовали на душу молодого, неопытного русского путешественника: он сказывал друзьям своим, что ему приключалось, что он видел, слышал, чувствовал, думал, — и описывал свои впечатления не на досуге, не в тишине кабинета, а где и как случалось, дорогою, на лоскутках, карандашом. Много неважного, мелочи — соглашаюсь...»⁵⁰. Похоже, одной из задач автора было сделать культурный мир Европы достоянием российского читателя, поэтому источник предоставляет уникальную информацию об особенностях

⁴⁹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/_01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all

⁵⁰ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 79. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/_01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all

поиска общего культурного пространства между представителями России и Европы.

Так же отметим «Записки русского путешественника» А.Г. Глаголева⁵¹ - писателя, доктора словесности и археолога. Это историческое и бытовое описание мест путешествия по Германии, Швейцарии, Франции и Англии явно испытывает влияние вышеупомянутого труда Н.М. Карамзина. Здесь приводится описание Тульской губернии, совершенное при переезде автора из Москвы в Европу. Достаточно подробно рассказывается о внешнем облике, манере разговаривать, нравах, обычаях и достопамятных событиях помещного дворянства. Надо заметить, что А.Г. Глаголев дал весьма негативную оценку увиденному в русской провинции, вероятно, в силу его пристрастия к выдающимся, «вопиющим»⁵² фактам. Тем не менее, для создания полноценной картины культурной среды Тульского края после разительных перемен во второй половине XVIII – го века его замечания могут быть полезны (для оценки степени адаптации нововведений). Данная работа интересна так же в ключе сравнения её с трудом Н.М. Карамзина.

Совершенно особенным, универсальным историческим источником по истории Тульской губернии конца XVIII- начала XIX века (да и повседневной жизни в России вообще) по праву считаются записки А.Т. Болотова – мемуариста, писателя, философа, ученого ботаника и садовода, одного из основателей агрономии и помологии в России. «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков»⁵³ или «Записки Андрея Тимофеевича Болотова»

⁵¹ Глаголев А.Г. Записки русского путешественника с 1823 по 1827 г. В 4 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1837.

⁵² Термин, предложенный Чечулиным для характеристики односторонне негативного взгляда на русскую провинцию времен Екатерины II. Русское провинциальное

⁵³ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870.

(далее - «Записки»), этот колоссальный труд создавался автором в течение 27-ми лет. Главный интерес «Записок» заключается в особенно четком и сильном изображении социально-бытовых моментов эпохи крепостничества. Здесь ярко и разносторонне изображен внутренний быт всего русского общества в XVIII-м столетии, в частности, тульского помещного дворянства. «Записки» предоставляют любопытные подробности о воспитании дворян, сведения о провинциальной и столичной жизни во всех её проявлениях, о военной и гражданской службе высшего сословия, о состоянии сельского хозяйства и русской литературы, науки и книжной торговли. Так же довольно подробно повествуется об участии России в войнах, можно найти биографии государственных и общественных деятелей, описания правительственных распоряжений соответствующего периода. Учитывая некоторые особенности личности и судьбы автора, эти мемуары можно назвать одним из важнейших источников для изучения культурного трансфера европейских идей и практик на почву Тульской губернии.

Помимо «Записок» исследуемую тематику затрагивают и другие сочинения Андрея Тимофеевича. Например, «Памятник протекших времен, или Краткие исторические записи о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах»⁵⁴, «Забавы живущего в деревне, или Собрание разных мелких нравоучительных, сатирических, натурологических и других, отчасти забавных сочинений, писанных в разные часы для пользы и удовольствия себя и другим людям, одним россиянином, сочинявшим некогда детскую философию и разные другие книги»⁵⁵, «Письма о красотах природы»⁵⁶ и «Живописатель

⁵⁴ Болотов А.Т. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носящихся в народе слухах. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0100.shtml

⁵⁵ Болотов А.Т. Забавы живущего в деревне, или Собрание разных мелких нравоучительных, сатирических, натурологических и других, отчасти забавных сочинений, писанных в разные часы для

натуры или опыты сочинениям, относящимся до красоты природы и увеселения себя оными»⁵⁷, так же ценную информацию несут некоторые литературные произведения А.Т. Болотова⁵⁸.

Ценным источником по истории, экономике и культуре Тульского края второй половины XVIII – начала XIX веков является труд Василия Алексеевича Лёвшина «Топографическое описание Тульской губернии»⁵⁹. «Описание» отличается обилием разнородных статистических данных (при написании работы Лёвшин опирался на разноплановые источники: результаты ревизий, экономических примечаний к Генеральному межеванию, документы местных учреждений, примечательно, что некоторые из них не сохранились, поэтому по ряду вопросов труд Лёвшина приобрел значение первоисточника), систематическим изложением материала в различных ракурсах и детальной проработкой фактов. Обработанные В.А. Лёвшиным сведения представляют собой комплексную и в то же время детальную картину состояния экономического хозяйства Тульского края XVIII века. Для нас данный источник может быть полезен при выявлении фактов адаптации европейских практик (преимущественно хозяйственных) в культурной среде Тульской губернии.

Небезынтересным следует считать и литературное творчество Василия Алексеевича⁶⁰. Будучи приверженцем идейного течения

пользы и удовольствия себя и другим людям, одним россиянином, сочинявшим некогда детскую философию и разные другие книги. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0090.shtml

⁵⁶ Болотов А.Т. Письма о красотах природы. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0060.shtml

⁵⁷ Болотов А.Т. Живописатель природы или опыты сочинениям, относящимся до красоты природы и увеселения себя оными. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0070.shtml

⁵⁸ Болотов А.Т. Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских, изображенных в ямбических белых четверострочных стихах: в разныя времена и при разных поводах и случаях. А... Б... в 1817 году в Дворенинове. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0030.shtml; Болотов А.Т. Честохвал. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0040.shtml; Болотов А.Т. Несчастные сироты. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0050.shtml.

⁵⁹ Лёвшин, В.А. Топографическим описанием Тульской губернии. Тула: Пересвет, 2006. 218 с.

⁶⁰ Визири, или Очарованный лабиринф. Повесть восточная. в 3 ч./ пер. с нем. М., 1779—1780 г; Утренники влюбленного. М., 1779; Новейшее путешествие, сочиненное в г. Белеве / Собеседник любителей

просветителей и активным членом «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» под руководством Н.И. Новикова, В.А.Левшин был видным и даже прогрессивным деятелем русской культуры своего времени. Поэтому его сочинения, безусловно, следует считать перспективными для анализа на наличие рецепции европейских идей и литературных практик.

Научная новизна исследования. В работе впервые реализовывается попытка комплексного исследования проблемы «культурного трансфера» европейских идей и практик на «почву» русской провинции по материалам Тульской губернии (для которой вопрос культурного своеобразия подобным образом ставится впервые). Работа не претендует полностью осветить столь обширную проблему. Имеет место лишь разработка основных направлений, в которых целесообразно двигаться исследователю, работающему над проблемой наполнения культуры русской провинции (а именно, Тульской губернии) европейскими идеями и практиками в эпоху Просвещения. Результатом исследования стала обоснованная система взглядов на аспекты трансфера в культурную среду провинции, которая может быть полезна при дальнейшей разработке темы вообще.

Положения, выносимые на защиту: (расширенный вариант)

1. Наиболее востребованный сегодня в исторической науке подход к изучению комплекса проблем социокультурного взаимодействия предполагает, что взаимодействие культур – сложносоставной, диалогический процесс и в качестве его основного механизма следует видеть культурный трансфер.

Основной отличительной чертой данного подхода является особое понимание рецепции, как активного творческого процесса.

российского слова.1784. Ч 13-14.; Мнимые вдовцы. Калуга, 1794; Свадьба господина Волдырева. Калуга, 1794 и другие.

Тогда интерес для исследователей составляют конкретные направления и формы трансфера.

2. Влияние западноевропейского Просвещения необходимо изучать исключительно на основании источников, ведущих свое происхождение из «стран-реципиентов». В ходе исследования следует помнить о дифференциации предмета трансфера на идеальный и практический.

Особого внимания заслуживают «Наказы» и выступления депутатов Уложенной комиссии (помимо выявления фактов трансфера, они могут быть полезны для определения перспективных для исследования персоналий).

Реформы Петра I задали вектор развития России в «западном» направлении (подготовил «почву»), Екатерина II его продолжила (обратилась к «европеизации» российского образа мышления и чувствования).

3. Неодинаковой была «почва» для распространения европейских идей и практик в столицах и провинции. Тульская губерния во второй половине XVIII–го века, в каком-то смысле, была «захолустьем», однако и здесь встречались высокообразованные люди (преимущественно из дворян), подверженные «европеизации»: А.Т. Болотов, В.А. Левшин, А.А. Авдеев.

4. «Европеизацию» следует представлять, как один из сценариев модернизации Российской империи, реализованный посредством социокультурного взаимодействия с Европой. Применительно к рассматриваемому периоду можно выделить две разновидности европеизации: умственную и чувственную. Общим для обоих направлений европеизации является приоритет ценностей Просвещения.

Литературное наследие А.Т. Болотова содержит ценные сведения о полном цикле процесса трансфера идей и практик и его механизмах в области садово-паркового искусства. Основой механизма

трансфера в данном случае выступают чтение, созерцание (наблюдение) и практический опыт.

При глубокой, осмысленной рецепции идеи или практики может возникнуть интерес или даже потребность в трансфере идей и практик смежных областей.

Успешная трансляция и адаптации возможны только при внутренней гармонии идейно-практического комплекса и его соответствии новой «почве».

5. Оптимальным свидетельством успешного трансфера (образования полноценного сообщества просвещенных европейцев) можно назвать сюжет с приездом в Богородицк иностранных путешественников, описанный А.Т. Болотовым в мемуарах.

Трансфер идей предстает органичной составляющей истории идей. Соответственно, последняя - удобный контекст для его изучения.

Трансфер идей, как правило, сопровождается трансфером текстов. Российская империя в XVIII веке имела острую потребность в трансфере иностранных текстов.

Коллективная работа над текстом (перевод, чтение, обсуждение и так далее) приводила к формированию у людей схожих образов мысли и чувства. Культурно-исторический контекст русской провинции (Тульской губернии) рассматриваемого периода создавал дополнительные условия, для формирования таких сообществ в наиболее образованных кругах.

Тема трансфера определенных идей и литературных практик может быть раскрыта и в связи с участием некоторых жителей провинции в крупных столичных переводческих организациях. В контексте данной работы, это возможно, в связи с деятельностью В.А. Левшина.

Ошибочно искать идеи сентиментализма в творчестве А.Т. Болотова, несмотря на их внешнюю видимость. В своей литературной деятельности А.Т. Болотов трансформировал идеи немецких эстетиков (прежде всего И.Г. Зульцера). А.Т. Болотов и не являлся просветителем, хотя активно занимался просветительской деятельностью.

При изучении трансфера идей в массовом резервуаре особого внимания заслуживают журналы. Они предстают как «смыслотрансферирующий» механизм, носителем и средством Просвещения.

Здесь целесообразно произвести не только контент-анализ, но серьезный анализ текста, так как в этом случае в поле зрения исследователя попадут не только идеи, но и литературные практики.

6. Изучение вопросов «культурного трансфера» целесообразно производить в связи с определенным феноменом культуры: усадебной культурой, садово-парковым искусством, масонством, театром и так далее.

Кроме трансфера собственно идеи театра, интересными для изучения (в том числе и на материале Тульской губернии) представляются театральная драматургия и некоторые театральные практики («живые картины», «шарады» и так далее).

Масонство существенно повлияло на обновляющуюся в свете Просвещения русскую культуру (Тульская губерния не исключение). Прежде всего, - на художественную литературу. Важными в этой связи представляются трансформированные философские воззрения русских масонов на мифологему о «Золотом веке».

Потенциальным источником для изучения трансфера масонских и «околомасонских» идей и практик представляется любой текст, относящийся к рассматриваемому периоду.

7. Изучение вопросов трансфера идей и практик наиболее удобно производить в связи с деятельностью конкретных персон. Поэтому выделяя перспективные для дальнейшего исследования направления по Тульской губернии, следует в первую очередь обращать внимание на персоналии.

Научно - практическая значимость исследования: изложенные в дипломной работе положения, выводы, теоретические разработки и материалы могут быть использованы при дальнейшей разработке вопросов трансфера и адаптации европейских идей и практик на почву русской провинции (Тульской губернии в частности), при подготовке обобщающих работ по истории и историографии отечественной культуры соответствующего периода; истории дворянства Тульской губернии; при разработке общих и специальных курсов по истории Тульского края... Полученные данные могут быть использованы в краеведческой работе музеев и библиотек.

Апробация результатов исследования: XIX международные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых «XXI век: гуманитарные и социально-экономические науки» (апрель 2010); 46-я студенческой конференции ТулГУ (декабрь 2009), IV-я молодежная научно-практической конференции ТулГУ «Молодежные инновации» (декабрь 2009 года), молодежный историко-литературный альманах «Венеды»⁶¹.

Структура работы обусловлена целью и основными задачами исследования, представляет собой: введение, две главы, заключение, список источников и литературы, приложения.

⁶¹ Овчинникова Д.А. Английский и французский садовый стиль: дополнение к вопросу о культурном трансфере на почву русской провинции // XXI век: гуманитарные и социально-экономические науки. ТулГУ. Тула, 2010. С. 219-220; Овчинникова Д.А. Философия природы в европейских стилях садово-паркового искусства // Венеды. ТулГУ. Тула, 2010. С 126-130; сборники других конференций находятся в печати.

Глава I. «Культурный трансфер», как тема научного исследования в зеркале специальной русскоязычной историографии - теоретико-методологическое обоснование проблемы.

I.1. Разработка технологии исследования.

Ещё в последние десятилетия XX – го века немалую актуальность для исторической науки приобрели вопросы методологического кризиса. Впрочем, подобные проблемы (по определению) входят в сферу профессиональных интересов достаточно узкого круга исследователей, в основном, – теоретиков. Тем не менее, их непосредственное влияние могут ощущать на себе представители практически всех направлений исторической науки.

Оспаривать то, что кризис имел место - достаточно сложно. Но в контексте нашего исследования не эта сторона вопроса является главной. Большинство ученых полагали, что в качестве ключевых аспектов вопроса следует рассматривать причины и природу данного явления. Так, видный американский историк Л. Стоун полагал, что основная причина состоит в «перемещении центральной темы истории с окружающих человека обстоятельств на человека в исторически конкретных обстоятельствах»⁶². Таким образом, начала «кристаллизоваться» идея о специфике исторического знания как науки о культуре.

В свою очередь, эту мысль развил А.Я. Гуревич, придя к выводу, что наблюдаемый кризис, является «болезнью роста», которая выражается в «существенной ломке привычных стереотипов и

⁶² Stone L. The Past and the Present Revisited. Lnd. 1987, pp. XI, XII, 30.

устоявшихся схем, в назревании глубокой трансформации исследовательских методов и научных подходов»⁶³.

Подобный взгляд на проблему закономерно расположил в самом её эпицентре историка – специалиста, сформировавшегося и действующего в рамках ранее predetermined методологии, опираясь на те гносеологические принципы и ориентиры, которые к 80 – м годам XX века перестали быть актуальными. Логично, что подобное положение вещей требовало от историка саморефлексии. Полученные в результате её новые «ориентации» все чаще стали направлять ученых на путь исторического синтеза - на комплексное изучение вопроса со всех видимых сторон. Это стало возможным благодаря общему пересмотру сферы интересов*, новому профессиональному (само)сознанию историка и существенным изменениям в методологии. Следствием всего вышесказанного стало широкое применение междисциплинарного и нового для исторических исследований полидисциплинарного* подхода (благодаря которому историческая наука и её «междисциплинарные дополнения» могли существенно расширить свои практические возможности и ещё более приблизиться к достаточной полноте знания).

Полидисциплинарный подход для нас особенно интересен, так как на его благодатной почве выросли самобытные, весьма востребованные научные направления, активно разрабатываемые наукой сегодня. Прежде всего, речь идёт об использовании достижений этнологии, антропологии, психологии, филологии и культурологии, а так же ряда синтезированных на их эпистемологической основе дисциплин*.

⁶³ Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2—3, С. 21-35.

* Важно, что многие, казалось бы, изученные проблемы стали видеться по-новому: как правило, более сложными, многоаспектными, и, тем самым, приобрели востребованность.

* Иногда его называют мультидисциплинарным.

Многие объективные обстоятельства обусловили ощутимое разнообразие конкретных подходов и направлений. Тем не менее некоторые авторитетные ученые склонны полагать, что «...сейчас мы можем говорить о некоем «поле» историко-антропологических исследований, на котором рядом расположены (и часто пересекаются) такие направления, как история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности, новая культурная история»⁶⁴.

В качестве иллюстрации вышесказанного приведем, пожалуй, возможности психологической антропологии. Изучая культуру с психологической точки зрения, она не описывает её как данность, а позволяет исследовать, как процесс (что представляется целесообразным при проведении адекватной параллели с историческим процессом). Подобный подход позволяет детально понять многие особенности культуры: «из каких компонентов состоит культура, как эти компоненты соотносятся между собой, образуя единую структуру, каковы механизмы функционирования культуры, как она преломляется в своих носителях и регулирует их коммуникацию и взаимодействие, каковы принципы ее трансформации, что обеспечивает ее стабильность и ее подвижность»⁶⁵.

Таким образом, анализ любой из приведенных выше «деталей»* может быть полезен при проведении комплексного исторического, культурологического или другого исследования социально – гуманитарного профиля, а так же «междисциплинарного дополнения» к таковому. Более того, каждая из них (деталей) сегодня может быть

*Отметим, что интерпретация полученных результатов в любом случае производится с позиции истории, как «ведущей» дисциплины

⁶⁴ Подробнее о единстве и многообразии антропологически ориентированной истории см.: Кром М.М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000.

⁶⁵ Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М., 2005.

* Вместо психологической антропологии здесь может быть приведено любое другое междисциплинарное направление, возможности которого могут быть полезны для исторической науки.

рассмотрена как актуальнейшая тема для самостоятельного исследования. В этом отношении особенно интересными и востребованными, на наш взгляд, являются вопросы «культурного трансфера».

Сказав несколько слов о «поле», в рамках которого потенциально задумывается исследование, хотелось бы перейти к конкретизации теоретической - методологической инфраструктуры: подхода, методов, источниковой базы и понятийного аппарата.

1.1.1. Анализ основных исследовательских подходов к проблеме «культурного трансфера».

Прежде всего, отметим, что изучение явления «культурный трансфер» ведется не менее двух десятков лет (впервые проблематика была введена в научный оборот западными учеными) и имеет значительные наработки. Существенны достижения в области определения базы источников для потенциального исследования, их прочтения, интерпретации, методики работы и так далее. Интересно, что научная разработка темы происходит (в значительной степени) в рамках международных научных проектов (например, «Культурный трансфер: Россия и Европа с 1650 года», «Культура и быт русского провинциального дворянства XVIII века», «Культурный трансфер. История германского мира» и тому подобными). Различными аспектами данной тематики активно интересуются крупные научные учреждения России и Европы (Голландский институт в Санкт-Петербурге, Институт им. Хейзинги в Амстердаме, Французский институт в Санкт-Петербурге, Франко-российский центр гуманитарных

и общественных наук в Москве, РНБ: сектор «Библиотека Вольтера – Центр изучения эпохи Просвещения», Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ (ИВГИ), Лаборатория «Культурный трансфер» Национального центра научных исследований Франции (СНРС), Высший Институт Франции, Германский исторический институт в Москве и многие другие), многочисленные монографии⁶⁶, конференции⁶⁷, статьи и сборники статей тому прямое подтверждение. Полагаем, осмысление ключевых работ по рассматриваемому вопросу и выявление основных историографических тенденций является более чем целесообразным, так как именно это позволит выработать оптимальную технологию исследования.

Как уже было отмечено, процессы взаимодействия культур стали видятся более сложными, чем банальная «перекачка» достижений высокоразвитой культуры в менее развитую, сравнительно недавно. Тем не менее, подход, восходящий ещё к идеям П.А. Чаадаева, который при оценке «мысли» (посредством письменных источников) как ключевой характеристики культуры имеет условием «высокие научные стандарты» и по сему выводит обобщения, понуждающие «рассматривать Россию в интеллектуальном плане как *tabula rasa*»⁶⁸, по-прежнему имеет место⁶⁹. Однако подобное видение проблемы нельзя назвать исчерпывающим и концептуально целостным. Подход не пользуется популярностью, особенно у российских исследователей.

⁶⁶ Преимущественно на иностранном языке (немецкий, французский, голландский, английский).

⁶⁷ Например (из ещё не упомянутых): Международный коллоквиум «Дидро и Россия»; Русско-французский коллоквиум «Европейские судьбы концепта культуры» и др.

⁶⁸ Шарф Клаус. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9.

⁶⁹ Например, в исследованиях авторитетного кембриджского ученого Саймона Диксона.

Конкретизируем суть появления другого подхода к раскрытию проблемы: серьезные изменения в результате «семиотического взрыва», «лингвистического поворота» создали, теоретическую базу, на основе которой в конце XX века интердисциплинарная история совершила очередной виток – «культурологический» поворот, породивший социокультурный подход к изучению исторического прошлого с новой масштабной задачей – раскрыть культурный механизм социального взаимодействия⁷⁰. С этого момента мы можем говорить о появлении в операционном пространстве ученого соответствующих понятий (к каковым следует отнести и «культурный трансфер»). Только с оформлением такого рода понятий научное сообщество получило возможность во всей полноте описывать процессы транснациональных культурных изменений, развития и взаимовлияния культур. Таким образом, совершенно по-новому зазвучали и вопросы взаимоотношений России и Европы в эпоху Просвещения.

Сегодня в «европеизации» часто видят один из сценариев модернизации Российской империи, реализованный посредством социокультурного взаимодействия с Европой; начатый реформами Петра I и завершившийся в правление Александра I (на этот существуют разные точки зрения). Важной вехой в данном случае предстает деятельность Екатерины II и феномен «просвещенной монархии» «на русский манер».

В тематическом плане под проблемой «европеизации» следует понимать весь комплекс вопросов, связанных с формированием единого культурного и политического пространства России и Европы.

⁷⁰ Репина Л.П. Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра. Вместо предисловия // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 12.

* Подробнее об особенностях «европеизации» России см. пункт I.2.2.

Согласно вышесказанному, культурный трансфер должен пониматься как ключевой механизм «европеизации», который при «исправном» функционировании приводил к формированию единого (когда речь идет о сфере чувств и ощущений - «воображаемого») культурно-исторического пространства между Россией и Европой. Здесь требуется пояснение: культурный трансфер крайне обширное явление, при детальном рассмотрении в его структуре легко выявляются философские, теологические, политические, юридические, экономические, лингвистические и филологические, искусствоведческие, медицинские, технические и многие другие пласты (соответствующие конкретным векторам протекания трансфера). До сих пор в дипломной работе речь шла о их совместном рассмотрении, как единого организма (такой дискурс уместен, когда процесс трансфера рассматривается в теоретическом ключе или *комплексно*). Однако на практике чаще организовываются исследования иного толка: основанные на смежных узкоспециальных дисциплинах, раскрывающие особенности механизма трансфера на примере единичных фактов, отдельных слоев.

При таком видении в центре внимания оказывается множество разнообразных ракурсов «культурного трансфера»: Как и в какой мере идеи европейского Просвещения проникли в Россию? Как они были адаптированы здесь? В чем специфика их усвоения? Кто их главные носители? В какой степени эти прижившиеся в России начинания соответствуют их европейским истокам? Какова роль выходцев из Европы в процессе политической, культурной и идейной трансформации России? Можно ли говорить о феномене «российского Просвещения» или даже «просвещения России» со стороны государства? Насколько состоятелен тезис об одностороннем влиянии, заимствовании западноевропейских идей в России XVIII века? Следует

ли начиная с этого времени рассматривать таковые взаимовлияния в общеевропейском контексте? и так далее. Ответы во многом зависят от тех дисциплин, с позиции которых происходит интерпретация. Так или иначе, ученые пытаются разобраться, насколько органично и глубоко, как, в каких слоях идеи с Запада прижились в российском историческом контексте и, в свою очередь, насколько органично Россия оказалась вписана в общеевропейское политическое и культурное пространство⁷¹.

При рассмотрении данного исследовательского подхода (культурологического или «диалогического»⁷²) целесообразно исходить из соображений видного немецкого историка Клауса Шарфа. Прежде всего, проанализируем видение предмета проблемы.

Предметом изучения в этом случае выступают конкретные направления (например, политическая философия, государственное управление, архитектура или более узкие: политические идеи Руссо, садово-парковая архитектура и так далее) и конкретные формы взаимодействия (перевод, чтение, личный контакт, созерцание и другие).

Подобный подход реализуется новейшими междисциплинарными исследованиями (в основном во Франции, Германии и Австрии), посвященными механизмам коммуникации, соответственно проблемам культурного трансфера и адаптации в контексте исторических связей между различными национальными и региональными культурами^{73, 74}.

⁷¹ «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С 7.

⁷² Монастырская И.А. Идея языка как диалога в русской и немецкой философии и языкознании XIX – XX веков // История идей как методология гуманитарных исследований. Ч. 1: материалы международной конференции. СПб: Центр Истории Идей, 2001.

⁷³ Вообще, выделяют три уровня взаимодействия культур: этнический, национальный (государственный) и цивилизационный, однако в практике чаще всего процессы и отношения, характерные для всех трех уровней взаимодействия, идут одновременно.

⁷⁴ Шарф Клаус. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские

Клаус Шарф в уже упомянутой статье справедливо замечает, что в качестве основной отличительной черты рассматриваемого исследовательского подхода следует видеть особое понимание рецепции, как активного (*творческого – прим.*) процесса, сопровождающегося «отбором, внесением поправок и адаптацией». Таким образом, профессиональные усилия ученых оказываются, направлены на «реальных посредников, методы и формы трансляции».

Обращаясь к сравнению культур в данном ключе, ученые пытаются преодолеть сложившиеся ранее не вполне корректные установки и отношения типа: «образец - копия» и тому подобные. В этом смысле они изначально не признают концепции германского «культуртрегерства», культурного миссионерства Франции или же идеализации англо-американских образцов модернизации экономики, общества, культуры и государства, что подчеркивает «приоритет того контекста, в котором приживаются и интегрируются элементы других культур, перед влиянием и диффузией»⁷⁵.

Немецкий историк даже признаёт цели данного направления верными и важными, но все же приходит к выводу, что постановка вопросов и методы его ни в исторической науке, ни в социологии не являются настолько уж принципиально новыми, насколько это необоснованно утверждают его представители.

Можно заключить, что описанный подход позволил значительно расширить границы проблемного поля и конкретизировать детали, посредством тщательного изучения отдельных фактов. Культура-реципиент (или её отдельный феномен) стала сопоставляться с культурой-донором (создателем оригинальной идеи или практики) на

в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 14.

⁷⁵ Шарф Клаус. Указ соч. С. 14

предмет выявления различий, при этом важную роль стало играть определение точек пересечения, направлений и способов взаимодействия, при постулируемой активности процесса рецепции нового.

В контексте заявленной темы подход предполагает «послойное» исследование изменений в российской культуре XVIII -го века, порожденных новыми формами культурной активности; рассмотрение процесса появления новых духовных ориентиров и, соответственно, трансформации образа жизни людей, воспринимающих импульсы, идущие из Европы; а так же раскрытие процесса формирования мировоззрения, которое впоследствии сыграло роль культурного генома для всего общества, являясь основой менталитета.

Сегодня практически не возникает сомнений в отношении состоятельности данного подхода – на передний план выдвигается дискуссия по поводу сложностей комплексного исследования. Дополнительную трудность таковому прибавляют не только его собственные масштабы (в связи с ними, комплексная постановка вопроса происходит, как правило, в рамках проектов), но и следующее обстоятельство: на характер взаимодействия культур (в том числе и национальных) оказывает влияние значительное количество факторов. Это не только уровень развития каждой из них, но и конкретные исторические условия, а также поведенческий аспект. Наиболее важным вопросом, пожалуй, следует считать определение ведущей дисциплины, то есть той, которая способна обеспечить интерпретацию бесконечного множества междисциплинарных дополнений в единой стройной системе.

Описанная дискуссия сегодня актуальна для всего цикла наук «о культуре», поэтому проиллюстрировать её можно, излагая позицию Светланы Владимировны Лурье - кандидата исторических наук,

доктора культурологии, автора многочисленных работ, раскрывающих разнообразные вопросы культуры в междисциплинарном ключе:

«... До сих пор этот вопрос (*культурно-обусловленное поведение людей – прим.*) не ставился во всей своей полноте. Антропологи, принадлежащие к различным направлениям, ставили конкретные вопросы и давали на них ответы, многие из которых становились общепринятыми или почти общепринятыми в комплексе наук, который сегодня следует рассматривать как взаимосвязанный и лишенный отчетливых внутренних границ — психологической и когнитивной антропологии и культурной психологии. В настоящее же время, уже назревает необходимость предпринять попытку не только синтеза различных, перечисленных выше направлений, но и попытаться дать связанную многоаспектную картину функционирования культуры...

Перспективой развития антропологии представляется создание теории, которая не только объясняла бы культурно-обусловленное видение мира, влияние последнего на деятельность человека (или, наоборот, влияние деятельности на восприятие мира), соотношение между ментальными значениями и внешней реальностью, распределение культуры и ее адаптивные, мотивационные, коммуникационные, распределительные функции, но и, основываясь на фундаменте культурно-психологического понимания человеческой психики, объясняла бы функционирование этноса как социокультурной системы, подвижной, живой, постоянно меняющейся, способной преодолевать кризисы и реструктурироваться в соответствии с актуальными потребностями. Следует подчеркнуть, что такая перспектива требует особой тщательности проработки понятия «культура». Именно поэтому требуется особое внимание к описанию структуры и функционирования культурного поля, культурной составляющей нашей психики и развитие концепции культурных

сценариев, применимых для объяснения событий на макроуровне. Это означает, что в рамках антропологии должна быть разработана собственная социологическая теория и методология интерпретации истории...

Эту задачу могла бы выполнить наука, учитывающая весь конструктивный багаж антропологических и смежных с ними концепций, которую, мне представляется, следовало бы назвать исторической этнологией, и основания которой я здесь изложила»⁷⁶.

С.В. Лурье предлагает выход из сложившейся затруднительной ситуации посредством укрупнения организации дисциплин цикла, то есть их методологическое объединение в полидисциплинарном ключе. Эту точку зрения нельзя назвать исчерпывающей проблему (как и альтернативные ей), так как данный подход будет сопровождаться рядом трудностей. Таким образом, дискуссия по-прежнему остается открытой.

В продолжение анализа основных историографических тенденций приведем ещё один комплекс проблем, которые, так или иначе, возникают перед исследователем «культурного трансфера».

Этот значительный комплекс – вопросы самоидентификации русских в качестве «европейского народа», нельзя обойти вниманием. Именно эти вопросы, активно разрабатываемые «лагерем» филологов и лингвистов* (в том числе благодаря важной роли переводов трудов немецких и французских авторов в процессе европеизации России, а значит, и в механизме культурного трансфера) придавали решающий импульс развитию понятия «народ» в русском языке.

⁷⁶ Лурье С.В. Культурные константы, обобщенный сценарий и функционирование социокультурных систем. [сайт]. [2001]. URL: <http://psychology.org/CultConsts.htm>.

Исходным пунктом дискурса, в большинстве трактатов принято считать примеры рецепции и усвоения категорий национального духа и характера в «Наказе» Екатерины II (1767). Доминировавшее тогда представление о подверженности национального духа и характера изменениям выдвигало в центр внимания просвещение и национальную культуру - историю, язык, литературу - как факторы, определяющие процессы изменения. Обращение к официальным документам правления Екатерины II позволяет ученым реконструировать официальную перцепцию многонациональной империи и выявить степень восприятия в правительственных кругах знаний о нравах и обычаях народов России⁷⁷.

Познание русского народа происходило в ходе изучения народностей Российской империи. Германская исследовательница указанного комплекса проблем Ингрид Ширле особое внимание уделяет «противоречию между декларировавшимся положением о единой природе человека, в то же время утверждением многообразия народов в самой большой империи мира и их описанием»⁷⁸. В своей работе она анализирует механизмы адаптации понятий в языке в процессе их трансляции, опираясь на разработки Ю.Л. Слезкина⁷⁹ в этой области. Согласно его точке зрения, путешественники, посетившие в XVIII веке Российскую империю, «обращались в своих описаниях к западноевропейским категориям»⁸⁰.

* В ключе повествования целесообразно выделять лингвистику из ряда филологических дисциплин.

⁷⁷ Ингрид Ширле. Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII-го века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 125.

⁷⁸ Ингрид Ширле. Указ. соч. С. 121.

⁷⁹ Слезкин Ю.Л. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005.

⁸⁰ Слезкин Ю. Л. Указ соч. С. 122.

* Пётр Алексеевич Плавильщиков (1760—1812) — русский драматург и актёр; брат Василия Алексеевича Плавильщикова (1768, Москва — 26 (14) августа 1823, Санкт-Петербург) — издателя, библиотекаря и книготорговца.

В поддержку его теории говорят «трудности перевода», связанные с тем, что «в русском языке отсутствовали эквиваленты многих западноевропейских понятий». Иностранцы XVIII –го века на основе этого делали выводы об отсутствии у русских «национального характера» и «постоянном заимствовании». Об этом писал русский драматург П.А. Плавильщиков*, есть соответствующие замечания и в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина:

«Все были веселы и говорливы; хотели, чтобы и я говорил, и спрашивали меня о нашей литературе. Они очень удивились, слыша от меня, что десять песен «Мессиады» переведены на русский язык. «Я не думал бы, — сказал молодой профессор поэзии, — чтобы в вашем языке можно было найти выражения для Клопштоковых идей». — «Еще то скажу вам, — промолвил я, — что перевод верен и ясен». — В доказательство, что наш язык не противен ушам, читал я им русские стихи разных мер, и они чувствовали их определенную гармонию. Говоря о наших оригинальных произведениях, прежде всех наименовал я две эпические поэмы, «Россияду» и «Владимира», которые должны имя творца своего сделать незабвенным в истории российской поэзии»⁸¹.

В ходе подобных столкновений наблюдались попытки постулировать равенство России с другими европейскими нациями. Равенство в данном случае означало своеобразие⁸².

Переводы вообще приводили к необходимости формулировать новые значения, придавали импульс развитию языка и способствовали дифференциации понятийного аппарата, образованию неологизмов и

⁸¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. С 164. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/_01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all.

⁸² Сатирические журналы Н. И. Новикова. М., 1951. С. 477.

расширению значений слов⁸³. Все те же «Письма русского путешественника» содержат любопытную информацию о том, насколько заметны были эти процессы:

«В Потсдаме есть русская церковь под надзором старого русского солдата, который живет там со времен царствования императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлый старик сидел на больших креслах и, слыша, что мы русские, протянул к нам руки и дрожащим голосом сказал: «Слава богу! Слава богу!». Он хотел сперва говорить с нами по-русски, но мы с трудом могли разуть друг друга. Нам надлежало повторять почти каждое слово, а что мы с товарищем между собою говорили, того он никак не понимал и даже не хотел верить, чтобы мы говорили по-русски. «Видно, что у нас на Руси язык очень переменился, — сказал он, — или я, может быть, забываю его». — «И то и другое правда», — отвечали мы»⁸⁴.

Рассматривая упомянутое проблемное поле, следует понимать, что отсутствие стандартизированного перевода терминов на русский язык существенно замедляло становление семантики; в ходе процессов трансляции новых понятий некоторые из этих вариантов постепенно становились общепринятыми и закреплялись в языке; употребление иностранного слова для описания нового понятия или русского эквивалента во многом отражают позицию автора относительно вектора развития русского языка⁸⁵.

⁸³ Ингрид Ширле. Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII-го века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 134.

⁸⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. С. 130. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all.

⁸⁵ Ингрид Ширле. Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII-го века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 135.

Итак, изучение «культурного трансфера» (комплекса проблем, описывающих механизм социокультурного взаимодействия) ведется не менее двадцати лет (с момента полноценного оформления в науке данного понятия); изучение отдельных его вопросов (в различных контекстах) – весьма давно. Ключевым моментом определения исследовательского подхода к данному комплексу проблем является взгляд ученого на сущность механизма социокультурного взаимодействия. Так П.А. Чаадаев одним из первых выдвинул концепцию «открытости России для любого влияния и не критичного, пассивного поглощения ею продуктов: идей и практик, из вне». Иными словами, он был представителем подхода, при котором суть взаимодействия культур видится в «перекачке» достижений более развитой из них в менее развитую. Сегодня такое видение проблемы непопулярно, хотя имеет место в иностранной историографии.

Другой подход (назовем его культурологическим) предполагает, что взаимодействие культур – процесс сложносоставной, и в качестве его основного механизма следует видеть явление культурного трансфера. В качестве основной отличительной черты упоминаемого подхода следует видеть особое понимание рецепции, как активного творческого процесса; особый интерес для исследователей приобретают конкретные направления (слои) и формы трансфера.

Данный подход реализуется посредством междисциплинарных исследований множества направлений протекания процесса культурного трансфера. Острая дискуссия ведется относительно ведущей дисциплины, при проведении комплексного исследования.

Данная работа является лишь попыткой комплексного исследования, в котором принципы междисциплинарности реализуются на стыке истории и филологии, а интерпретация общей ситуации ведется с позиции исторической науки.

1.1.2. Обозначение понятийного аппарата исследования и особенности интерпретации источников.

Некоторые теоретические выкладки предыдущего пункта наводят на определенные соображения по поводу источников и понятийного аппарата для задуманного исследования, которые будут приведены ниже.

Разнообразие методологических подходов, ракурсов проблемы и исследовательских решений привели к образованию обширной сети понятий, в которой необходимо грамотно ориентироваться.

Основное понятие – собственно, «культурный трансфер» уже было рассмотрено в предыдущем пункте, поэтому теперь уделим внимание некоторым концепциям, которые утратили былую актуальность в связи с его появлением на «авансцене» наук гуманитарно-социального профиля. Это позволит вскрыть некоторые внутренние противоречия и недостатки понятия «культурный трансфер» и обойти «подводные камни», возникающие при его исследовании.

Прежде всего, речь идет о «теории модернизации», концепциях «культуртрегерства» и «культурного миссионерства». В них «модернизация» означает достижение современности, «процесс превращения традиционного общества, по мере его трансформации, в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры»⁸⁶. Трансформация происходит под влиянием (для каждой концепции его характер разный) более развитой культуры; в конечном счете изменения приводят к эволюции реципиента.

⁸⁶ Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

При рассмотрении тех же процессов с позиции «культурного трансфера» не постулируется обязательность ни прогрессивного развития реципиента, ни разность уровней развития культур. Недостаток здесь можно увидеть в том, что «имплицитная критика из лагеря исследователей культурного трансфера в отношении терминологии теоретиков модернизации середины XX века бьет мимо цели, поскольку идеально-типические дефиниции и конструкции последних путаются с выводом о реальном социокультурном развитии или, поскольку не признается, что историки-социологи в традиции Макса Вебера принципиально выказали себя вполне способными уместным образом дифференцировать и конкретизировать образование понятий. Применение теории модернизации по отношению к России XVIII –го века даже тогда оставляет достаточно пространства для исторической интерпретации, когда реальные успехи реформ оцениваются скептически»⁸⁷. Отметим последний момент как дискуссионный.

Разветвленная сеть терминов все же составляет некую систему – понятийный аппарат исследования, ключевые элементы которого целесообразно привести ниже. Можно выделить три группы понятий: (А) - ключевые (основные понятия данного исследовательского подхода); (В) - дополнительные (необходимость в употреблении которых возникает в зависимости методологических решений исследователя); (С) – связанные со спецификой процессов, которые исследуются с позиции «культурного трансфера».

⁸⁷ Шарф Клаус. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения //«Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 15.

(А): Для того, чтобы раскрыть их суть и содержание, удобно придерживаться последовательности, соответствующей протеканию процесса «культурного трансфера»:

1. **Перцепция** (от лат. *perceptio*) — восприятие. Познавательный процесс, формирующий субъективную картину мира. Это психический процесс, заключающийся в отражении предмета или явления в целом при его непосредственном воздействии на органы чувств. Восприятие — одна из биологических психических функций, определяющих сложный процесс приёма и преобразования информации, получаемых при помощи органов чувств, формирующих субъективный целостный образ объекта, воздействующего на анализаторы через совокупность ощущений, инициируемых данным объектом. Как форма чувственного отражения предмета, восприятие включает обнаружение объекта как целого, различение отдельных признаков в объекте, выделение в нём информативного содержания, адекватного цели действия, формирование чувственного образа. Восприятие — нечто значительно большее, нежели передача нервной системой нейронных импульсов в определенные участки мозга. Восприятие также предполагает осознание субъектом самого факта стимулирования и определенные представления о нем, а чтобы это произошло, сначала необходимо ощутить «ввод» сенсорной информации, то есть испытать ощущение. Иными словами, восприятие есть процесс осмысления стимуляции сенсорных рецепторов. Есть основания взглянуть на восприятие как на задачу, которая заключается в сосредоточении

на сенсорном сигнале, анализе и интерпретации для создания осмысленного представления об окружающем мире⁸⁸.

2. **Трансляция**⁸⁹ (от лат. *translatio* и англ. *translation*) – процесс передачи некоторой идеи или практики.

3. **Рецепция** (от лат. *receptio* — принятие, прием) — трансформация энергии внешнего мира в нервный процесс распространяющегося возбуждения, несущий нервным центрам информацию о действии соответствующего раздражителя⁹⁰. Механизм рецепции включает в себя первичные процессы взаимодействия рецептора с раздражителем и последующее, связанные с обработыванием полученной информации. Для социально-гуманитарного направления может быть разъяснено как восстановление действия (отбор, заимствование, переработка и усвоение) того идейно-теоретического содержания, которое оказалось пригодным для другой среды.

Применительно к социокультурному взаимодействию, рецепция – весь цикл процессов, связанных с заимствованием и приспособлением обществом культурных форм, принципов, институтов, возникших в другой стране или в другую эпоху.

4. **Адаптация** (лат. *Adapto* - приспособляю) - процесс приспособления к изменяющимся условиям внешней среды⁹¹. «Адаптацию» в смысле «усвоения» или «приспособления» идей следует понимать как квалифицированные рецепции со стороны конкретных реципиентов в конкретных исторических ситуациях и с конкретными целями.

⁸⁸ [сайт]. [2001]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Восприятие>

⁸⁹ Термин, заимствованный из естественных наук.

⁹⁰ [сайт]. [2001]. URL: <http://slovar.lib.ru/dictionary/receptija.htm>

⁹¹ [сайт]. [2001]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Адаптация>

(В): В данную группу следует отнести узкоспециальные термины и понятия, необходимость в которых возникает при детальном изучении процессов трансфера, в связи с индивидуальными методологическими решениями исследователя. Например,

Неологизм (др.-греч. νέος — новый, λόγος — речь, слово) — слово, значение слова или словосочетания, недавно появившиеся в языке (новообразованное, отсутствовавшее ранее). Свежесть и необычность такого слова или словосочетания ясно ощущается носителями данного языка. А употребление или не употребление говорит о личной позиции носителя языка в отношении вектора развития культуры (языка в частности).

(С): Специфика предпринимаемого исследования заключается в социокультурных особенностях рассматриваемой эпохи (Просвещения).

Поэтому следует тонко чувствовать различие понятий «Просвещение», «просветитель» и «просветительская деятельность». Просвещение – вполне определенная система общественно – политических взглядов, философское направление, основанная на рационализме. Действия и поступки, направленные на воплощение в жизни идей Просвещения называется «просветительской деятельностью»; просветительство, принято считать одним из направлений общественно-политической мысли России эпохи Просвещения (характерные черты: антикрепостническая и антифеодальная направленность)⁹².

В отношении источников следует учитывать два обстоятельства: соображения на счет источниковой базы для исследования культурного трансфера в эпоху Просвещения и специфику источников по русской провинции.

⁹² Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 82

Согласно мнению К. Шарфа, влияние западноевропейского Просвещения необходимо - изучать исключительно на основании источников, ведущих свое происхождение из «стран-реципиентов»⁹³. Мысль глубокая, она напрямую следует из представления о том, что при изучении вопросов трансфера приоритет должен отдаваться контексту, в котором «приживаются» и «интегрируются» элементы других культур перед «влиянием и диффузией», в качестве такового можно понимать «просвещенное сознание трансферщика».

Таким образом, утверждается методологическая предпосылка отдельно рассматривать просвещенное самосознание «трансферщиков» и их просветительскую деятельность, притом было бы неверным представлять «трансферщиков» в качестве проводников просвещенных идей.

Кроме того, необходимо вспомнить о том, что в XVIII веке из Европы в Россию были транслированы и там адаптированы в первую очередь не политические идеи, а материальные ценности и практические знания, навыки. Это наводит на мысль о дифференциации предмета трансфера на идеальный и практический (прагматический), которая вызывает к жизни целый комплекс вопросов: как они между собой соотносятся; одинаковы ли механизмы трансфера в том и другом случае; «более прагматически» или «идеалистически», должно быть объяснено заимствование западноевропейских культурных элементов и многие другие.

«Понятие «трансфер» идей приемлемо собственно лишь в идеальном случае, когда могут быть отслежены точка его отсчета, пути и «приемщики». Привычные, обиходные формулировки вроде «идеи

⁹³ Шарф Клаус. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 15.

распространились» или «Просвещение повлияло» неудовлетворительны и допустимы в принципе, только если из контекста следуют более точные разъяснения на этот счет»⁹⁴ - справедливо замечает К.Шарф. Далее им высказывается мнение о том, что «трансфер» идей является самостоятельной темой в исторической науке, и эта тема нуждается в особых источниках, конкретно свидетельствующих о не знающем границ «трансфере» идей.

Следовательно, историографическое познание темы* (учитывая специфику России XVIII –го века) следует осуществлять не через обращение к фундаментальным работам, а через обнаружение примеров в узкоспециальных исследованиях (или высококачественных работах общего плана, посвященных небольшому временному отрезку или рассматривающим небольшую территорию). Потенциально информативными могут быть следующие тематики: история литературы, история журнального дела и библиотек, сюжеты связанные с отдельными изданиями; история искусства и науки; история общественных организаций (формальных и неформальных), например, масонские ложи, читательские сообщества, общества переводчиков; материалы о персоналиях (в первую очередь авторов, переводчиков, издателей, публикаторов, рецензентов, торговцев книгами и произведениями искусства, покупателей, подписчиков, читателей); издания об иностранцах на русской службе, путешественниках, мемуаристах; издания посвященные «философской» переписке; особенностям концепции «просвещенной монархии» в России и так далее. При этом не следует оставлять без

*Следующее соображение может служить объяснением к соответствующему разделу введения.

⁹⁴Шарф Клаус. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения //«Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 17.

внимания и конкретные препятствия трансферу идей - институты: цензоров, политической полиции, таможенных органов. Из этих соображений можно исходить и при выборе источников.

Интересным в данном случае представляется решение вопроса о выявлении факта трансфера идей: «самое большее можно было бы показать, что люди на конце конкретной коммуникативной цепочки имели возможность познакомиться с некой транслированной извне идеей»⁹⁵. Это не всегда легко сделать.

Возникающий далее вопрос о мотивации этих действий представляется ещё более проблематичным, для ответа на него нужна «более глубокая интерпретация» с применением понятия «адаптация». Процессы адаптации или соответственно неадаптации иностранных идей могут быть раскрыты благодаря свидетельствам того, что транслированные из-за границы тексты и изобразительные образы были восприняты и стали предметом дискуссии в России, что они нашли свое отражение в воспроизведениях, цитатах, комментариях, критике, рецензиях и так далее в любой форме. Отсюда следует, что в качестве источника может рассматриваться не только прямые переводы текстов (отдельный вопрос-точность передачи первоначального смысла оригинального текста в среду реципиента)⁹⁶.

Правомерным в этой связи представляется высказывание О.А. Омельченко: «практически не исследовано, какая мотивация руководила той частью российской элиты, которая адаптировала

⁹⁵ Шарф Клаус. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения //«Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 20.

⁹⁶ Шарф Клаус. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения //«Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 21

иностранные опыты в целях модернизации России, и какие ценности она искала на Западе»⁹⁷.

Все вышесказанное касается источниковой базы в общероссийском контексте. Учитывая провинциальный аспект заявленной темы, обратимся к теоретико-методологическим разработкам на этот счет Н.Д. Чечулина, тем самым окончательно сформируем технологию предпринимаемого исследования.

Основными источниками по рассматриваемому периоду Чечулин считает мемуары, записки и воспоминания современников, а так же литературу, отмечая, что последняя «заслуживает особой оценки и степени доверия»⁹⁸.

В отношении методики интерпретации факторов Н.Д. Чечулин говорит о частом «вырывании их из контекста», что приводит к необъективности. Определение предпочтительных ориентаций при изучении «жизни общества» звучат у него следующим образом: «Наибольшее внимание при изучении истории общества надо обращать на тот фон, на котором выступают выдающиеся факты... потому что именно этот фон и будет изображать наиболее обычное, то есть именно то, что нужно изучать и исследовать преимущественно, если изучать жизнь общества, ставить себе цели более общие, широкие»⁹⁹. Далее следует увидеть методическую предпосылку придавать наибольшее значение описаниям, а не восклицаниям современников, так как описания и повествования гораздо чаще бывают беспристрастны.

Наконец, завершая разговор о «фоне», Н.Д. Чечулин останавливает внимание читателя на крайне важном замечании:

⁹⁷ Омельченко О.А. Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы: итоги исторического взаимодействия. М., 2004. С. 421.

⁹⁸ Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. С. 16

⁹⁹ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. С. 15

«Изучая общественную мысль, развития, интересы, понятия, взгляды, даже самую логику большинства нужно по сочинениям тех авторов, которые не выдавались из среды обыкновенных умных и образованных людей своего времени, которые теперь уже забыты, потому что писали только для своего времени, отражали лишь его, не затрагивая таких вопросов и не создавая таких образов и типов, которые интересуют грядущие поколения; такие писатели подчиняются, конечно, влиянию крупных представителей литературы, но только в том, что соответствует вообще тогдашнему умственному уровню...»¹⁰⁰.

Рассмотрение поставленных в дипломной работе проблем должно строиться, прежде всего, на архивных источниках.

Так как заявленная тема предполагает исследование культуры провинциального общества (преимущественно дворян), перспективным для исследования следует считать определение круга проблем, волновавших дворянство. Поэтому первым источником для изучения трансфера идей (прежде всего политических) и практик (преимущественно административных) на почву провинции являются «Наказы» и выступления депутатов Уложенной комиссии. В методическом отношении задача может быть сформулирована, как текстовый анализ всего фонда*.

Наказы дворян, кроме выявления фактов трансфера, могут быть полезны для определения перспективных для исследования персоналий (лиц, подписывавших указы, которые могут являться «трансферщиками»). Для этой же цели следует использовать ряд уже упомянутых работ¹⁰¹, и далее можно разрабатывать тему, изучая деятельность «трансферщиков».

¹⁰⁰ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. С. 106.

* Будем рассматривать как задание на перспективу.

Итак, разнообразие методологических подходов, ракурсов проблемы и исследовательских решений привели к образованию обширной сети понятий, в которой необходимо грамотно ориентироваться.

Разветвленная сеть терминов все же составляет некую систему – понятийный аппарат исследования, ключевые элементы которого целесообразно систематизировать в соответствии с замыслом работы.

Влияние западноевропейского Просвещения необходимо изучать исключительно на основании источников, ведущих свое происхождение из «стран-реципиентов». Кроме того, следует учитывать ещё два обстоятельства: соображения на счет источниковой базы для исследования культурного трансфера в эпоху Просвещения и не забывать о специфике источников по русской провинции. Отсюда следует методологическая предпосылка «отдельно рассматривать просвещенное самосознание «трансферщиков» и их просветительскую деятельность, притом было бы неверным представлять «трансферщиков» в качестве «проводников просвещенных идей».

В ходе исследования следует помнить о дифференциации предмета трансфера на идеальный и практический.

Учитывая региональный аспект исследования, отметим, что основными источниками по рассматриваемому вопросу являются мемуары, записки и воспоминания современников, а так же тематическая литература. Однако последняя, по известным словам Н.Д. Чечулина, «заслуживает особой оценки и степени доверия».

¹⁰¹ Милонов Н.А. Русские писатели и Тульский край: Очерки по лит. краеведению. Тула, 1971. 574 с.; Андреев Н.Ф. Прогулки по Туле и путешествие по её окрестностям // «Москвитянин». 1843. ч.1. №2.С.611-618; Сахаров И.П. Писатели Тульской губернии. СПб., 1838; Присенко Г.П. Просветитель В.А. Левшин. Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. 93 с; Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. 153 с.

1.2. Обзор наиболее важных тенденций и явлений в культурной среде Российской империи эпохи Просвещения: формирование предпосылок общего культурно-политического пространства России и Европы.

В этом параграфе хотелось бы сконцентрировать внимание на тех явлениях и тенденциях в общественной жизни России второй половины XVIII-го века, которые происходили «под влиянием Просвещения». Будет предложен общий обзор состояния «почвы» (Российской империи) с акцентированным вниманием к положению дел в провинции, положению дворянского сословия, как наиболее просвещенной части населения, а так же к характеристике новых явлений в общественном сознании.

Прежде всего, следует отметить, что XVIII-й век стал для России эпохой великих перемен. Разными были оценки историков в отношении этого периода. Например, известный исследователь дворянского сословия М.Т. Яблочков писал следующее: «С Петром Великим Россия вступила на новый путь; преобразования его коснулись всех сфер государственной жизни, но преобразования его были только развитием и довершением того, что было известно в России уже прежде. Петр дал всем прежним нововведениям только более ясности и законченности. К чести его гения относится то, что он ничего не вводил в Россию, к чему бы она не была подготовлена, чего бы она ещё не знала. Петр Великий повел только более ускоренным шагом по пути нововведений; не унижал сам ничего старого, а, не поддерживая его, ждал, чтобы оно было вытеснено новым. Таким образом, тихо, незаметно (конечно не без сопротивления, не без реакции), новое восторжествовало над старым; с того времени Россия зажила по-европейски, сделалась Европейским государством, хотя ей

пришлось ещё долго и во многом догонять другие Европейские государства; но толчок был дан и дан мощною рукою, нечего было бояться, что Россия вернется к старому, связь с которым все более и более порывалась. Новая русская история, которую все начинают считать с Петра Великого тем и отличается от древней, что в древней новое жило рядом со старым: Русские видели новое, заимствовали его, не покидая своего старого; в новой же истории Петр Великий дает старому вымирать, оставляя одно новое. Приемники Петра шли по тому же пути, как и он; Россия так и мчалась по новому пути, в одном догоняя другие Европейские государства, в другом даже опережая их»¹⁰².

Разумеется, сегодня нельзя согласиться с каждым словом историка, жившего в XIX –м веке, тем не менее, приведенный фрагмент содержит весьма тонкую мысль, важную в контексте производимого исследования: «Россия зажила по-европейски», иными словами Россия материализовалась как европейская страна – «зажила по-европейски», но ещё не «стала европейской страной»! Сразу вспоминается знаменитая невероятно емкая фраза А.П. Сумарокова, в которой для России заключен весь XVIII век: «Петр дал России бытие, а Екатерина - душу»*. Более развернутое пояснение этой мысли предложено в последующем параграфе.

¹⁰² Яблочков М.Т. История дворянского сословия в России. СПб.: тип. А.М. Когомина. 1876. С. 329

*Сумароков, Александр Петрович (1717—1777) — русский поэт, писатель и драматург XVIII века.

1.2.1. «Просвещенная монархия» в русском понимании и «исполнении».

Прежде чем перейти к основным вопросам проблемы феномена «просвещенной монархии» в Российской империи, целесообразно дать самую общую характеристику тем тенденциям общественной жизни Российской империи, которые имели место в связи с реформаторской деятельностью Петра I.

Во-первых, следует отметить перемены в государственном положении дворян¹⁰³.

К XVIII –му веку бояре из «дружинников», «товарищей князя», «держатцев земли» сделались холопами царя. Царь, в свою очередь, сделался господином, вотчинником – «только во имя его поглощались все частные интересы», то есть на лицо все признаки феодального государства: все сословия были закрепощены «к своему делу», были обложены «тягостями». Дворяне, в качестве натуральной повинности несли обязательную военную службу, за которую они не пользовались в гражданском отношении никакими привилегиями, государственные привилегии были только прямым следствием их службы.

Петр I имел совсем другой взгляд на государство и на сущность отношений царя к государству. М.Т. Яблочков употребляет термин «органический»: государство понимается как большой организм, в котором всякий орган, всякое сословие должно выполнять свое назначение и, тем самым, служить целому. Назначением дворянского сословия, как и прежде, была служба. Приемники Петра смотрят на государство и на сословия схожим образом. Служба для дворян оставалась обязательной (со времен Анны Иоановны она облегчается*).

¹⁰³ Анализ реформаторской деятельности Петра I сделан на основе исследования: Яблочков М.Т. История дворянского сословия в России. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1876. С. 329 – 334.

Петр I, считая службу повинностью для дворян, дает им некоторые права. С тех пор, по выражению М.Т. Яблочкова, «права и привилегии посыпались на дворян при приемниках Петра». Таким образом, хотя дворяне и получили некоторые привилегии, обязанность нести службу уравнивала их с другими непривилегированными слоями.

Существенным моментом становления дворянской сословной системы было учреждение Табели о рангах¹⁰⁴ (1722 г.), узаконившие «иностранные чины, существовавшие в России ещё до этого». Табель о рангах не разделяла дворянское сословие на классы, а указывала на отношение служилого человека к служебной лестнице. Далее М.Т. Яблочков делает вывод о том, что «этот характер новых чинов сплотил дворянское сословие в одно целое». Существенным моментом стало введение «личного дворянства» - разряда служилых людей, которые на гражданской службе дошли до определенного чина. М.Т. Яблочков определяет его как «сословие среднее между высшим и низшим, лично пользующееся правами дворянства и то не всеми, но не передающее их по наследству».

По ряду объективных причин («обязательная служба», «интерес государства», «дух времени» и «малое развитие самого дворянства») правительство имело над этим сословием полную опеку. «Оно устраивает для дворян школы, требует и заботится, чтобы все были грамотны, без чего не позволяет жениться; учреждается майорат с целью удержать дворянские фамилии от объединения». При такой

*4 марта 1730 она упразднила Верховный тайный совет и восстановила прежнее значение Сената (Верховный тайный совет был заменён Кабинетом из трёх министров во главе с А.И.Остерманом); 17 марта 1731 Анна Иоанновна отменила указ Петра I о единонаследии, разрешавший передавать земельную собственность в руки только одного наследника; сократился срок обязательной дворянской службы до 25 лет; возобновилась раздача земель дворянам, имения признавались полной собственностью дворянства; жалование русским офицерам стало таким же, как и иностранцам; указами 1736-37 годов дворянам было предоставлено получать образование дома, с обязательством периодически являться на смотры и подвергаться экзаменам; в 1733 году, для облегчения кредита, главным образом шляхетству, было разрешено выдавать из монетной конторы ссуды под залог золота и серебра, сроком на три года, из 8% годовых.

¹⁰⁴ [сайт]. [2010]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tabel.htm>

опеке нельзя было ожидать от дворянства никакой самостоятельности; совсем иные тенденции наблюдаются «по уничтожении» обязанности дворянства служить.

«К началу XIX –го века, - пишет М.Т. Яблочков. - нас приятно поражают заботы дворянства о собственных интересах, добровольные сборы с дворянских имений на содержание дворянских училищ». В этом следует видеть «созревание» сословных интересов дворян, как результат их развития.

С другой стороны «реформы Петра I потребовали для России людей знающих, а таких между русскими почти нельзя было найти». В этом отношении Россия нуждалась в иностранцах, поэтому в XVIII столетии наблюдается усиленный наплыв иностранцев в Россию. Пожалуй, нельзя назвать этот процесс бесконтрольным - Петром была создана некоторая инфраструктура: определены правила, по которым иностранцы получали в России дворянство; при Петре были четко решены вопросы власти «не в ущерб русским людям». Тем не менее, после Петра I и до Елизаветы Петровны исследователи отмечают господство иностранцев в России. С точки зрения «трансфера» и адаптации европейских идей изложенную ситуацию следует видеть так: «на службу России поступают тысячи иноземцев, оказавшихся своего рода посредниками и трансляторами новых идей, знаний, практических навыков. Они призваны были быть инструментом государственного реформирования. Помогая адаптировать привнесенное ими в новой среде, они адаптируются в ней сами. При этом не следует упускать из виду и обратный эффект такого взаимодействия. В известном смысле социально-политическая и

культурная трансформация России послужила среди прочего и катализатором идей западноевропейских просветителей»¹⁰⁵.

Необходимо отметить ещё одну тенденцию, связанную с реформаторской деятельностью Петра I: на государственной службе выдвигаются люди способные, если выразаться оборотами М.Т. Яблочкова - «даровитые, хотя незнатные, низкого происхождения». Люди же знатные, благородного происхождения, но неспособные остаются в тени (Петр не признавал права родовитых людей на высшие места и отдавал предпочтение способностям, а не происхождению – крайне новаторский взгляд для XVIII –го века). Таким образом, «борьба между молодыми незнатными и старою знатью была неизбежна».

Кроме того, Петр Великий ещё более расширил права обновленного сословия на участие в управлении, учредив «выборных из дворян». «Именно это, - считает М.Т. Яблочков. - было подготовлением почвы для более широкого развития прав дворян Екатериной Великой».

Однако главным значением реформ Петра I следует считать то, что посредством них было задано направление колоссального по своим масштабам государственного и общественного переустройства, идеологию которого Россия черпала в известной мере с Запада. Этот вектор стал определяющим для дальнейшего развития России на весь XVIII –й век. Становление новых политических элит и проведение глубоких структурных реформ государственного устройства; опыт организации учреждений науки; построение образовательной системы явились характерными чертами века XVIII. И именно эпоха Просвещения стал для России одним из ключевых моментов истории. В

¹⁰⁵ Доронин А.В. Вступительное слово редактора // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 6.

этот период ей пришлось пересмотреть собственные установки на, казалось бы, самобытный путь, во многом определявшийся её особой ролью охранительницы православия и восприемницы культуры Восточной Римской империи, иначе взглянуть на свое место в Европе и мире, на эту самую самобытность¹⁰⁶.

В документальном комплексе, получившем название «Наказа императрицы Екатерины II»¹⁰⁷, императрица, апеллируя к реформам Петра I (в контексте темы работы можно отметить, что они подготовили «почву» для распространения идей Просвещения) и, утверждая модернизированную Россию в ряду европейских держав, находила многие «удобности» во взаимодействии культур, обмене идеями и знаниями, навыками и плодами практических изысканий.

Новая концепция обращалась к важному для обновленной России вопросу о возможности усвоения подданными многонациональной империи новых законов и установлений. Ведь еще Ж.-Ж. Руссо в своем «*Contrat Social*» (1762) утверждал, что русские никогда не смогут стать по-настоящему цивилизованным (*polices*) народом¹⁰⁸.

В качестве исходных положений в «Наказе» торжественно декларировались идеи естественного права и общего блага; объявлялось, что задача государства и власти — не та, «чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действие их направить к получению

¹⁰⁶ Доронин А.В. Вступительное слово редактора // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 5.

¹⁰⁷ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта новаго Уложения, изд. Н.Д. Чечулиным. Спб., 1907.

¹⁰⁸ Rousseau J.-J. *Они Contrat Social ou Principes du droit politique // Ou Contrat Social e! autres*. Paris, 1975. P.235-336, 264-265: «Les Russes ne seront jamais vraiment polices, parce qu'ils [ont ete trop töt. Pierre ayon le genie imitatif, il n'ayoit pas le yrai genie, celui qui cree et fait tout de rien. Quelques-unes des choses qu'il fit etoient Беп, la рирап etoient deplacees. Il a vi que son peuple etoit barbare, il n'a point yи qu'ij n'etoit pas тйГ роиг la police». Цит. по И.Ширле: Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII-го века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 120

* Трактровка Екатерины далеко не всегда соответствовала первоначальной идее автора – просветителя.

самого большого ото всех добра». Вместе с тем обосновывалась неограниченная власть, аргументы для чего «заимствовались»* у просветителей.

Наиболее упоминаемым автором в правительственном дискурсе стал Монтескье. Именно интерпретация его «*De l'Esprit des Lois*» наложила отпечаток на «Наказ» Екатерины II. Монтескье императрица понимала на свой лад: неизменные детерминанты его учения реинтерпретировались Екатериной II применительно к Российской империи. В соответствии с этим Екатерина II определила народ своего государства как «европейский»: «Петр I ввел европейские традиции и обычаи у европейского народа»¹⁰⁹. Это было необходимо, потому что «нравы бывшие в то время совсем не сходствовали с климатом, и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чужды областей»¹¹⁰.

Нелицеприятные характеристики Монтескье в отношении «москвитов, их государей и обычаев» в «Наказе», разумеется, не упоминались.

В «Наказе» уделялось внимание и «формированию умов» посредством закона. Устоявшиеся традиции и обычаи провозглашалось заменять новыми посредством «подражания» (в процессе тесного общения с другими народами). Иными словами Екатерина, продолжая дела Петра, «отшлифовывала» свой народ в процессе «европеизации». В свете этого освоение национальных категорий постулировало цивилизованность и равенство с другими европейскими государствами.

¹⁰⁹ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, изд. Н.Д. Чечулиным. Спб., 1907, 7. Цит. по: Ингрид Ширле. Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII-го века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 122.

¹¹⁰ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, изд. Н.Д. Чечулиным. Спб., 1907, 7. Цит. по: Ингрид Ширле. Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII-го века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 123.

Вместе с тем Екатерина II была категорически против того, чтобы дворянство использовало национальные категории в своих собственных политических целях - подчеркнутая роль дворянства могла бы пошатнуть основы самодержавия. Таким образом, спор о национальном духе не сводился к духу одного сословия.

Рецепция этого учения укрепила основы развития самобытной национальной культуры. Призыв к общему духу подчеркивал гражданские добродетели как образец поведения для подданных Ее Величества. Он требовал самоопределения «своего» через отграничение от «чужого». Впервые подданные Российской империи рассматривались как коллективный субъект с присущими ему определенными свойствами.

В неправительственном дискурсе новые категории обрели популярность, поскольку расширяли границы мышления и говорения¹¹¹.

Программа Екатерины II оказывалась, таким образом, внутренне противоречивой: с одной стороны, она провозглашала передовые истины просветительской философии, а с другой — сохраняла самодержавие, господство дворянства, крепостное право. Особенно заметными противоречия новых концепций были в области будущего законодательства России.

В рамках данного исследования важно отметить, что Екатерина II закончила оформление дворянства, как привилегированного сословия (таким образом, к комплексу документов, завершающих укрепление дворянства, как привилегированного высшего государственного сословия необходимо относить Манифест Петра III,

¹¹¹ Ингрид Ширле. Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII-го века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С 119-137

Жалованную грамоту (21 апреля 1785), учреждения для управления губерний 7 ноября 1775 г. и некоторые другие указы, дававшие дворянам фактически бесконечные права при отсутствии обязанностей). М.Т. Яблочков данную мысль выражает с несколько другим оттенком: «...лучше сказать, права всех сословий были стеснены, чтобы расширить права дворянства»¹¹² (подчеркивает противоречивость внутренней политики Екатерины). Закономерно, что следствием описанной ситуации в последние десятилетия XVIII века резко обостряются социальные противоречия русского общества, как и то, что сделавшись привилегированным во всех отношениях, дворянское сословие должно было замкнуться теснее.

Далее требуется зафиксировать крайне важный для предпринимаемого исследования момент: хотя указ 1746 года¹¹³ запретив всем кроме дворян владеть крестьянами, дал гражданскую привилегию дворянству, он не сделал его окончательно привилегированным сословием. Только 18 февраля 1762 года Петр III снял с дворян обязанность служить и, кроме уже существовавших имущественных привилегий, дал им ещё и личные привилегии. В это же время Россия одержала блестящую победу над Пруссией в Семилетней войне (1756-1763), в ходе которой многие из дворян побывали в европейской культурно – бытовой среде. Эти обстоятельства позволили наиболее образованным из них воспринять европейские практики и идеи, а так же, вернувшись на Родину, воспользоваться обретенной привилегией - уехать в свои родовые имения (в провинцию), где воспринятый материал можно было распространить и адаптировать (дворянам была предоставлена большая доля участия в местной управлении и так далее).

¹¹² Яблочков М.Т. История дворянского сословия в России. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1876 г.С. 537.

¹¹³ Указ Елизаветы Петровны от 14 марта 1746 года запретил не дворянам «покупать людей и крестьян без земель и с землями» и в тандеме с межевой инструкцией 1754 года и указом 1758 года сделал землевладение и право владеть крестьянами исключительной привилегией дворянства.

По мнению Н.Д. Чечулина только с этого момента можно говорить о появлении в провинции общества¹¹⁴. Некоторые исследователи отмечают, что уже к концу XVIII века в провинции протекала довольно развитая жизнь; можно даже наблюдать своеобразный «культурный архетип» провинциального дворянина. В контексте заявленной темы, этот момент может быть определен как отправная точка исследования.

Переходя к характеристике конкретной «почвы» для трансфера (Тульской губернии), необходимо описать её как административно – территориальную единицу Российской империи. Для этого обратимся к исследованию В.А. Лёвшина*¹¹⁵:

«До открытия губернии сама Тула составляла провинцию с городами ея: Каширою, Веневым, Епифанью, Алексиным, Крапивною и Одоевым, надлежавшую к Московской губернии. Напротив, Белев, Чернь, Новосиль и Ефремов зависели от провинции Орловской, причислявшейся к губернии Белгородской. Богородицк был посад небольшой, и город был учинен уже по открытии губернии в 1777 году. В нынешнем состоянии Тульская губерния содержится из двенадцати округ: Тульской, Алексинской, Каширской, Веневской, Богородицкой, Епифанской, Ефремовской, Новосильской, Чернской, Крапивенской, Одоевской, Белевской»¹¹⁶.

«В Тульской губернии состоит: городов – 12; слоблд – 49; сел – 757; селец – 1240; деревень – 1496»¹¹⁷.

«О числе народа» автор XVIII-го века пишет так: «Тульская губерния на упомянутой сначала площади своей, содержащей в себе 26060 квадратных верст с 40 десятинами и 1230 квадратными саженьми

¹¹⁴ Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. С 27

* Используемая книга В.А.Левшина сегодня приобрела статус первоисточника по многим вопросам, этим обстоятельством хотелось бы объяснить частое её упоминание в дальнейшем.

¹¹⁵ Лёвшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. Тула: Пересвет, 2006. 318 с.

¹¹⁶ Лёвшин В.А. Указ. соч. С. 53-54

¹¹⁷ Лёвшин В.А. Указ. соч. С. 59

имеет всех жителей мужеска пола 426958, женска пола 426712... а по сему на каждую квадратную версту приходится жителе мужскаго полу менее 18, а обоих же полов почти по 35 душ»¹¹⁸.

Интересен материал, предложенный по вопросу «знатности» населения: «В сей губернии обитают фамилии: княжеских – 100; графских – 8; баронских – 2; дворянских – 1622... конюхов оставшихся не в распределении заувечьем ималолетством: мужчин – 18; жен и дочерей – 21... свободных разных наций: муж. – 20; жен. – 30; польских выходцев, записанных в число свободных крестьян со льготою от платежа податей мужеска – 6...»¹¹⁹

Таким образом, можно заключить, что в составе Российской империи Тульская губерния была одним из захолустьев. Единственной «своеобразной чертой» её являлось то, что «большая часть населения была занята в сельском хозяйстве, но место в экономической жизни страны определялось для губернии не сельским хозяйством, а достаточно развитой промышленностью»¹²⁰.

Среди промышленного и другого производства можно отметить перспективные для исследования направления¹²¹. Например, Левшин пишет о наличии в губернии трех картофельных заводов. Доход их сравнительно невысокий, но есть примечание «сии картофельная фабрики достаточно снабжают не только свою губернию, но и направляют в различные другия, так что ныне тульския картофельная фабрики взяли преимущество пред калужскими»¹²². Возможно, исследование вопросов, связанных с трансфером этой

¹¹⁸ Лёвшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. Тула: Пересвет, 2006. С. 56

¹¹⁹ Лёвшин В.А. Указ. соч. С. 57, 59

¹²⁰ Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII - первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 10

¹²¹ Вопросы трансфера и адаптации технического знания по материалам Тульской губернии (преимущественно XVII века) активно разрабатываются И.Н. Юркиным: Сереброплавильный завод XVII в. на реке Тулице в контексте закономерностей межкультурной трансляции технического знания // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 1. С. 49-65 .

¹²² Лёвшин В.А. Указ. соч. С. 35

сельскохозяйственной практики позволит считать данный факт свидетельством её адаптации.

Тульская губерния как историко-культурный регион зарождается одновременно с Москвой и в её непосредственной близости, что вполне объясняет испытываемое влияние. О.Е.Глаголева по этому поводу пишет следующее: «Соседство с высокоразвитой Московской губернией и сравнительная близость к Петербургу обеспечивали связь с духовной жизнью столиц...» причем особенно высоко она оценивает близость к более «вольномыслящей» Москве, где многие тульские дворяне получали образование и периодически проводили время (особенно зимой) обновляли свои знания и книжные коллекции, черпали новые идеи и модные веяния, узнавали последние новости. Приобщались к столичной жизни и представители других сословий: купцы, мещане, крестьяне¹²³.

Если говорить о культурной жизни региона того времени, следует держать во внимании сословную иерархию общества и учитывать, что интерес для производимого исследования будут составлять в основном дворяне (как наиболее образованная часть населения).

Приведем ниже разъяснения данному утверждению. Опираясь на исследование И.П. Сахарова, О.Е. Глаголева пишет: «Быт купечества мало чем отличался от быта дворян. В круг людей, с которыми проводил своё время Болотов, входили и купцы...» и все же «в большинстве своем тульские купцы были не слишком образованны и культурны»¹²⁴. В.А.Левшин быт купцов характеризует как «подражание нынешнему вкусу», устроенное по лучшим чертежам «новой

¹²³ Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII - первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 14.

¹²⁴ Глаголева О.Е. Указ. соч. С. 147

архитектуры». Описывая домашнее убранство использует оборот «в такой же чистоте как у голландцев»¹²⁵. Высокой оценки культурному уровню этого сословия не дает ни один исследователь, а значит, тульское купечество, как страта общества не слишком интересна для данного исследования:

«Обаз градских жителей одинакий во всех городах губернии. Можно оный различать только двояко: жизнь по нынешнему вкусу и жизнь простая, по обычаю предков. Живущия по вкусу стараются во все подражать дворянам: в убранстве домов, в одеянии, в столе и экипажах, что все богато, избыточно и сообразно господствующей моде. Поелику нет щастливейшаго состояния, как жизнь женщин богатых купеческих домов: спокойство и праздность наклоняют их к щегольству. Они имеют волосоподвигателей, получают с первою почтою все выходящие вновь модныя одеяния и разъезжают по гостям в щегольских экипажах. Правда, что иногда модный наряд бывает надет и навыворот, но блеск бриллиантов, на которые оне не щадят издержек, затемняет небольшие таковыя неисправности»¹²⁶.

О жизни духовенства написано много, причем наряду с критикой некоторых сторон его бытования, рассматривали духовенство как носителя высших идей, некоего проводника культуры в народную среду. Это значит, что духовенство может быть рассмотрено в контексте дипломной работы, только в связи с выяснением механизмов адаптации.

В связи с теми же процессами адаптации может быть проанализирован и культурный уровень крестьянства. Следуя оценкам большинства современных исследователей, даже такой вариант изучения представляется весьма затруднительным: «Органичной

¹²⁵ Лёвшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. Тула: Пересвет, 2006. С 216

¹²⁶ Лёвшин В.А. Топографическое описание Тульской губернии. Тула: Пересвет, 2006. С. 217.

частью жизни простого народа являлись сельскохозяйственные и религиозные праздники, различные обряды и обычаи, часто сохранявшие древние языческие черты. Они передавались из поколения в поколение и свято соблюдались»¹²⁷.

Дворянство, будучи образованным сословием, разумеется, представляет для нас приоритетный интерес. Несмотря на то, что в большинстве случаев провинциальные дворяне по общему культурному уровню не слишком отличались от своих крестьян, среди них были и высокообразованные для своего времени люди. О.Е.Глаголева приводит в пример семью Киреевских, как «из ряда вон выходящий» случай, отмечая, что именно из таких семей вышли лучшие представители дворянского сословия Тульской губернии. «Заметную роль здесь играл тот фактор, что многие богатые дворянские семьи проводили зимнее время в Москве»¹²⁸.

Упоминания в таком ключе достойны немало фамилий: Болотов, Лёвшин, Батурин и многие другие.

Подводя итог, подчеркнем: реформы Петра I задали определяющий вектор развития России в течение всего XVIII –го века. Движение в «западном» направлении продолжила Екатерина II. Но если Петр сконцентрировал свою деятельность на «материализации» России, как европейской страны, то Екатерина, подверженная влиянию французских просветителей, обратилась к «европеизации» российского образа мышления и чувствования.

Неодинаковой была «почва» для распространения европейских идей и практик в столицах и провинции. Тульская губерния во второй

¹²⁷Глаголева О.Е. . Русская провинциальная старина. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII - первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 153.

¹²⁸Глаголева О.Е. Указ. соч. С. 145.

половине XVIII –го века была захолустьем, однако и здесь встречались высокообразованные люди (преимущественно из дворян воспользовавшихся привилегией, обретенной по Манифесту 1762 года), подверженные «европеизации».

Таким образом, применительно к Просвещению можно говорить о формировании некоего единого европейского культурного пространства, общности (часто воображаемой) культурной структуры, опиравшейся на «международную сеть культурных коммуникаций со своими центрами и авторитетами, со своей периферией»¹²⁹.

В столкновении традиционных устоев и новаций Россия обретает свой новый «европеизированный» облик*.

*«Наши идеи столь же мимолетны как тень,
которую летящая птица оставляет на земле... В этом
наш дух похож на гробницы, вещество которых еще
сохранилось: видна медь и мрамор, но время стерло
надписи и превратило в пыль все буквы»
Дж. Локк*

1.2.2. Особенности европеизации России при Екатерине II

В предыдущем пункте в общих чертах была изложена концепция «просвещенной монархии» Екатерины II. Внимание было сконцентрировано на «отшлифовывании» народа (а именно попытке воспитания политической культуры) и противоречивости внутренней

¹²⁹А.В. Доронин. Вступительное слово редактора // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С.6

* Вообще, не нужно забывать, что влияние иностранных идей характерно и для допетровской России, хотя не всегда оно носило прозападный характер; некой же константой западное влияние становится, как показывают последние исследования, со времени правления Ивана III, необратимым же именно благодаря преобразованиям Петра Великого.

политики (как фактора влиявшего на формирование уникальной среды). Теперь обратимся к тенденциям и явлениям, характерным для духовно-интеллектуальной сферы жизни российского общества времен Екатерины II (или некоторым образом связанным с просветительской деятельностью императрицы).

Императрица принимала деятельное участие и в литературной практике своего времени. Возбужденное ею литературное движение было посвящено восприятию и осмыслению просветительских идей. Начало публичной литературной деятельности Екатерины относится к 1769 г., когда она явилась идеологом сатирического журнала «Всякая Всячина». Покровительственный тон «Всякой Всячины» по отношению к другим журналам и проправительственная направленность вскоре вооружили против нее многие издания того времени. Главными оппонентами «Всякой всячины» явились сатирические журналы Н.И. Новикова¹³⁰.

Екатерина поощряла и переводческую деятельность, лично участвовала в нескольких проектах.

Эти и многие другие обстоятельства привели к активизации в Российской империи развития общественной мысли «...много значил тут, конечно, и указ о вольных типографиях. Теперь даже в отдаленных городах попадает не мало молодых людей хорошо образованных, ведущих жизнь «философскую», как говорили тогда, или занимающихся науками, например, ботаникой, изучением электричества и так далее; современники отмечают, что в 80-х годах поднялась, наконец, в России «заря наук»... Появились в обществе и люди увлеченные идеями XVIII – го века, так называемые

¹³⁰ «Трутень», «Живописец», «Кошелек».

вольтерIANцы, и даже атеисты, стали слышаться даже насмешки над религией»¹³¹.

Беспрепятственное издание произведений французских философов способствовало проникновению просветительских идей в широкие круги дворянской и разночинной интеллигенции (в том числе провинциальной). Довольно большими тиражами издавались лучшие произведения Вольтера, Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, и других. Их можно было найти в Оренбурге, Казани, Симбирске, Орле, Туле... И все же «жители провинции, особенно захолустья, тогда, как и теперь, отличались сравнительно большим невежеством, большею грубостью; жители столицы, напротив, более увлекались внешним обликом, действительно слишком поддавались французскому влиянию»¹³².

Важную роль для широкого русского читателя сыграли сочинения Вольтера и Ж.-Ж. Руссо*.

Размышляя обо всех значительных изменениях в России Н.Д. Чечулин, ссылаясь на Н.М. Карамзина, замечает, что «совершившиеся изменения были вполне естественны»¹³³. Безусловно, это так, если смотреть на все описанные выше процессы в рамках единой системы – «европеизации» российского «общества»*.

Как уже было отмечено, «европеизацию» можно представлять, как один из сценариев модернизации Российской империи, реализованный посредством социокультурного взаимодействия с Европой.

Следствием данного процесса стало формирование единого (когда речь идет о сфере чувств - «воображаемого») культурного и

¹³¹ Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. С 76-78

¹³² Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. С. 25

* Об этом подробнее в пункте II.2.1.

¹³³ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 78

* Здесь имеется в виду та его часть, которая была подвержена этим процессам.

политического пространства России и Европы. При этом европеизация неразрывно связана с идентификацией русских как народа: посредством противопоставления «свой - чужой» русская нация находила себя среди европейских.

Небольшой иллюстрацией мнения европейцев о русском народе, могут послужить следующие выдержки из «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина:

«Между тем вышли на берег два немца, которые в особой кибитке едут с нами до Кенигсберга; легли подле меня на траве, закурили трубки и от скуки начали бранить русский народ. Я, перестав писать, хладнокровно спросил у них, были ли они в России далее Риги? «Нет», — отвечали они. «А когда так, государи мои, — сказал я, — то вы не можете судить о русских; побывав только в пограничном городе». Они не рассудили за благо спорить, но долго не хотели признать меня русским, воображая, что мы не умеем говорить иностранными языками. Разговор продолжался. Один из них сказал мне, что он имел счастье быть в Голландии и скопил там много полезных знаний. «Кто хочет узнать свет, — говорил он, — тому надобно ехать в Роттердам. Там-то живут славно, и все гуляют на шлюпках! Нигде не увидишь того, что там увидишь. Поверьте мне, государь мой, в Роттердаме я сделался человеком!» — «Хорош гусь!» — думал я — и пожелал им доброго вечера»¹³⁴.

Или - «вот такая»:

«Женщина, родом из Шведской Померании, услышав, что я русский, подняла руки к небу и закричала: «Ах, злодеи! Вы губите

¹³⁴ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. С. 90-91. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/_01text/voll/01prp/01.htm?start=0&length=all

нашего бедного короля!» Офицеры смеялись, и я смеялся, хотя не совсем от доброго сердца»¹³⁵.

Приведем другой не менее интересный эскиз, иллюстрирующий взаимоотношения представителей разных европейских наций в рамках единого культурного пространства такими, какими они виделись русскому дворянину:

«С французским италиянцем мы ладим. К француженке у меня не лежит сердце, для того что ее физиономия и ухватки мне не нравятся. Впрочем, можно ее похвалить за опрятность. Лишь только остановимся, извозчик наш Гаврила, которого она зовет Габриелем, должен нести за нею в горницу уборный ларчик ее, и по крайней мере час она помадится, пудрится, притирается, так что всегда надобно ее дожидаться к обеду. Долго советовались мы, сажать ли с собою за стол немцев. Мне поручено было узнать их состояние. Открылось, что они купцы. Все сомнения исчезли, и с того времени они с нами обедают; а как италиянец с француженкой не понимают по-немецки, а они — по-французски, то я должен служить им переводчиком. Немец, который в Роттердаме стал человеком, уверял меня, что он прежде совершенно знал французский язык и забыл его весьма недавно; а чтобы еще более уверить в этом меня и товарища своего, то при всяком поклоне француженке говорит он: «Оплише, матам! Oblige, Madame!» (прим. — Ваш покорный слуга! Фр.)»¹³⁶.

Анализируя источник далее можно сделать вывод о поверхностном интересе европейцев к русским, отношение скорее напоминает опаску: ««Что, будет ли у нас война, господа офицеры?» —

¹³⁵ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 108. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all

¹³⁶ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. С. 91-92. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all

спросил у моих товарищей старик, трактирщик в Керлине. «Не думаю», — отвечал капитан. «Дай бог, чтобы и не было! — сказал трактирщик. — Я боюсь не австрийских гусаров, а русских казаков. О! Что это за люди!» — «А почему ты их знаешь?» — спросил капитан. «Почему? Разве они не были в Керлине? Ничто не уйдет от их пики. К тому же у них такие страшные лица, что меня по коже подирает, когда вообразу их!» — «Да вот русский казак!» — сказал капитан, указав на меня. «Русский казак!» — закричал трактирщик и ударился затылком в стену. Мы все засмеялись, а трактирщик заохал. «За эту шутку вы заплатите мне дороже, господа!» — сказал он, взяв кофейник из рук служанки»¹³⁷.

В то же время текст содержит свидетельства необъяснимого стремления русского человека «ощущать» себя европейцем: «Милые друзья мои! — пишет Карамзин. - Я вижу людей, достойных моего почтения, умных, знающих, ученых, славных — но все они далеки от моего сердца. Кто из них имеет во мне хотя малейшую нужду? Всякий занят своим делом, и никто не заботится о бедном страннике. Никто не хватится меня завтра, если нынешняя ночь на черных своих крыльях унесет мою душу из здешнего мира; ничей вздох не полетит вслед за мною — и вы бы долго, долго не узнали о преселении вашего друга!»¹³⁸.

Приведем так же одно, написанное после возвращения на Родину:

«С каким удовольствием перебираю свои сокровища: записки, счеты, книги, камешки, сухие травки и ветки, напоминающие мне или

¹³⁷ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. С.114. [сайт]. [2010]. URL:

http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all

¹³⁸ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. С. 165. [сайт]. [2010]. URL:

http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all

сокрытие Роны, *la perte da Rhone*, или могилу отца Лоренза, или густую иву, под которою англичанин Поп сочинял лучшие стихи свои! Согласитесь, что все на свете крезы бедны передо мною!»¹³⁹

Здесь возникает вопрос: что мотивировало русских людей искать в себе черты схожести с европейцами (в то время как последние редко считали их себе подобными)?

Приведенные фрагменты источника говорят о наличии у их автора желания «почувствовать» себя европейцем. Надо полагать мотивы и механизмы такой («чувственной») европеизации следует считать наиболее сложными для изучения, в том числе и такой вопрос: какую роль в импорте чувств из Европы в Россию играет культурный трансфер. Обозначим эту тематику как проблемную.

По мнению выдающегося американского антрополога Клиффорда Гирца, «культурными артефактами в человеке являются и идеи, и эмоции»¹⁴⁰. Иными словами, культурные символы, обслуживающие интеллектуальную и аффективную стороны человеческого ума, имеют тенденцию к разделению: мы имеем дискурсивный язык, экспериментальные практики, математику и тому подобное, с одной стороны, и миф, ритуал и искусство – с другой. Однако это противопоставление не следует проводить слишком резко: математика находит свое применение в аффективных сторонах, а поэзия — в интеллектуальных. Во всяком случае, это различие является всего лишь функциональным, но не различием по существу¹⁴¹. Таким образом, можно говорить о европеизации «чувственной» и европеизации «умственной».

¹³⁹ Карамзин Н.М. Указ. соч., С 600-601. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all

¹⁴⁰ Гирц Клиффорд. Интерпретация культур. М., РОССПЭН, 2004. С. 96. [сайт]. [2004]. URL: (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/index.php)

¹⁴¹ Гирц Клиффорд. Интерпретация культур. М., РОССПЭН, 2004. С. 102. [сайт]. [2004]. URL: (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/index.php)

Изложенную выше точку зрения разделяет и другой выдающийся ученый – А.Л. Зорин. Устремляя свои профессиональные взгляды на «импорт чувств» из Европы («эмоциональную европеизацию»), он предлагает рассматривать упомянутый источник с позиции культурной интеграции России в Европу¹⁴². В качестве пояснения приведем, упоминаемый им в данном контексте фрагмент источника*:

«Что вам надобно, государь мой?» — спросил у меня молодой офицер в синем мундире. — «Комната, в которой жил Лоренс Стерн», — отвечал я. — «И где в первый раз ел он французский суп?» — сказал офицер. — «Соус с цыплятами», — отвечал я. — «Где хвалил он кровь Бурбонов?» — «Где жар человеколюбия покрыл лицо его нежным румянцем». — «Где самый тяжелый из металлов казался ему легче пуха?» (Все сие памятно тому, кто хотя один раз читал Стерново или Йориково «Путешествие»; но можно ли читать его только один раз?) — «Где приходил к нему отец Лорензо с кротостию святого мужа». — «И где он не дал ему ни копейки?» — «Но где хотел он заплатить двадцать фунтов стерлингов тому адвокату, который бы взялся и мог оправдать *Йорика* в глазах Йориковых». — «Государь мой! Эта комната во втором этаже, прямо над вами. Тут живет ныне старая англичанка с своею дочерью». — Я взглянул на окно и увидел горшок с розами. Подле него стояла молодая женщина и держала в руках книгу — верно, «*Sentimental Journey*»! «Благодарю вас, государь мой, — сказал я словоохотному французу, — но если позволите, то я спросил бы еще». — «Где тот каретный сарай, — перервал офицер, — в котором Йорик познакомился с милою сестрою графа Л*?» — «Где он

¹⁴² Зорин А.Л. Чувственная европеизация русского дворянства. [сайт]. [2010]. URL: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=93417>

* Прибыв в Кале, Карамзин отправился в отель «Де Сена», известный тем, что около тридцати лет назад, двигаясь из Англии в континентальную Европу, в этой гостинице остановился знаменитый английский писатель Лоренс Стерн, описавший свою поездку во Францию в популярнейшей книге того времени - «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», часть действия которой происходит именно в этой гостинице. Далее последует сцена, описывающая моменты пребывания Карамзина в знаменитой гостинице.

помирился с отцом Лорензом и... с своею совестью». — «Где Йорик отдал ему черепаховую свою табакерку и взял на обмен роговую?» — «Но которая была ему дороже золотой и бриллиантовой». — «Этот сарай в пятидесяти шагах отсюда, через улицу, но он заперт, а ключ у господина Дессеня, который теперь... у вечерни». — Офицер засмеялся, — поклонился и ушел. — «Господин Дессень в театре», — сказал мне другой человек мимоходом. «Господин Дессень на карауле, — сказал третий, — его недавно пожаловали в капралы гвардии». — «О Йорик! — думал я. — О Йорик! Как все переменилось ныне во Франции! Дессень капралом! Дессень в мундире! Дессень на карауле! Grand Dieu!» — Смерклось, и я возвратился в свой трактир».¹⁴³

Профессор А.Л. Зорин интерпретирует отрывок так: «Мы чтобы принимать решение должны знать, что мы чувствуем по поводу тех или иных вещей. А чтобы знать, что мы чувствуем по этому поводу, нам нужны публичные образы чувствования, символические модели чувства, которые дают только ритуал, миф и искусство. То есть, чтобы узнать человеку, что он чувствует по тому или иному поводу, ему надо соотнести свои внутренние переживания с соответственным ему образцом, выстроить внутренним собственным мир по известной ему символической модели.

В средневековой Европе (как и в России) главенствующую роль в формировании таких символических моделей чувства, конечно, играла церковь, церковная служба и все сферы, связанные с религией. Но по мере того, как в культуре Нового времени религия и ее ритуалы утрачивают свою определяющую роль, по крайней мере, для образованных сословий (а они интересны в контексте работы в первую очередь), производство

¹⁴³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. С. 510-511. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all

публичных образов чувствования все в большей степени берет на себя литература. В сентиментальную эпоху именно литература становится школой чувствительности, которая задает образцы переживаний, которые полагается испытывать человеку в тех или иных жизненных ситуациях.

Классические произведения того времени (к которым, безусловно, следует отнести и «Сентиментальное путешествие...») служили своего рода камертонами, по которым читатели учились настраивать свои сердца и проверять, насколько в унисон они чувствуют. Совместные чтения и переживания одних и тех же сочинений гарантировало распространений единых моделей чувств поверх национальных барьеров и государственных границ»¹⁴⁴.

Таким образом, Карамзин, органично «вписав» себя самого (русского дворянина) в круг (сообщество) образованной европейской публики, предложил читателю образец метода (способа), которым может совершаться культурная интеграция в сфере эмоций и ощущений. «В этом символическом европейском союзе чувствительных сердец русских принимали как равных. Потому что они могли оценить юмор Стерна и его чувствительность не в меньшей степени, чем уроженцы страны, где Стерн родился, или страны, в которой он написал самые свои знаменитые книги»¹⁴⁵.

Перейдем к рассмотрению некоторых особенностей «умственной» европеизации.

Некоторые её механизмы можно рассмотреть на материале литературных набросков Тульского дворянина А.Т. Болотова. «О пользе, происходящей от чтения книг» - литературный этюд А.Т. Болотова о двух моделях поведения русского дворянина современной ему эпохи.

¹⁴⁴ Зорин А.Л. Чувственная европеизация русского дворянства. [сайт]. [2010]. URL: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=93417>

¹⁴⁵ Зорин А.Л. Чувственная европеизация русского дворянства. [сайт]. [2010]. URL: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=93417>

Олицетворены модели двумя героями – антиподами: Клеоном (прототип, вероятно, сам Болотов) и Леонидом.

Повествование автор начинает с рассуждения важности просвещения, и его сопровождающих плюсах, в конце которого говорит о верной ориентации России в сторону Запада:

«Она столь важна, столь велика и столь очевидна, что довольно надивиться невозможно, что люди так мало ее усматривают и почитают. Не доказательством ли тому, и не примером ли многие европейские государства, столь в короткое время в цветущее состояние пришедшие. Не с самого ли того только времени они процветать начали, как науки из прежнего забвения своего возобновлялись и книг довольное печатание началось?»

Не противное ли тому доказывают другие земли, находящиеся еще в невежестве? Не видим ли мы многих народов в глубочайшем незнании и беспорядке еще живущих, а единственно от того, что у них ни малейшего еще обучения нет, и книг не печатается и не употребляется? Но что далеко примеров искать? Не видим ли мы того же в рассуждении самого отечества нашего, и не от часу ли наш народ знающее и умнее с того времени становиться стал, как науки к нам вошли и печатание книг началось?»¹⁴⁶

Далее Андрей Тимофеевич поэтапно раскрывает механизм «европеизации» (или просвещения) разума русского человека (вероятно, это автобиографическая модель):

«Одну ее прочитав, получил он вдруг охоту к нравоучительным сочинениям, ибо находил в них пользу, с увеселением смешанную, и то, чего он так долго не знал, а именно, учение, как человеку себя

¹⁴⁶ Болотов А.Т. Забавы живущего в деревне, или Собрание разных мелких нравоучительных, сатирических, натурологических и других, отчасти забавных сочинений, писанных в разные часы для пользы и удовольствия себя и другим людям, одним россиянином, сочинявшим некогда детскую философию и разные другие книги. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0090.shtml

познавать и как знать свою истинную пользу и делать себя благополучным. С того времени не читал он более уже романов, но чтение философических, нравоучительных, сатирических, исторических и других тому подобных учительных книг все его свободное время занимало»¹⁴⁷.

«Разум его так просвещен стал, что мог уже он не стыдясь с самым ученым человеком о высоких вещах говорить. Поступки свои он так от бывших недостатков исправил, что все дивились ему и общую похвалу приписывали, а что важнее всего, то из прежнего Клеона, который ни малого понятия ни о добродетели, ни о благочестии не имел, жил как все прочие живут, то есть нимало о себе не радея и не помышляя, вылился вдруг любитель добродетели и благочестия, и такой молодой человек, который добродетель и истинное спокойствие важнейшим уже себе благом почитал»¹⁴⁸.

И наконец, приводит читателя к мысли о том, что только такой человек может быть настоящим патриотом:

«Так что он и в деревне живучи не тщетно ест хлеб, но с каждым днем старается полезным быть своему отечеству и приобрести себе имя истинного патриота»¹⁴⁹.

Вторая модель поведения (существования) вызывает у автора явно негативное отношение:

«...он [отец] его [Леонида] в наш Московский университет в том намерении записал, чтоб он не только выученные иностранные языки позабыть не мог, и в других бы науках осмотрелся, так скоро Леонид совсем иной вид воспринял. Не науки и не учение у него было

¹⁴⁷ Болотов А.Т. Указ. соч. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0090.shtml

¹⁴⁸ Болотов А.Т. Забавы живущего в деревне, или Собрание разных мелких нравоучительных, сатирических, натурологических и других, отчасти забавных сочинений, писанных в разные часы для пользы и удовольствия себя и другим людям, одним россиянином, сочинявшим некогда детскую философию и разные другие книги. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0090.shtml

¹⁴⁹ Болотов А.Т. Указ. соч. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0090.shtml

на уме, но общество с рабами и компания с негоднейшими из учеников университетских было его всегдашнее упражнение»¹⁵⁰.

Следует констатировать, она (модель) была гораздо более распространенной в современной автору России.

Завершается источник рассуждением А.Т. Болотова, призванным вскрыть корень различия двух затронутых им образов поведения русского дворянина XVIII –го века:

«Различные и многие сии знания должен человек сам собою снискивать и получать. К получению их дала ему природа только два средства: первое то, чтоб он старался сам собою чрез частые размышления о себе и о прочих вещах и чрез рассмотрение всех созданных и им видимых вещей от часу далее разум и познания свои распространял. Но поелику дорога сия так длинна, и на рассмотрение сие столь многое время требуется, что одной жизни человеческой на это конечно не достанет, то дала ему натура другое и гораздо более способнейшее средство, чтобы он, не в состоянии будучи сам собою обо всем надлежащем знании снискать, оными у других, оные имеющих, заимствовал, а сам бы только сими найденными и показанными ему дорогами от часу далее следовал.

Сие заимствование есть то, что мы обучением наук называем. Они ни в чем ином состоят, как в собраниях тех многих и различных, которые, мало помалу, людьми снискиваемы были.

И дивиться надобно, если сие обстоятельство ближе рассмотреть и в рассуждение принять! Посредством их можем мы в самое короткое время то узнать, что узнавать в несколько сот лет множество людей и с превеликими трудами старались. И не

¹⁵⁰ Болотов А.Т. Указ. соч. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0090.shtml

посредством ли печатания книг и поныне все то сообщается, чтобы кто во всем почти свете новое ни сыскал и ни выдумал»¹⁵¹.

Таким образом, А.Т. Болотов четко выразил позицию наиболее передовой части русского (в том числе и провинциального) общества о том какой они хотят видеть свою страну («в цветущее состояние пришедшей», что значит, в ряду европейских держав) и о том, что для этого необходимо сделать («обучаться наукам», то есть «просвещаться») и каким образом («посредством печатания и чтения книг»). Важно, что в рассматриваемом источнике раскрывается мысль о различии «заимствования» и полноценного трансфера («сие обстоятельство ближе рассмотреть и в рассуждение принять»); хотя автор XVIII-го века различает понятия, он не дает специального определения.

Общим для обоих направлений европеизации является приоритет ценностей Просвещения. И в «Письмах» Карамзина («При встрече с Кантом: «Он записал мне титулы двух своих сочинений, которых я не читал: «Kritik der praktischen Vernunft» и «Metaphysik der Sitten»¹⁵² — и сию записку буду хранить как священный памятник»¹⁵³), и в «Забавах живущего в деревне» Болотова («Разум его так просвещен стал, что мог уже он не стыдясь с самым ученым человеком о высоких вещах говорить...») это отчетливо читается.

¹⁵¹ Болотов А.Т. Забавы живущего в деревне, или Собрание разных мелких нравоучительных, сатирических, натурологических и других, отчасти забавных сочинений, писанных в разные часы для пользы и удовольствия себя и другим людям, одним россиянином, сочинявшим некогда детскую философию и разные другие книги. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0090.shtml

¹⁵² «Критика практического разума» и «Метафизика нравов» (нем.).

¹⁵³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. С. 102. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all

В заключение главы отметим, что изучение комплекса проблем, описывающих механизм социокультурного взаимодействия («культурного трансфера») ведется не менее двадцати лет (с момента полноценного оформления в науке данного понятия); изучение отдельных его вопросов в различных научных контекстах весьма давно.

Ключевым моментом определения исследовательского подхода к данному комплексу проблем является взгляд ученого на сущность механизма социокультурного взаимодействия. Так, одна из первых концепций провозглашала «открытость России для любого влияния и не критичное поглощения ею продуктов: идей и практик, извне» (выражение К. Шарфа). Сегодня такое видение проблемы непопулярно, хотя имеет место в иностранной историографии.

Другой подход предполагает, что взаимодействие культур – процесс сложносоставной, диалогической и в качестве его основного механизма следует видеть культурный трансфер. В основной отличительной чертой данного подхода является особое понимание рецепции, как активного творческого процесса. Интерес для исследователей приобретают конкретные направления и формы трансфера.

Данный подход реализуется посредством междисциплинарных исследований. Острая дискуссия ведется относительно ведущей дисциплины, при проведении комплексного исследования.

При рассмотрении взаимодействия культур с позиции «культурного трансфера» не постулируется прогрессивное развитие реципиента, категории дискурса в основном не носят оценочный характер - это существенное отличие от концепций «культуртрегерства» и «культурного миссионерства», «теории модернизации».

Дипломная работа является попыткой комплексного исследования, в котором принципы междисциплинарности реализуются на стыке истории и филологии, а интерпретация общей ситуации ведется с позиции исторической науки.

Разнообразие методологических подходов, ракурсов проблемы и исследовательских решений привели к образованию обширной сети понятий, в которой необходимо грамотно ориентироваться.

Разветвленная сеть терминов все же составляет некую систему – понятийный аппарат исследования, ключевые элементы которого целесообразно систематизировать в соответствии с замыслом работы.

Влияние западноевропейского Просвещения необходимо изучать исключительно на основании источников, ведущих свое происхождение из «стран-реципиентов». Кроме того, следует учитывать ещё два обстоятельства: соображения на счет источниковой базы для исследования культурного трансфера в эпоху Просвещения и - не забывать о специфике источников по русской провинции. Отсюда следует методологическая предпосылка «отдельно рассматривать просвещенное самосознание «трансферщиков» и их просветительскую деятельность (притом было бы неверным представлять «трансферщиков» в качестве «проводников просвещенных идей»).

В ходе исследования следует помнить о дифференциации предмета трансфера на идеальный и практический.

Учитывая региональный аспект исследования, отметим, что основными источниками по рассматриваемому вопросу являются мемуары, записки и воспоминания современников, а так же тематическая литература. Однако последняя, по словам Н.Д. Чечулина «заслуживает особой оценки и степени доверия».

Рассмотрение поставленных в дипломной работе проблем должно строиться, прежде всего, на архивных источниках.

Первым источником для изучения трансфера идей (прежде всего политических) и практик (преимущественно административных) на почву провинции являются «Наказы» и выступления депутатов Уложенной комиссии. В методическом отношении задача может быть сформулирована, как текстовый анализ всех единиц фонда. Наказы дворян, кроме выявления фактов трансфера, могут быть полезны для определения перспективных для исследования персоналий (лиц, подписывавших указы, которые могут являться «трансферщиками»). Для этой же цели следует использовать соответствующую историографию и далее разрабатывать тему, основываясь на изучении деятельности «трансферщиков».

Реформы Петра I задали вектор развития, ставший определяющим для России на весь XVIII –й век. Движение в «западном» направлении в след Петром продолжила Екатерина II. Однако в их деятельности наблюдается существенное различие: Петр сконцентрировал своё внимание на «материализации» России, как европейской страны, а Екатерина, подверженная влиянию французских просветителей, обратилась к «европеизации» российского образа мышления и чувствования.

Неодинаковой была «почва» для распространения европейских идей и практик в столицах и провинции. Тульская губерния во второй половине XVIII–го века, в каком-то смысле, была «захолустьем», однако и здесь встречались высокообразованные люди (преимущественно из дворян), подверженные «европеизации».

«Европеизацию» следует представлять, как один из сценариев модернизации Российской империи, реализованный посредством социокультурного взаимодействия с Европой. Применительно к рассматриваемому периоду (вторая половина XVIII –го века) можно выделить две разновидности европеизации: умственную и

чувственную. Цели первой – прагматическая (улучшение уровня жизни), идеальная (идейное наполнение русской культуры), механизм – культурный трансфер практик и идей; цель второй – вероятно, полноправное вхождение в европейское культурное пространство; механизм – вопрос сложный, дискуссионный, требующий глубокой оценки с точки зрения психолингвистики. Общим для обоих направлений европеизации является приоритет ценностей Просвещения.

Следствием европеизации стало формирование единого (когда речь идет о сфере чувств - «воображаемого») культурного и политического пространства России и Европы. При этом европеизация неразрывно связана с идентификацией русских как народа: посредством противопоставления «свой - чужой» русская нация находила себя среди европейских народов.

Глава II. Некоторые сюжеты «культурного трансфера» на «почве» Тульской губернии

II.1. Раскрытие механизма трансфера преимущественно на примере садово – паркового искусства.

Задачей данного параграфа является на примере преимущественно одного направления (садово-паркового искусства) рассмотреть механизм трансфера и адаптации европейских идей и практик в культурно-исторической среде русской провинции (Тульской губернии). Для начала, скажем несколько слов об «исходном материале»: о тех идеях и практиках, которые явились некоторой основой рассматриваемых фактов.

Европейское сознание эпохи Просвещения унаследовало от античности легенду о золотом веке простоты – состоянии, от которого человек впоследствии отошел, - и так или иначе скомбинировало это представление с доктриной о последовательном социальном и материальном усовершенствовании мира, за которым непременно должен последовать период упадка. В XVIII веке проблема Золотого века довольно остро встала перед философами – просветителями¹⁵⁴.

В частности, одно направление данного диспута, получившее в историографии и художественной литературе название «спора о достоинствах сельской и городской жизни»¹⁵⁵, стало предметом интереснейшей полемики между великими мыслителями XVIII –го века: Ж.-Ж. Руссо и Вольтером (в России - Н.А. Львовым и Г.А. Державиным). И их изыскания по данному поводу стали богатой «почвой» для появления самобытных направлений культуры и

¹⁵⁴ Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. С. 141

¹⁵⁵ Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова. Указ. соч. С. 9

искусства в XVIII и XIX веках. Следствием описанного спора можно считать некоторые особенности феномена русской усадебной культуры, пасторальные сюжеты в музыке, литературе, театре России и Европы, конечно же, уникальное идейное наполнение стилей европейского садово-паркового искусства.

Ведущие исследователи полагают, что в смене европейских садовых стилей, можно проследить историю самой Европы, движение ее философской мысли и развитие традиционных ценностей. Особенно информативной в этом отношении является эпоха Просвещения.

Истоки развития европейского садоводства следует искать в античности. В эстетических взглядах античного человека садовое пространство противопоставлялось дикой, необузданной природе. Исторические свидетельства, дошедшие до наших дней, описывают античные парки, как обширные и весьма формальные, с множеством детально проработанных элементов. Такой подход к садовому искусству получил название регулярного и был практически единственным на территории Европы, вплоть до XVIII века. Идею «порядка», стилистически характерную для регулярного парка, на практике выражали: плоский характер композиции, строгие геометрические формы, ярко выраженная основная ось, симметрия во всем, изысканные цветники, скульптуры, декоративные вазоны и растения, хорошо поддающиеся стрижке и долго сохраняющие форму. Тем не менее, парки Римской империи, эпохи итальянского Возрождения, французского классицизма и голландского барокко выполненные, казалось бы, в одной манере регулярного стиля значительно отличаются друг от друга, что было обусловлено

природными условиями и культурно-историческим контекстом их существования¹⁵⁶.

Исследователи полагают, что другой стиль - пейзажный пришел в Европу с востока, скорее всего из Китая. Восточные сады более тонко отражали философское восприятие мира, здесь абсолютизировалась красота природы, поэтому самой главной заботой садовода было нахождение оптимальной точки обзора, позволявшей открыть созерцающему максимально красивый пейзаж. Утверждению стиля в Европе содействовали влияния сентиментальной литературы и творчества художников – пейзажистов.

Авторы книги «Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай» полагают, что «предпосылки перехода к новому типу садового искусства возникли гораздо раньше, чем появилась так называемая мода на пейзажные парки». И эта точка зрения является весьма распространенной. Развитие Европы во второй половине XVIII века имело устойчивую тенденцию к общей либерализации жизни, и Англия была в этом отношении пионером, поэтому «садовая революция»¹⁵⁷, означавшая появление нового отношения европейца к природе, вполне закономерно явилась миру именно на английской земле.

Если говорить предметно, для пейзажного стиля характерны извилистые дорожки, растения с определенной фактурой листьев, естественные формы крон деревьев (причем, учитывается сочетание их формы и цвета, даже осенняя окраска листвы), естественные или близкие к природным линии, всевозможные «полуразрушенные» (по

¹⁵⁶ История садового искусства: Европа, Россия. [сайт]. [2008]. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=67>

¹⁵⁷ Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. С. 37

замыслу создателя) постройки: гrotы, арки, античного стиля павильоны¹⁵⁸.

Таким образом, к XVIII столетию в европейском садово-парковом искусстве оформилось два основных подхода: регулярный и пейзажный.

Необходимо отметить и ещё один важный момент. Исходя из вышесказанного, садоводство следует интерпретировать двояко: как искусство и одновременно ремесло, то есть практику оформления некоего пространства (что представляется весьма удобным для темы исследования).

На протяжении XVIII-XIX вв. в европейской садово-парковой архитектуре наблюдается противостояние английского пейзажного и французского регулярного стилей – выдающихся образцов европейского садово-паркового искусства. Явление это находит отражение не только собственно в садово-парковой усадебной архитектуре того времени, но и проблематизируется в ряде текстов (как философских, так и литературных). Поэтому сегодня многие ведущие исследователи (О. Купцова, Е. Дмитриева, Б. Соколов), в качестве ключевого аспекта данного вопроса понимают «уникальные идеологемы французского и английского садов, которые затем легко поддавались переводу на язык вербальной образности и собственно литературной проблематики»¹⁵⁹.

Так, главной идеологической особенностью регулярного садового стиля являлась «вера в человеческий разум и человеческую силу, мыслимые как способ сопротивления иррационализму хаоса»¹⁶⁰,

¹⁵⁸ История садового искусства: Европа, Россия. [сайт]. [2008]. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=67>

¹⁵⁹ Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. С. 34.

¹⁶⁰ Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова. Указ. соч. С.35

что, безусловно, вписывается в картезианскую концепцию пространства. Французский садовый стиль выражал убеждение в «божественном миропорядке» и, тем самым, подкреплял систему сословной иерархии (поэтому, в некотором смысле его можно считать абсолютистским).

В России вплоть до 30-х гг. XIX в. «своим», традиционным считался именно французский парк, хотя пейзажный стиль в то время уже имел достаточное распространение. Европейское садово-парковое искусство (а именно регулярный парк) пришло в Россию вместе с модой на барочные (голландские и французские) сады во времена Петра I и легко закрепилось в придворной среде, в силу соответствия его идейного содержания духу времени.

И хотя некоторые видные исследователи (Б.М. Соколов) отмечают уникальные черты русских регулярных парков¹⁶¹, следует отметить, что черты эти касались преимущественно практик реализации все той же иностранной идеи (если быть точнее, культуры развлечения и отдыха). Говорить же о полноценном трансфере самой идеологемы регулярного парка (т.е. восприятию, рецепции и адаптации к новой почве) говорить не приходится.

«Вольные» мотивы английских садов в пейзажном стиле часто воспринималась в XVIII веке, как демонстрация антифеодальной свободы. В самой Англии расцвет садов нового типа связывался с развитием парламентаризма и происходил под воздействием философии и теологии английского Просвещения (Э.Э.К. Шефтсбери и Дж. Локка). Авторы «Жизни усадебного мифа...» справедливо замечают, что эстетика и идеология естественного ландшафтного сада изначально содержала существенное противоречие: «провозглашенный

¹⁶¹История садового искусства: Россия: Барокко. [сайт]. [2008]. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=193>

культ естественности не признавался в её некультивированных формах». Иными словами: «только прямое действие расценивается как искусственное, опосредованное же создает иллюзию естественности»¹⁶². Такова была оригинальная идея.

Пейзажное движение к концу XVIII столетия распространилось по всей Европе. В эпоху Екатерины II пейзажное движение достигло России. Именно в этот период становится важной модель поведения дилетанта-универсала, обладающего энциклопедическими знаниями и стремлением к тому, чтобы применить их на практике. И именно в это время в России практика садово-паркового искусства дополняется его теорией. Не случайно, авторы первых в России более или менее оригинальных трудов по садово-парковому искусству (А.Т. Болотов, В.А. Левшин, Н.А. Львов и другие) принадлежали к тому самому типу непрофессионалов, пытавшихся найти себе применение в самых различных областях¹⁶³. Прямым подтверждением этого служат пейзажные парки в Царском Селе, Павловске, Царицыне, Богородицке и другие.

Управителем Богородицкой волости с 1776 г. был выдающийся ученый, агроном, садовод, писатель, уроженец Тульской губернии - А.Т. Болотов. Будучи участником Семилетней войны, он несколько лет провел за границей, где должным образом воспринял идеи Просвещения. Вернувшись на Родину, А.Т. Болотов воспользовался новообретенной привилегией дворянства и поселился в своем родовом имении (с. Дворяниново Тульской губернии), однако вскоре, оценив знания и умения Андрея Тимофеевича в области сельского хозяйства, Екатерина II поручила ему управление своими имениями в Киясовской

¹⁶² Е.Е. Дмитриева, О.Н. Купцова. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. С. 38

¹⁶³ Александра Веселова. Пространство пейзажного парка в трудах А.Т. Болотова: [сайт]. [2005]. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=217>

волости, а затем и в Богородицке. О.Е. Глаголева (ведущий исследователь болотовского наследия) отмечает, что этот период в жизни ученого был наиболее плодотворным, кроме того, именно разведение и устройство парка было основным увлечением А.Т. Болотова в свободное от науки время.

Сам же Андрей Тимофеевич в своих мемуарах так оценивает свою садоводческую деятельность: «важнейший и многодальнейший труд во все мое пребывание в Богородицке»¹⁶⁴.

А.Т. Болотов, являясь человеком крайне деятельным и разносторонне одаренным, имел и литературные наклонности: много писал о природе, часто включая в свои работы и сюжеты философской направленности. Таким образом, оставленный им комплекс документов является наиполнейшим источником, позволяющим проследить полностью весь процесс культурного трансфера. Об этом пойдет речь далее.

II.1.1. Некоторая интерпретация начальных этапов процесса трансфера

В этом пункте будет предпринята попытка осветить начальные этапы процесса «культурного трансфера», а именно, перцепцию и рецепцию, на примере проникновения идей и практик, связанных с европейским садово-парковым искусством в культурно-историческую среду русской провинции (источник – литературно - историческое наследие дворянина Тульской губернии А.Т. Болотова).

Будем исходить из понимания перцепции (восприятия) как проявление коммуникации или взаимодействия (реального или

¹⁶⁴ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 2, стлб. 1137.

виртуального) культур через носителей (индивидов), тогда рецепцию нужно рассматривать как творческий процесс, в ходе которого чужое наследие становится неотъемлемой частью собственного духовного опыта. Перцепция (как и рецепция) не может протекать случайно, потому что, в конечном счете, зависит от потребителей (реципиентов) и их встречных движений.

Обратимся к конкретному примеру – жизни и деятельности тульского помещика А.Т. Болотову.

При рассмотрении интересующих нас процессов, целесообразно придерживаться хронологии изложения его мыслей и переживаний в мемуарах, а так же уделять внимание основным событиям из жизни субъекта.

Андрей Тимофеевич Болотов с детства был записан в полк, которым командовал его отец; с 16-летнего возраста нес военную службу. Несмотря на провинциальное происхождение, А.Т. Болотов имел возможность приобщиться к столичной жизни: он провел год у своего родственника в Петербурге, где учился в частном пансионе. На втором году службы А.Т. Болотов оказался на оккупированной русскими войсками во время Семилетней войны территории Восточной Пруссии. Благодаря германофильству своего отца, офицера аннинской гвардии, А.Т. Болотов владел немецким языком, и поэтому был взят письмоводителем и переводчиком в русскую канцелярию Восточной Пруссии в Кёнигсберге. Кёнигсберг стал поворотным моментом в жизни А.Т. Болотова: здесь он прочел книги, которые считал наиболее важными для формирования своей жизненной философии («Теорию приятных и неприятных ощущений» И.Г. Зульцера и «Две книги о спокойствии и удовольствии человеческом» И.А. Гофмана) и посещал лекции магистра Кёнигсбергского университета Веймана, познакомившие его с философской системой Х.А. Крузия.

А.Т. Болотов неоднократно упоминал в своих трудах, что не менял своих философских взглядов на протяжении всей жизни и опирался на них во всех сферах деятельности. Основой этих взглядов во многом послужили труды немецко-швейцарского философа Иоганна Георга Зульцера (1720-1779). Согласно Зульцеру, человек испытывает удовольствие не от внешних «раздражителей», а от осознания того состояния, в которое приходит душа. Таким образом, утверждается преимущество «мысленных» удовольствий перед всеми остальными. Болотов неоднократно развивал эту идею в своем творчестве*. Он выделяет три типа наиболее доступных мысленных наслаждений: чтение, прогулка (любование природой) и беседа, из которых первые два возможны в одиночестве. В обоих случаях человек имеет дело с неким объектом восприятия (книгой или ландшафтом), обладающим определенной пространственно-временной организацией. Особенности процесса восприятия (перцепции) этого объекта и получения наслаждения от него в конечном итоге становятся у А.Т. Болотова качественной характеристикой самого объекта¹⁶⁵.

Тогда же (в Кенигсберге) началось увлечение его садово-парковым искусством. Проведя почти четыре года в столице Восточной Пруссии, А.Т. Болотов полюбил прогулки в публичных и частных садах Кёнигсберга¹⁶⁶:

«Мне долго неизвестны были сады и гульбища сего рода, и познакомил меня с ними не кто иной, как тот же товарищ мой, немец, г. Пикарт, которому я так много за книги и за свадьбы был обязан. Он, согласясь вместе с товарищем своим, повел меня однажды в них, и они мне так полюбились, что я с того времени в каждое почти воскресенье,

* Например, в трактате «Путеводитель к истинному человеческому счастью...» (1784)

¹⁶⁵ Александра Веселова. Пространство пейзажного парка в трудах А.Т. Болотова: [сайт]. [2005]. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=217>

¹⁶⁶ Маслов А. Биография Андрея Тимофеевича Болотова // Земледельческий журнал. 1838. №5. С. 183 - 197

в которые дни было нам свободнее прочих, хаживал в таковые сады пить после обеда свой чай или кофей и препровождать все достальное время либо в играх в кегли и фортуна, либо в гулянье, а нередко делали и они оба мне компанию и игрывали со мною там в ломбер. И могу сказать, что таковые гулянья мне никогда не наскучивали, но всякий раз возвращался я из них на квартиру с особливым удовольствием. В особливости же нравилось мне тихое, кроткое и безмятежное обхождение всех бываемых в оных, и вежливость, оказываемая всеми»¹⁶⁷.

Немногим позже другой русский дворянин, уже не раз, упомянутый в данной работе Н.М. Карамзин, так же посещал Кениксберг, о чем оставил некоторые свидетельства в своих «Письмах...»:

«Кенигсберг, столица Пруссии, есть один из больших городов в Европе, будучи в окружности около пятнадцати верст. Некогда был он в числе славных ганзейских городов. И ныне коммерция его довольно важна. Река Прегель, на которой он лежит, хотя не шире 150 или 160 футов, однако ж так глубока, что большие купеческие суда могут ходить по ней. Домов считается около 4000, а жителей 40 000 — как мало по величине города! Но теперь он кажется многолюдным, потому что множество людей собралось сюда на ярманку, которая начнется с завтрашнего дня. Я видел довольно хороших домов, но не видал таких огромных, как в Москве или в Петербурге, хотя вообще Кенигсберг выстроен едва ли не лучше Москвы»¹⁶⁸.

Н.М. Карамзин на протяжении всего повествования, какую бы европейскую страну ни описывал, упоминает свое пребывание в садах,

¹⁶⁷Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 1 стлб. 859-861

¹⁶⁸Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. С.99. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/_01text/voll/01prp/01.htm?start=0&length=all

что лишний раз может служить подтверждением широкого распространения в Европе садово-паркового искусства, и культуры отдыха соответствующего рода.

А.Т. Болотов так же неоднократно вспоминал в «Записках» свое времяпрепровождение в кенигсбергских садах:

«Не один раз выносил с собою туда столик и по несколько часов тут в тени, под простою кровелькою, сживал на свежем воздухе и, любуясь красотой места, упражнялся либо в чтении какой-нибудь приятной и полезной книжки, либо в писании чего-нибудь себе в науку и в наставление. Охота к писанию начинала уже тогда во мне возрождаться, и я производил первейшие тому опыты»¹⁶⁹.

Эти и многие другие фрагменты источника говорят о том, что регулярные сады, которые ему довелось посещать, произвели на него сильнейшее впечатление. Андрей Тимофеевич, как большой любитель природы и прилежный ученик немецких эстетиков, воспринял идеологический посыл. Далее стоит пояснить, какой именно посыл воспринял и трансформировал в садовом искусстве А.Т. Болотов: некую (зульцерскую) философию природы, или «культуру развлечения и воспоминания, создававших частный мир просвещенного человека»¹⁷⁰. Оставим этот вопрос открытым.

О начале процесса рецепции может говорить следующее замечание Болотова:

«...вздумалось мне велеть ему* расширить один из моих садов, заведенный и основанный покойною моею матерью, и превратить оный из простого в регулярный. Я нарисовал ему порядочный план,

¹⁶⁹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.1 стлб. 889-890.

¹⁷⁰ Швидковский Д.О. Общество дилетантов и пейзажный парк//XVIII век: Ассамблея искусств. Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. С. 94

* «Дядьке Артамону» – приближенному из крепостных крестьян А.Т. Болотова.

раскрасил его красками, сделал подробнейшее описание и наставление, где и что ему садить, и какие где деревья и кустарники, и отправил к нему сие предписание. Сие было первоначальное мое с садами предприятие, и садик сей хотя и не точь-в-точь так, как я начертил, однако посажен был им довольно порядочно и послужил потом основанием большому саду»¹⁷¹.

Этот отрывок написан ещё в Кенигсберге. Пожалуй, он не говорит о глубоком понимании и переосмыслении А.Т.Болотовым какого-либо идеологического материала. В то же время данный пассаж констатирует наличие у его автора неподдельного интереса, тяги к садоводству, которая вдохновляет на творчество. Это в свою очередь может расцениваться как свидетельство активного процесса переработки воспринятой информации.

Пребывание в Кёнигсберге дало также А.Т. Болотову возможность познакомиться с современной ему европейской экономической (то есть относящейся до ведения хозяйства в широком смысле) литературой.

Из Кёнигсберга Болотов был переведен в Петербург на должность флигель-адъютанта при генерал-полицмейстере бароне Корфе, бывшем военном губернаторе Кёнигсберга. Это была уже настоящая столичная жизнь, близкая ко двору, но слишком шумная и утомительная. Поэтому Болотов при первой же возможности вышел в отставку и уехал в Дворяниново, чтобы заняться хозяйством¹⁷².

Далее из источника можно извлечь информацию о том, как развивался процесс рецепции: мысли становились определеннее, обстоятельнее, возникало ориентировочное направление действий, в контексте начинала фигурировать конкретная среда:

¹⁷¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 1 стлб. 975.

¹⁷² Маслов А. Биография Андрея Тимофеевича Болотова // Земледельческий журнал. 1838. №5. С. 183 - 197

«Паче всего хотелось мне походить по остаткам старинных наших садов и порассмотреть пристальнее тогдашнее их, весьма жалкое и незавидное, состояние: ибо охота к ним начинала уже тогда во мне рождаться. И я, едуци еще дорогою, помышлял многажды о том, как бы мне их поправить и привести в лучшее и такое состояние, чтоб мне можно было в них с удовольствием провождать время в своем сельском уединении. И как мне часть сия хозяйства столь же мало или еще меньше была известна, нежели все прочие, то, для самого того, в проезд свой чрез Москву, и запасся я несколькими иностранными, до садоводства относящимися, книгами, из которых вознамеривался я искусству сему учиться. Паче же всего, любопытен я был видеть младший из всех наших садов и тот, о котором писал я еще из Кёнигсберга к своему бывшему дядьке, чтоб он мне его, по посланному тогда к нему рисунку, превратил в регулярный»¹⁷³.

И хотя первоначальное его предприятие не увенчалось успехом, в связи с несоответствием среде, А.Т. Болотов продолжает обдумывать планы на счет садоводства. Такой подход к делу – переосмысление своей деятельности (поиск ошибок) в связи с уточнением условий среды, можно считать продолжением процессов рецепции:

«По несчастию не имел я никакого человека, знающего сколько-нибудь это дело и могущего меня, в ином случае, остерегать, или подавать мне советы. А совещался я с одними только книгами, и книгами не нашими, а иностранными, писанными не на наш климат и по не нашим обстоятельствам, и потому могущими скорее всего заводить нас в лабиринты погрешностей и ошибок, как то и со мною

¹⁷³ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 2 стлб. 314-315.

тогда отчасти случилось, но что, по новости моей и по совершенному недостатку практических знаний, нимало и не удивительно»¹⁷⁴.

Подробно рассмотрев свои ошибки, А.Т. Болотов делает очень важный шаг: переходит от подражания иностранной моде к полноценному трансферу:

«Первая и величайшая ошибка была та, что сделал его регулярным, нимало не подумав о том, что такой большой регулярный сад во всей форме и порядке впредь содержать, по малолюдству моему и недостатку, не будет мне никакой возможности... Но к несчастью, в тогдашнее время ни о каких других садах не было еще и понятия; а регулярные сады были только одни в обыкновении и повсюду в величайшей моде. А потому и мне, выдавшему их кое-где мельком, восхотелось неотменно и самому иметь у себя сад регулярный, и при основании и расположении оного оказать мнимое знание свое и искусство.

...Но ах, сколь мало знал я тогда, что все сие регулярство далеко не принесет мне столько удовольствия, сколь многого я ожидал и от него тогда получить ласкался.

...Вторая и важнейшая еще той и сущевительнейшая погрешность состояла в том, что я от излишней поспешности и от непомерного желания видеть у себя скорее сад, не постарался столько, сколько б надлежало о том, чтоб запастись для засадки сего сада прививочными и лучших пород деревцами, а употребил к тому какие мне прежде других попались. Но к несчастью, в тогдашнее время, как в Туле, так и в других местах и не производилось еще такой великой торговли прививочными деревцами, какая производится ныне, и садовое искусство было еще в таком младенчестве, что не знавали еще

¹⁷⁴ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т 2., стлб 343

нигде и самого прививания в очко, или листочками, и я почти первый ввел сей род прививания в обыкновение, научась сам сему искусству из книг, а не от других людей. А посему, хороших прививочных деревцов и достать и взять было негде; а где они и были, так продавались, по тогдашним временам, еще слишком дорого»¹⁷⁵.

Интересно, что описывая сельские промыслы «употребляемые в городах губернии» в конце XVIII –го начале XIX –го В.А. Левшин отмечает, что «в особенности туляне отличаются продажею прививков»¹⁷⁶. То есть новая сельскохозяйственная практика была адаптирована всего за несколько лет. Полагаем, сам процесс трансляции, распространения и адаптации заслуживает специального изучения, отметим его как перспективное направление.

Важно отметить, что, несмотря на все ошибки и неудачи, А.Т. Болотов не утратил увлеченность садовым искусством:

«Что касается до меня, то был я почти безвыходно в саду сем. И как это была для меня первоуценка и я в первый еще раз в жизни заводил у себя совсем новый сад, то не мог довольно нарадоваться и навеселиться, когда начал он образоваться и получать свой вид и фигуру...как бы то ни было, но я произвел у себя в самое короткое время преогромный регулярный сад, которым не мог довольно налюбоваться. И как было сие моим первым деянием экономическим, то и был я оным весьма доволен; и тем паче, что мог оное показать гостям своим в приближающийся день именин моих, к которому хотелось мне пригласить своих соседей и сделать для них обед и маленький деревенский праздник»¹⁷⁷.

¹⁷⁵ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.2. стлб.343 – 344.

¹⁷⁶ Левшин, В.А. Топографическим описанием Тульской губернии. Тула: Пересвет, 2008. С. 226-229.

¹⁷⁷ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 2 стлб. 342-347

* Исходя из использованных источников.

Не остались без внимания и вопросы чувственного приобщения к иностранной культуре развлечения – А.Т. Болотов, касаясь механизмов трансфера, раскрывает его возможный сценарий:

«...а книги, содержащие в себе описания красот природы, которые обыкновенно я в сии времена читывал, делали мне в том великое вспомоществование и производили то, что все и такие предметы, на которые смотрят множайшие люди без всяких чувствий и удовольствия, производили собою в душе моей наисладчайшие и приятнейшие движения оной и доставляли мне тысячу минут приятных»¹⁷⁸.

Книги в абсолютном большинстве своем были иностранными*, поэтому можно говорить о протекании некоего психологического механизма, в ходе которого «воображенная литературная природа делает природу подлинную более прекрасной, обучая сердце ощущать ее очарование».

Профессор А.Л. Зорин утверждает, что такой тип чтения вовсе не было ограничен пределами России. Он был распространен в самых широких образах европейской публики эпохи чувствительности... Но в России такое восприятие прославленных произведений приобрело особую интенсивность эмоциональную, потому что представление о литературе, как учебнике чувств было поддержано усилиями усвоить образцы западного поведения, чувствования, переживания и так далее. Российские авторы вовсе не пытались замаскировать то, что они в сущности, что их стратегия является интонационной. Наоборот, они хотели, чтобы все их заимствования были наглядны и демонстративны. Авторитет знаменитых

¹⁷⁸Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. стлб 356

* Обзор библиотеки и читательских вкусов А.Т. Болотова представлен в книге О.Е. Глаголевой «Тульская книжная старина», глава 4 и 5.

иностранных писателей объяснял их собственные претензии служить наставкам в области чувствительности.

Соответственно, они пытались представить себя в качестве самых компетентных читателей и истолкователей чужеземных авторов, которым они стремились подражать. Так прослеживается совершенно определенная цепочка.

Западный писатель предлагает модель переживания, которая подходит для той или иной ситуации. Русский писатель не только делает то же самое, но и подкрепляет свое собственное описание отсылкой к образцовой иностранной книге, где его читатель может найти аналогичный пример. Это позволяло российской аудитории не только научиться ориентироваться в предполагаемых житейских обстоятельствах, но и освоить правильный способ чтения¹⁷⁹.

Таким образом, Болотов стал проявлять себя как «трансферщик», однако нельзя говорить о наличии у него в данный момент строгих ориентиров, что свидетельствует о продолжении процесса рецепции. Первоначально акцент был сделан на садоводческую практику, рецепция которой оказалась некорректной по отношению к новой среде. Тем не менее, некоторые личностные качества А.Т. Болотова позволили ему выбрать верный путь продолжения своей деятельности.

Далее необходимо затронуть вопрос о соответствии идейной нагрузки - производимой им садоводческой практике. С этой точки зрения, следующие фрагменты источника можно считать весьма показательными:

«Когда же началась половодь, то, о! с каким восхищением смотрел я на прекрасную сию половодь, бываемую всегда на речке

¹⁷⁹ Зорин А.Л. Чувственная европеизация русского дворянства. [сайт]. [2010]. URL: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=93417>

нашей. Я избрал в саду своем на самом ребре горы своей наилучшее место для смотрения оной, протоптал туда тропинку по снегу и тогда еще положил в мыслях своих сделать со временем тут беседочку себе»¹⁸⁰.

«Приятное же вечернее время посвящал я опять увеселениям красотами натуры; и чтоб удобнее ими пользоваться и наслаждаться, то удалялся обыкновенно в старинный свой нижний сад, откуда видны были все окрестности и все прекрасное течение извивающейся нашей реки Скниги. У меня выбрано было к тому особое и лучшее местечко на самом обнаженнейшем хребте горы своей»¹⁸¹.

В этом и многих других отрывках воспоминаний А.Т. Болотова явно читаются мысли И.Г. Зульцера о том, что созерцание красот природы должно пробуждать в человеке чувства истины и доброты. Природа возводится едва ли не в абсолют, она предмет прославления и восхищения. Однако такая идеологическая нагрузка не сочетается с регулярным подходом к организации паркового пространства, который практикует А.Т. Болотов; более гармонично она сочетается с подходом пейзажным. То есть можно говорить о потенциальном интересе автора к пейзажным садам.

Вероятно, чувство неудовлетворенности своей деятельностью и многократный пересмотр ошибок, в некотором роде провоцировали творческий активный процесс рецепции:

«...В течение зимы имел я довольно досуга к тому, чтоб обдумать все части оной и позаметить в мыслях своих, что и что сделать бы мне в течение наступающей весны, лета и осени. Все сии

¹⁸⁰ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 2 стлб. 397.

¹⁸¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 2 стлб. 410-412

упражнения относились в течение сего лета наиглавнейше только к двум предметам: к зданиям и садам моим»¹⁸².

Более того, глубокое осмысление именно практической составляющей садового искусства привело к расширению сферы интересов реципиента:

«Из всех плодовых деревьев и кустарников, также и сажаемых в цветниках цветочных произрастений, не было мне еще ни одного знакомого: со всеми ими надлежало мне познакомиться и всех их узнавать натуру и свойства. Сими последними снабдила меня одна моя соседка, госпожа Трусова. Будучи охотница до цветов, имела она у себя их многие разные роды. И как у меня вовсе не было никаких, то, будучи мне несколько сродни и сделавшись знакомою, не успела узнать, что я сделал цветник и нуждаюсь цветами, как и снабдила меня всеми зимними породами оных, какие только у нее были»¹⁸³.

При этом А.Т. Болотов, детально разбираясь в своих мыслях и ощущениях, начинает осознавать механизм трансфера, расставлять приоритеты:

«В сельском домоводстве становился я час от часу более знающим; ибо, с одной стороны, прилежное чтение иностранных и всех экономических книг, какие только мне попадались в руки, и замечания и выписки из оных всего того, что могло быть и у нас употребляемо, а с другой стороны, самая опытность и действительное упражнение во всех разных частях сельского домоводства, доставляло мне со всяким днем новые о вещах понятия и побуждали предпринимать к усовершенствованию оного разные опыты; а все сие

¹⁸²Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 2 стлб. 399-400

¹⁸³Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870.Т. 2, стлб. 407.

нечувствительно и вперило в меня уже и довольную охоту к экономии и к разным частям ея.

Но из всех сих ни которая не привязывала и не прилепляла меня к себе так сильно, как садоводство. Ибо как сады по существу своему давали пищу и уму и сердцу моему, и доставляли мне не только чувственные и телесные, но и самые душевные удовольствия; то всего более и прилежнее занимался я ими и чрез самое то сделался нечувствительно к ним охотником»¹⁸⁴.

Прагматическая сторона дела выдвигается на первый план, А.Т. Болотов начинает задумываться о реальной пользе от садоводческих мероприятий:

«Новый же мой плодоносный сад приносил уже мне час от часу более удовольствия. В сей год было в нем уже более плодов, и все шпалеры получили уже свой вид и были в хорошем состоянии»¹⁸⁵.

Все чаще в его мемуарах можно встретить заметки о развитии представления автора о первоначально второстепенном для него «ботанизировании»*:

«Я дожидался, правда, их целых пять лет. Но зато имел удовольствие видеть не только превеликое множество у себя тюльпанов, но и действительно происшедшие от них многие новые и совсем оригинальные роды, из которых иные были очень хороши, и наградили меня с лихвой за долгое их ожидание и за все хлопоты, какие я имел с ними в сии годы, пересаживая их с места на место, и всякий год выкапывая и разбирая»¹⁸⁶

¹⁸⁴ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 2 стлб. 558

¹⁸⁵ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 2 стлб. 609.

* Термин, используемый самим А.Т. Болотовым.

¹⁸⁶ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 2 стлб. 764-765.

Процесс развития интереса к сопутствующим садоводству областям (ботаника) описан следующим образом:

«Как в числе купленных в Москве мною немецких книг были некоторые, относящиеся и до натуральной истории, которые мне нужны были для почерпания из них нужного при продолжаемом по временам сочинении моей «Детской философии», а между ими находилась и одна ботаническая книга, а именно Рейгерово описание дикорастущих в окрестностях Данцига произрастений, расположенное по их разным родам, отродиям и видам; то особенного замечания было достойно, что при чтении оной не только получил я общее и довольно достаточное понятие о сей части натуральной и доселе мне незнакомой еще части натуральной истории, но получил даже и самую охоту к ботанике, и потому с неописанною нетерпеливостью дожидался сошествия снега и наступления весны, дабы мне, по руководству сей книги, тотчас начать спознакомливаться со всеми растущими у нас дикими травами и другими произрастениями, и чрез рассматривание состава их цветков узнавать их роды, отродия и имена, приданные им от ботаников»¹⁸⁷.

Далее неоднократно описывается сам процесс познания нового:

«...между тем начала уже оживать и трава и показываться кой-где разные цветочки, то по намерению моему и не преминул я за первое в жизни моей ботанизирование, или при помощи книги моей рассматривать все оные уже ботаническими глазами и узнавать к какому классу, породе и отродию принадлежит то произрастение, и как которое из них собственно называется. И Боже мой! какое неописанное удовольствие я имел, когда первые опыты стали удаваться мне наивожделеннейшим образом, и когда, по ботаническим приметам

¹⁸⁷ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870.Т.2, стлб. 335

узнав породу, узнавал вкупе и официальные, и ботанические названия оным, и сколько приятных и неоцененных минут они мне доставляли! Не успевал я узнать собственное латинское и немецкое название какой-нибудь рассматриваемой травки, как благим матом хватался я за Цынков Экономический и Гибнеров натуральный лексиконы и приискивал уже в них статьи под сими названиями, и как радовался, когда находя описания оным сходные с описанием Рейгера, находил вкупе и упоминания о том, какие которая из них имела свойства и силы, и которые из них принадлежали к врачевным и способны были помогать от каких болезней.

...Вот в которое время стали начинаться все мои ботанические знания, доставившие мне впоследствии времени случай и возможность сделаться с сей стороны полезным своему отечеству и доставить бесчисленному множеству соотечественников моих не только нынешним, но и самым потомкам их существительную пользу, и заслужить чрез то несчетные благодарения от оных»¹⁸⁸.

«...с самого наступления весны отыскивал везде в садах, полях, лесах, лугах и в самых усадьбах все новые и мне еще незнакомые травы, и при помощи своей ботанической книги с ними познакомливался; и как я в том с особливым усердием трудился и занимался тем во все течение лета, то могу сказать, что сей год был для меня прямо ботаническим, и я познакомился в оный почти со всеми в наших местах самородно растущими врачевными травами. Все те же, которые мне были уже знакомы, с самого начала весны заготовлял уже гораздо в множайшем количестве, дабы при продолжающемся

Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870.Т. 3 стлб. 358-359

ежедневном раздавании оных и лечении многих людей не было в них недостатка»¹⁸⁹.

Приблизительно в таком ключе протекала садоводческая деятельность А.Т. Болотова в его родном с. Дворяниново. Разумеется, круг интересов этого необыкновенно деятельного человека не ограничивался садово-парковым искусством и сопутствующими областями. В частности, он был успешен в качестве корреспондента Императорского Вольного экономического общества. Деятельности в ВЭО принесла ему определенную известность, и в 1773 году он получил предложение стать управляющим императорской Киясовской волости (Тульская губерния), где ему представилась возможность провести эксперимент с семипольной системой земледелия, о которой он читал в иностранной литературе*. Но эксперимент был не закончен, потому что уже через три года Болотов был назначен помощником управляющего находящихся по соседству Богородицкой и Бобриковской волостей.

Работа в Богородицке была пиком его служебной и личной активности. Помимо занятий собственно хозяйственной деятельностью, он принимал участие в планировке города Богородицка (центром его стал строящийся на другом берегу реки Уперты дворец графа А.Г. Бобринского, сына Екатерины II и Г.Г. Орлова, от которого лучами расходились улицы по «версальскому» принципу), продолжал свои агрономические занятия, организовывал волостное училище для крестьянских детей и детский театр, разбивал сады¹⁹⁰:

«И как кроме маленького моего садика никаких других еще не было, то копался я как червь в оном, садил и сеял в нем все нужное, а особливо привезенные из Москвы семена разных иностранных трав,

¹⁸⁹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 3. стлб. 513.

* Перспективное направление для изучения.

¹⁹⁰ Маслов А. Биография Андрея Тимофеевича Болотова // Земледельческий журнал. 1838. №5. С. 183 - 197

для опыта. Потом принялся за лесок, находившийся у нас подле магазина и бывший до сего в крайнем небрежении. Сей, по недостатку садов, хотелось мне превратить в увеселительное гульбище, разрубив оный в проспекты и многие прямые и перекрестные косые аллеи, проводя оные так, чтоб в конце оных открывались вдали какие-нибудь знаменитые предметы, а особливо дворец с его башнею, также соборная наша церковь»¹⁹¹.

Именно в Богородицке в новой среде А.Т. Болотов впервые задумывает сделать пейзажный парк:

«...почитая оный наиудобнейшим к превращению в английский парк или к составлению из него увеселительного и такого леса, в котором можно было ездить для гулянья и сие с удовольствием в оном предпринимать, начал обрабатывать в мыслях, как бы сие наилучше сделать»¹⁹².

Следующие замечания автора источник заслуживают особого внимания, так как они раскрывают некоторые особенности личных взглядов А.Т. Болотова на садово-парковое искусство:

«...занимался я в сие время, а особливо пред наступлением весны, чтением новокупленных книг, а особливо садовых г. Гиршфельда¹⁹³, которые так меня собою очаровали, что я, начавши оные читать, не выпустил их почти из рук, покуда не прочел всех оных. И особливо замечания достойно, что самые сии книги и преобразили совсем мои виды относительно до садов. И как до сего времени привержен я был к системе Ленотровой и любил сады регулярные, так, напротив того, в сие время их совсем разлюбил и получил вкус в садах

¹⁹¹Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 3 стлб. 773-774.

¹⁹² Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 3 стлб. 1095.

¹⁹³ Hirschfeld C.C. Theorie der Gartenkunst. Leipzig, 1779 - 1785. Bd. 1-5.

новых, названных садами иррегулярными, натуральными, ибо английскими сады сего рода грешно было называть. И г. Гиршфельд умел так меня ими прельстить, что я с того времени дышал почти желанием видеть сад, по сим правилам расположенный. А как желание нашего наместника, чтоб завести садик подле дворца богородицкого, было к тому очень кстати и предлагало мне наиудобнейший к практикованию себя в сем совсем новом искусстве случай, то и решился я сад сей основать и расположить не иначе, как в сем новом вкусе. А потому и стал с превеличайшею уже нетерпеливостию дожидаться наступления весны, чтоб тотчас сим делом заняться. Но и до того еще времени образовал многие части оного в своем воображении и располагал в мыслях, где бы что наиудобнее было сделать»¹⁹⁴.

Во-первых, фрагмент источника содержит информацию о конкретных отправных точках трансфера; во-вторых, имеет место и информация о сущности процессов рецепции; наконец, А.Т. Болотов выражает очень интересную мысль: «...получил вкус в садах новых, названных садами иррегулярными, натуральными, ибо английскими сады сего рода грешно было называть...». Версий по поводу причин приведенного высказывания может быть крайне много. Пожалуй, этот вопрос достоин отдельного рассмотрения. Обозначим его как перспективный для изучения.

Большим шагом вперед в плане качественно нового осмысления идеи может быть назван уникальный, творческий подход А.Т. Болотова к рецепции:

«...И не успевала какая отменная мысль родиться в моем воображении, как спешил уже я изображать ее на бумаге не планами и

¹⁹⁴ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.3, стлб. 1137

не обыкновенными садовыми чертежами, а ландшафтами и теми разнообразными садовыми сценами, какие должны были впредь иметь и в самой природе свое существование»¹⁹⁵.

Меняется его взгляд и на окружающий мир, теперь он не уступает в проницательности лучшим европейским мастерам – садоводам...:

«...натура произвела в сем месте с ним сущую игру и испестрила его столь разноцветными и разнообразными жилами, полосками, крапинками и пятнами, что недоставало понятия человеческого к постижению, как все это могло сделаться»¹⁹⁶.

...и ученым – естественникам. А.Т. Болотов установил некоторые закономерности, научная природа которых была объяснена учеными существенно позже. Так, он обратил внимание на перекрестное опыление и так называемую диогогамию – одновременное созревание органов размножения растений (пестиков и тычинок), препятствующее самоопылению растений. Возможности Богородицка в сочетании с его наблюдательностью и терпением позволили ему сосредоточиться на разного рода систематизации: он составил «Руководство к познанию лекарственных трав» и занялся сравнительным изучением сортов яблок и груш. Болотов не случайно считается одним из основателей русской помологии (науки об изучении яблок, от франц. pomme – яблоко): впоследствии эта работа, в сочетании с селекционной, была завершена в Дворянинове – восемь рукописных томов с цветными иллюстрациями содержат в себе подробную классификацию сортов яблонь и груш по множеству признаков. Болотов занимался изучением и классификацией типов почв, в течение многих лет вел подробные метеорологические

¹⁹⁵ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.3, стлб. 1138

¹⁹⁶ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.3., стлб. 1143

наблюдения. Он постоянно читал иностранные издания, и потому нередко уделял внимание тому, что в России традиционно не замечали¹⁹⁷.

Высокой оценки заслуживают его новаторские решения, а так же их блестящее исполнение:

«...такое обманное украшение, какого нигде еще до того делано не было, а именно: мне хотелось нарисовать на ней (осыпи) в перспективическом виде некоторый род развалины или часть старинного какого-нибудь монастыря и назади с башенками и вблизи воротами, и кой-где в каменных стенах окошками...Но каким образом картину сию из-за пруда и расстоянием сажень на сто или более нарисовать — к тому потребна была особая выдумка. Однако я скоро догадался, как это сделать...Словом, я смастерил сие новое дело так удачно и хорошо, что, окончивши оное и поехав за пруд на дорогу на фигуру свою взглянуть, вспрыгался почти сам от радости и удовольствия, увидев, что она так натурально походила на настоящее здание, как нельзя было лучше, и обманывала зрение наисовершеннейшим образом»¹⁹⁸.

Развитие получают некоторые попутные практики:

«Мне не хотелось к наместнику, по его приглашению, приехать в гости с пустыми руками. И как около самого сего времени искусство составлять ландшафтные картины из одних травок и листиков цветочных довели мы с сыном до нарочитого совершенства, то и вздумалось мне (к тому времени как мне ехать к наместнику) смастерить с ним нарочитой величины прекрасную травяную мозаическую ландшафтную картину, за хорошим стеклом и за богатыми раззолоченными рамками, и сделать ею наместнику сюрприз

¹⁹⁷ Маслов А. Биография Андрея Тимофеевича Болотова // Земледельческий журнал. 1838. №5. С. 183 - 197

¹⁹⁸ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870.Т.3, стлб. 1149

и подарок, мне хотя очень мало стоящий, но ему приятный. Итак, оба мы с сыном совокупно сим трудом и занимались и успели и сие дельце сделать»¹⁹⁹.

И даже самостоятельные области деятельности могут испытывать некоторое влияние:

«...занимался, под руководством моим, сын мой срисовыванием с природы разных и лучших садовых сцен, притом уже изряднѣхонько производил сие дело не только с великою охотою, но и с отменным успехом, так удивлял самого меня редкою и удивительною его способностью к рисованью с природы всякого рода положений, мест, а особливо наилучших сцен садовых. Способность его к сему была так велика, что он в состоянии бывал в один день наделявать до десяти скицов таковых картин ландшафтных, которые все он после не только обрисовывал, но вырабатывал их красками, и так хорошо, что я не мог тем довольно налюбоваться, и как таковых картин в короткое время накопилось уже довольно, то и вздумалось нам велеть переплетчику нашему переплесть особливую для сего книгу, в лист величиною, дабы нам все сии садовые картины в нее можно было поместить, что и произвели мы впоследствии времени в самое действие, и составившаяся из всех их нарочитой толщины книга сделалась для всех любопытных зрения и пересматривания достойною. Сия книга цела и хранится у нас и поныне и служит не только памятником тогдашнего его трудолюбия, но и самым монументом садов Богородицких, срисованных во множестве картин в наилучшем их тогдашнем виде».

200

¹⁹⁹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870.Т.3, стлб. 1182

²⁰⁰ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.4, стлб. 96

Это так же перспективное направление для исследования (не обязательно в связи с садово-парковым искусством), несмотря на то, что на сегодняшний день мы не располагаем какими-либо данными по факту трансфера такого рода идей и практик (для Тульской губернии). Следует понимать, что когда речь идет об изобразительном искусстве, мы должны, как и в отношении литераторов, разделять влияние на мастеров этого дела, что тоже трансфер, и влияние на потребителей, круг которых в данном случае будет весьма ограничен. Отметим только, что потенциальным источником по Тульской губернии в этом вопросе могут стать записки Павла Болотова.

Результаты своих опытов наблюдений А.Т. Болотов печатал в издаваемых им сельскохозяйственных журналах: «Сельском жителе» (1778-1779) и «Экономическом магазине» (1779 – 1789). В последнем он также публиковал переводы из книг Кая Кристиана Лоренца Гиршфельда «Теория садового искусства», дополняя их примерами из собственной практики. Многие современные исследователи видят в такой качественной популяризации садово-паркового искусства его особую заслугу. Работа по сопоставлению переводов с оригиналом до сих пор не проделана, поэтому обозначим и это направление в качестве перспективного.

После смерти Екатерины II, когда Богородицк перешел в частное владение графа Бобринского. Болотов сразу же вышел в отставку и уже навсегда вернулся в Дворяниново. Он завершил ряд работ, начатых в Богородицке: закончил свою восьмитомную помологию, издал книгу о лечении электричеством, методично и последовательно продолжил работу над мемуарами. Когда в 1820 году было создано Московское общество сельского хозяйства, Болотов сразу был избран его почетным членом и

начал печатать статьи со своими сельскохозяйственными наблюдениями в издаваемом обществом «Земледельческом журнале»²⁰¹.

Как следует из источника, Андрей Тимофеевич, будучи человеком отлично (европейски) образованным, никогда не был слепым подражателем западноевропейской культуры. Для него были характерны творческий подход к достижениям европейской культурной мысли, увлеченность и национальная самобытность в воплощении замыслов. Иными словами, в основе его представления о культурном идеале лежала мысль о полноценном трансфере идей и практик. Некоторые исследователи полагают, что А.Т. Болотов разработал оригинальную систему взглядов на строительство «натуральных» парков в России, что, в общем, не беспочвенно:

«Нам восхотелось в ближнем к дому саду сделать реформу и превратить его из регулярного в иррегулярный, или особого рода русско-аглинский, или натурально-прекрасный увеселительный сад. Почему, соображаясь с приобретенным в садах новейшим вкусом, положили мы основание многим переменам и употребляли к тому все праздное время, сколько оставалось оно от угощения приезжающих к нам гостей и от собственных своих по гостям разъездов»²⁰².

Итак, садово-парковое искусство – комплексный феномен культуры, весьма удобный для рассмотрения в связи с темой данной дипломной работы (включает чувственную, идеологическую и практическую составляющие).

Андрей Тимофеевич Болотов – ученый, писатель и русский дворянин (помещик Тульской губернии) был одним из первых, кто на

²⁰¹ Маслов А. Биография Андрея Тимофеевича Болотова // Земледельческий журнал. 1838. №5. С. 183 - 197

²⁰² Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 4 стлб. 97.

высоком уровне занимался популяризацией садово-паркового искусства (преимущественно пейзажного стиля) в России.

Литературное наследие А.Т. Болотова содержит ценные сведения о процессе трансфера и его механизмах в области садоводства (от начального этапа – восприятия, до завершающего – адаптации указанных идей и практик в новой культурно-исторической среде).

Основой механизма трансфера в данном случае выступают чтение, созерцание (наблюдение) и практический опыт. Важны личностные качества реципиента.

При глубокой, осмысленной рецепции идеи или практики может возникнуть интерес или даже потребность в трансфере идей и практик смежных областей.

Успешная трансляция и адаптации возможны только при внутренней гармонии идейно-практического комплекса и его соответствия новой «почве».

II.1.2. Завершающие этапы процесса трансфера

В предыдущем пункте внимание было сконцентрировано в основном на вопросах восприятия и рецепции идей и практик, связанных с садово - парковым искусством. В данном пункте акцентированное внимание будет направлено на вопросы, имеющие отношение к особенностям «почвы» и взаимодействия с ней.

Целесообразно придерживаться той же хронологии событий, что и в предыдущем пункте.

В начале, основываясь на источнике, опишем социокультурную среду, в которую вернулся Андрей Тимофеевич после окончания службы:

«А каков был мой дом со двором, таковы же точно и ничем не лучше были и оба соседские господские дома в нашей деревне. А всего удивительнее было то, что и самое расположение внутренних комнат было во всех домах одинаково: власно так, как бы старики наши лучшего расположения выдумать не умели, или не имели к тому столько духа...»²⁰³.

Можно предположить, что после Кенигсберга и Петербурга подобная обстановка показалась ему неудовлетворительной, поэтому А.Т. Болотов немедленно принялся обустраивать свое небольшое имение: перенес дом, завершил начатую крестьянами разбивку сада и запланировал еще несколько садов, все регулярные, так как это казалось тогда ему последней модой²⁰⁴. При этом Андрей Тимофеевич столкнулся с рядом серьезных трудностей, так как «люди того времени отличались чрезвычайным почтением ко всему старинному, сделанному предками и какою-то боязнью перемен, нововведений»²⁰⁵.

Сам он по этому поводу пишет:

«Не могу и поныне надивиться тому, как имел я столько духа, что мог пуститься на такое великое предприятие, то есть, на уничтожение всего старинного конопляника и превращение его в большой и обширный регулярный сад, дело, которое бы в старину почтено было за великое преступление, а предприятие сие беспримерною героическою отвагою! А от того самого и от излишнего уважения и почтения к старине, старики наши так мало и дельвали дел, и оттого так мало и оставили нам после себя вещей, могущих нам припоминать оных.

²⁰³ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 2 стлб. 329

²⁰⁴ Маслов А. Биография Андрея Тимофеевича Болотова // Земледельческий журнал. 1838. №5. С. 183 - 197

²⁰⁵ Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. С. 35

Но как бы то ни было и как косо ни смотрели все старики из дворовых моих людей на затеваемое мною новое и, по мнению их, величайшее дело, но я приступил к оному и прожектировав план, как умелось, так и расчертил...»²⁰⁶

Если рассматривать крестьян и соседей А.Т. Болотова, как социокультурную «почву» для адаптации идей или практик (в данном случае сельскохозяйственных), очевидно, что такая консервативная среда не готова принять идейный импорт из Европы. А.Т. Болотов, как классический помещик эпохи крепостничества, разумеется, мало интересовался мнением крестьян, однако в данном случае он сумел посмотреть на свою деятельность критично:

«Но сколько же и погрешностей наделано было мною при основании и заведении тогда сего сада! И как тужу я и поныне, что я тогда слишком уже поспешил заведением оного и не взял времени, чтоб познакомиться наперед короче со всеми обстоятельствами деревенскими и с самым существом садов, которые до того были мне известны по одной наслышке; а впрочем был я в рассуждении их совсем еще незнающим и во всех моих делах бродил, как курица слепая»²⁰⁷.

И хотя социальный вопрос (непонимание, агрессивная реакция среды) был далеко не главной причиной неудачи первого предприятия А.Т. Болотова в области садоводства, его так же следует иметь в виду.

Далее хотелось бы привести очень интересный фрагмент источника, связанный с поисками садовника, то есть человека, который должен правильно понимать и реализовывать садоводческие задумки А.Т. Болотова:

²⁰⁶ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.2. стлб. 342.

²⁰⁷ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.2. стлб.

«Но наконец, попался мне сей старичок на глаза и полюбился по своей заботливости, замысловатости и трудолюбию. Сему-то доброму старичку решился я препоручить все сады мои в смотрение... был и садовником моим, и помощником, и советником, и всем и всем. И хотя сначала и оба мы чего из относящегося до садов не знали; но иностранные книги обоих нас в короткое время так всему научили, что он вскоре сделался таким садовником, какого я не желал лучше. И он пришелся прямо по мне и по моим мыслям: ибо не только охотно исполнял все, мною затеваемое и ему повелеваемое, но по замысловатости своей старался еще предузнавать мои мысли и предупреждать самые хотения мои, — чем наиболее он мне и сделался приятным. И я могу сказать, что все прежние сады мои разными насаждениями своими и всем образованием своим обязаны сему человеку. Его рука садила все старинные деревья, и воспитывала, и обрезывала их; и его ум обработал многие в них места, видимые еще и поныне и служащие мне всегдашним памятником его прилежности и трудолюбия. Словом, я был сим служителем своим, дожившем до глубочайшей старости и трудившимся в садах моих до последнего остатка сил своих, так много доволен, что и поныне, при воспоминании его и того, как мы с ним тогда живали, как все выдумывали и затеи свои производили в действие, слеза навертывается на глазах моих, и я, благословляя прах его, желаю ему вечного покоя, — и тем паче, что преемник и ученик его, нынешний мой главный садовник, далеко не таков, каков был сей рачительный и добрый старичок»²⁰⁸.

Следует отметить несколько важных моментов. Во-первых, в данном случае механизм трансфера затрагивает больше чем одного человека; во-вторых, констатируются совместное осмысление

²⁰⁸ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 2, стлб. 402-409.

(рецепция). Такое осмысление, а затем и воспроизведение (трансляция) становится коллективным предприятием, организуется группа, сходным образом чувствующих и думающих людей.

Но если в «Письмах...» Н.М. Карамзина группу незнакомых людей можно назвать практически идеальным (свободным и просвещенным) сообществом, то у А.Т. Болотова мы видим социальное, вероятно, и интеллектуальное неравенство, таким образом, рассматриваемая конструкция не может быть названа свободным союзом равноправных единомышленников.

Самого А.Т. Болотова этот вопрос не интересует – он не делает по данному поводу никаких умозаключений. Он неоднократно обращается к вопросу о соотношении его искусства с европейским:

«Словом, мне и тут удалось произвести почти сущее чудо или, по меньшей мере, такую редкость, которую впоследствии времени все бывавшие в саду им не могли довольно надивиться, и какой ни в каком ином саду не находилось. Сами иностранные путешественники признавались, что они нигде подобного сему не видывали.

Чрез то имел я удовольствие в течение одной весны видеть сад сей в таком уже состоянии и наполненный толь многими рошицами и лесочками и украшенный столь многими разных родов украшениями, что и лучшим аглицким садовникам не можно было никак произвести все сие в столь короткое время и, что всего лучше, без всякого казне ущерба, или с издержками, ничего совсем не значущими»²⁰⁹.

Не менее интересным в вопросах трансляции и адаптации садоводческих идей и практик предстает следующий отрывок «Записок» А.Т. Болотова:

²⁰⁹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.2, стлб. 1144

«Жаль, что планы сего рода садам далеко не так могут быть для глаз занимательны и хороши, как садов регулярных». — «То-то и дело, - подхватил наместник, - там, по крайней мере, все черты прямые и регулярные, а тут нигде их нет, да и быть не должно». — «Это правда, ваше превосходительство, да и расположить их по планам сего рода совсем неудобно и почти невозможно: тут не доходит дело ни до шнура, ни до сажени; а опытность доказала мне, что употребить надобно к ним совсем иную методу». — «А какую такую?» - спросил наместник. «Тут советоваться надобно с самим натуральным положением места и не то делать, что бы хотелось, а то, что самое местоположение надоумит и к чему удобнее и способнее быть месту, да и назначать все сцены, сообразуясь не с планом, а с перспективическими и ландшафтными рисунками, сделанными предварительно с воображением их в таком виде, какой должны они получить по своей отделке и по возрасту всех насаждений». — «Как это?» - спросил меня не довольно сие понимающий наместник. «А вот, ваше превосходительство, не угодно ли взглянуть на рисунки сего рода». И развернув некоторые из них, стал ему показывать скицы, сделанные некоторым сценам. «Вот теперь и мне это уже понятно, - сказал наместник, - да как же по сим рисункам назначили вы места?» — «При помощи нескольких драниц, соломенных веревок, воображения и перьев, обкладывал и обводил я все те места, которые должны засажены быть лесом; а затем смотрел и воображал себе уже выросши на том месте лес и судил — хорошо [ли] будет и в нужде, где что прибавить или переменить и так далее». — «Ну, это совсем новый род искусства, - сказал наместник, - и это вам, судырь, только можно делать, а садовники учинить сего не в состоянии. Но скажите ж мне, где бы вы думали можно было нам построить какие-нибудь беседочки и здания?» — «А вот, ваше превосходительство, где и где». И стал ему

на плане показывать места, мною к тому предназначаемые: вот тут прилично бы то сделать, а здесь то и то построить». — «Но какие же нам сделать? Нет ли у вас им рисунков?» — «Нет, ваше превосходительство, но сие зависеть будет от повеления вашего, а есть у меня новенькая о садах сего рода книга со множеством рисунков всякого рода садовых зданий, и не будет ли угодно вашему превосходительству из них которые-нибудь выбрать?» — «Пожалуйте, мне их покажите». — «Они у меня здесь», - сказал я, и тотчас принес их из зала, все пять частей Гиршфельдовых книг»²¹⁰.

В данном случае А.Т. Болотов популяризует не только пейзажный стиль, но и садово-парковое искусство в целом, формируя круг заинтересованных и относительно разбирающихся лиц с высоким социальным статусом. Иными словами, задает процессам адаптации определенную продворянскую ориентацию. Реакция почвы не заставила себя долго ждать:

«Как по возвращении во дворец было еще довольно рано, то покуда ходили за водою и готовили чай, занялся наместник рассматриванием моих садовых Гиршфельдовых книг. И как все они наполнены были множеством эстампов и разных изображений, то, перебирая их, он все листы рассматривал с превеликим любопытством и мне сказал: «Ну, судырь, где та ротунда и павильон, которые вами тут замечены?» Я тотчас их ему приискал, и как они ему в полной мере полюбились, то, призвав архитектора г. Сокольникова... «О, так возьмите ж, судырь, эту книгу и потрудитесь; а вы, Андрей Тимофеевич, сделали б мне превеликое удовольствие, если б приехали ко мне в мою подмосковную деревню, где я около 1-го числа августа находиться буду. Я б, судырь, вам показал и сад, и сельское жилище, и

²¹⁰Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.3, стлб. 1162 - 1165

мы бы с вами походили там, и также подумали кое о чем». — «С превеликим удовольствием, - сказал я на сие, - я готов исполнить повеление вашего превосходительства». - «Но привезите с собою, пожалуйста, и все те книги, - сказал наместник, - мне хочется их на досуге подолее порассмотреть»²¹¹.

Для характеристики «почвы» избранной А.Т. Болотовым для адаптации садоводческих идей и практик приведем ещё один отрывок источника:

«Я нашел у наместника тут прекрасный каменный дом, во всем почти подобный нашему богородицкому, и распрекраснейшую усадьбу. Он жил тут как бы какой английский лорд, и все у него прибрано было тут по-боярски. Позади дома находился регулярный сад со множеством беседок и разных домиков, а пред домом обширное место с несколькими прудами, а за ним увидел реку Пахру, протекающую прекрасно излучиною, а за оною и по сторонам прекрасный лес и рощи. Словом: положение места было пышное и такое, что я не инако оное, равно как и все то, что им сделано было, хвалить был должен.

...На другой день съехалось к наместнику множество других гостей, и весь оный провели мы весело, и так, как бывает в Англии. Поутру собрались мы все пить к нему чай; совокупно и для завтрака, поставлен был в зале большой круглый стол; и за ним, сидючи кругом, пили мы чай. Потом, до самого обеда, имели мы, все бывшие тогда у него в гостях, свободу ходить и гулять, где кто хотел, и делать, что кому угодно...Потом ездили с ним на бумажную его фабрику, гуляли по его английскому, ничего не значущему, саду, и так далее. Словом, весь сей день провели мы в удовольствии»²¹².

²¹¹ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.3, стлб. 1176

²¹² Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.3, стлб. 1187

Можно заключить, что данная социокультурная среда не была подвержена ксенофобии, хотя и не слишком отличала слепое подражание от полноценного трансфера (к которому, надо думать стремилась?). Тем не менее, это были наиболее образованные люди своего времени, и некоторые из них, так же как и Андрей Тимофеевич, обладали «отменным вкусом»:

«...сим вкусом (к иррегулярным садам) напитался уже и сын мой, делающийся уже во всех моих упражнениях и затеях нарочитым уже мне товарищем и помощником»²¹³

Наиболее важным в контексте темы исследования представляется выяснить: состоялся ли трансфер. Для этого целесообразно привести ещё один фрагмент «Записок» А.Т. Болотова:

«...имел притом удовольствие видеть у себя одного иностранного знаменитого путешественника, ездившего по всему свету для обозрения всего любопытного. Был то некакий граф Мантейфель, человек молодой и очень любопытный и знающий. Разнесшаяся повсюду слава о нашем Богородицке побудила его нарочно к нам приехать, и я принужден был его, вместе с спутником его, всюду и всюду и по всем зданиям и местам выводить и все и все им показывать. Оба они смотрели на все с превеличайшим любопытством и удовольствием, а всего более наша церковь и мой грот, который им отменно полюбился, и зеркальная дверь и их так хорошо обманули, что и они посхватили с себя свои картузы для поклона навстречу к нам самих их идущих. Они расхвалили впрах меня за выдумку совсем нового рода украшения и признавались, что она зрения в особенности достойна. Когда же завел я их против отдельных уже тогда моих

²¹³Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 3., стлб. 1183

фальшивых фигур, то они поразились таким удивлением, что изобразить одного были не в состоянии и признавались, что они сколь много ни путешествовали уже по свету, но нигде таких редкостей не видывали, каковыми почитали они сии фигуры, мой грот, а всего паче мою песчаную руину и пещеры, которые превозносили они до небес похвалами. Да и все расположение сада так им понравилось, что они приписывали ему и мне тысячу похвал и поехали от меня, принося мне множество благодарений за доставленное им мною удовольствие. Чем и я с моей стороны был очень доволен, ибо считал сие наилучшею за все труды мои наградою»²¹⁴.

Этот же фрагмент можно расценивать, как иллюстрацию вхождения провинциального дворянина А.Т. Болотова в просвещенное европейское сообщество ценителей садово-паркового искусства.

В заключение пункта отметим, провинциальная среда, в которую Андрей Тимофеевич вернулся после службы, была слабо развита в культурном отношении, отличалась повышенной ксенофобией. Первые и без того не слишком удачные опыты А.Т. Болотова – садовода не были восприняты.

Однако и среди данного круга (крепостных) А.Т. Болотов сумел найти себе сообразительного и старательного соратника, с которым он вместе проходим первые этапы процесса трансфера. Несмотря на это, они не представляли собой сообщество.

Единомышленников А.Т. Болотов стал искать среди дворян (наиболее образованной части российского общества, лишенной ксенофобии и предрассудков). Однако и здесь это было далеко не всегда

²¹⁴Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т. 4 стлб. 25-27.

возможно; в данном ключе главное не сословная принадлежность, а личностные качества.

Единственным свидетельством образования полноценного сообщества можно считать сюжет с приездом европейцев в Богородицк, который может быть так же свидетельством успешности трансфера идей и практик садово-паркового искусства на почву русской провинции.

II.2. Обзор перспективных направлений «культурного трансфера» на «почву» Тульской губернии

Как уже было отмечено, изучение «культурного трансфера» происходит в основном в рамках междисциплинарных исследований различных аспектов культуры. Поясним, какие именно аспекты и ракурсы с этой точки зрения наиболее информативны.

Во-первых, как следует из предыдущего пункта, рассмотрение вопросов «культурного трансфера» представляется удобным в связи с тем или иным феноменом культуры. Большой интерес в данном ключе представляют феномен русской усадебной культуры, русского масонства и русского театра (в том числе и провинциального). (Пункт II.2.2.)

Во-вторых, трансфер идей неотъемлемая часть истории идей, предметом которой являются тенденции развития общественной мысли (эволюция интеллектуальных моделей). Таким образом, в поле зрения исследователя непременно попадает литература и искусство: конкретные писатели (В.А. Левшин, А.Т. Болотов) и философы (Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Зульцер), произведения, направления (например, сентиментализм), виды изданий (периодические журналы),

а так же конкретные механизмы развития интеллектуальных моделей (сюда прежде всего следует отнести трансфер текстов). (Пункт II.2.1.)

В-третьих, процессы «культурного трансфера» целесообразно рассматривать исходя из деятельности отдельных персон. (Пункт II.2.3.)

В-четвертых, когда речь идет о трансфере практик, особое внимание следует уделять прагматически успешным областям (сельскому хозяйству, промышленному производству и так далее).

В любом случае следует учитывать, что все указанные подходы будут пересекаться. Например, в предыдущем пункте культурный трансфер был рассмотрен в связи с садово-парковым искусством, однако те же процессы могут быть рассмотрены в связи с феноменом русской усадебной культуры, так как садоводство следует понимать как неотъемлемую органичную часть усадебного быта.

II.2.1. Трансфер идей в литературе эпохи Просвещения по материалам Тульской губернии.

Надо отметить, что взгляд с позиции истории идей на вопросы культуры опирается на принципы и подходы, предложенные американским историком и философом Артуром Лавджоем ещё в 30-е годы XX –го века²¹⁵. С некоторой долей упрощения речь идет о:

- выявлении бессознательных ментальных привычек, способа мышления или интеллектуальных предпочтений (то есть скорее подразумевающимися, чем обосновываемыми самими мыслителями);
- междисциплинарном подходе;

²¹⁵ Лавжой Артур. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с. [сайт]. [2001]. URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia2/lovejoy.htm>

- межнациональном уровне анализа;
- общекультурном уровне анализа (призванном описать интеллектуальный контекст эпохи)²¹⁶.

Таким образом, история идей предстает удобным контекстом для изучения традиций и тенденций интеллектуальных процессов, одним из которых, безусловно, является трансфер идей.

Как уже говорилось, трансфер идей, как правило, сопровождается трансфером текстов. Исследователи отмечают, что до 1796 г. трансфер текстов из-за границы, как правило, не подпадал под контроль центральных учреждений цензуры; в русских переводах преобладали официальные публикации, изданные по инициативе и по поручению государственных мест. Лишь в 1783 г. была разрешена свободная частная пресса, а реальный спрос на литературу значительно отставал от финансовых ожиданий этой отрасли (особенно в провинции). Вплоть до конца XVIII века (а в провинции до середины XIX –го века) без субвенций со стороны церкви, государства и частных лиц общественный интерес был не в состоянии обеспечить существование свободного самокупаемого книжного рынка. С другой стороны, рукописная традиция в России дольше, чем на Западе, играла заметную роль. То есть трансфер текстов из-за границы в XVIII веке шел небольшими «дозами» и был возможен благодаря усилиям наиболее образованной части населения (выражаясь словами О.Е. Глаголевой, «литература XVIII –го века была «монополизирована» дворянством»), что вполне закономерно.

Некоторую информацию о механизме трансфера в этой области содержит выдержка из переписки Н.М. Карамзина и Шарля

²¹⁶ Лавджой Артур. Указ. соч. С 11-17. [сайт]. [2001]. URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia2/lovejoy.htm>

Бонне(та)²¹⁷: «Vous maniez notre langue comme un François qui l'a cultivée, et je ne puis trop me féliciter d'avoir rencontré un Traducteur aussi capable que vous l'êtes de rendre bien son original. Vous ne rendrez sûrement pas moins bien la «Palingénésie» que la «Contemplation», et ces deux ouvrages vous devront un honneur auquel l'Auteur sera extrêmement sensible, celui d'être connu d'une Nation que votre patriotisme désire d'éclairer, et qui est très susceptible d'instruction.

J'ai, Monsieur, un plaisir à vous demander; ce seroit d'accepter pour lundi prochain, 25 du courant, un petit dîner philosophique dans ma retraite champêtre. Si ce jour peut vous convenir, je vous attendrois sur le midi, et nous nous entretiendrions ensemble d'un travail dont je vous suis si redevable. Veuillez me donner un mot de réponse.

Je suis charmé d'apprendre que vous ayez à Moscow un Ami inspiré par les mêmes vues qui vous animent, et la satisfaction qu'il goûte à me lire et à me méditer, m'en donne beaucoup à moi-même»²¹⁸.

Н.М. Карамзин объясняет суть потребности в трансфере иностранных текстов, которая заключается, в том числе, и в обновлении языка, за счет появления новых понятий; обновлении

²¹⁷ Шарль Бонне (фр. *Bonnet, Charles*) (1720 — 1793 гг.), швейцарский натуралист и философ.

²¹⁸ С величайшим вниманием читал я снова Ваше «Созерцание природы» и могу сказать без тщеславия, что надеюсь перевести его с довольною точностью; надеюсь, что не совсем ослаблю слог Ваш. Но для того чтобы сохранить всю свежесть красок, находящихся в подлиннике, мне надлежало бы иметь Боннетов дух. Сверх того, язык наш хотя и богат, однако ж не так обработан, как другие, и по сие время еще весьма немногие философические и физические книги переведены на русский. Надобно будет составлять или выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем; но отдавая всю справедливость сему последнему, которого богатство и сила мне известны, скажу, что наш язык сам по себе гораздо приятнее. Перевод мой может быть полезен — и сия мысль послужит мне ободрением к преодолению всех трудностей.

Вы пишете так ясно, что на сей раз я должен только благодарить Вас за данное мне позволение требовать у Вас изъяснения в таком случае, если бы что-нибудь показалось для меня непонятным в «Созерцании». Может быть, трудно будет мне выражать ясно на русском языке то, что на французском весьма понятно для всякого, кто хотя немного знает сей язык.

Я намерен переводить и Вашу «Палингенезию». Один приятель мой, живущий в Москве, так же, как и я, любит читать Ваши сочинения и будет моим сотрудником; может быть, в самую сию минуту, когда имею честь писать к Вам, он переводит главу из «Созерцания» или «Палингенезии».

Предлагая публике перевод мой, скажу: «Я видел его самого», и читатель позавидует мне в сердце своем. Цит. по Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. С.305 – 306. [сайт]. [2010]. URL:

http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/voll/01prp/01.htm?start=0&length=all.

литературы за счет появления новых идей и образов. Н.М. Карамзин упоминает и характерную форму работы – коллективный перевод. Что наводит на мысли о формировании в процессе такого коллективного перевода негласного сообщества людей со сходными символическими моделями чувств и образом мысли в определенных ситуациях (склонность мыслить определенными категориями). Такая коллективная работа над переводом была явлением весьма распространенным в России XVIII –го века, достаточно вспомнить кружок единомышленников Н.И. Новикова и других просветителей. Если же говорить о провинции, то здесь сами условия (по словам А.Т. Болотова, среди его многочисленных соседей «не с кем и одного словца промолвить»), приобретение новых книг и знаний не покидая пределов губернии, было весьма затруднительным²¹⁹, в том числе и поэтому они передавались в узком кругу интересовавшихся лиц из рук в руки, переписывались и так далее, особенно это касается обзоров иностранной периодики²²⁰) располагали к образованию такового (или таковых). В таком случае возрастает интерес к рассмотрению личностных качеств, интересов и взглядов «трансферщиков», вокруг деятельности которых могло возникнуть подобное сообщество с общими европеизированными формами чувственности и образа мысли, так как они задают тон и направление изучаемому явлению. Исследование же менее выдающихся представителей литературной деятельности в таком ключе представляется ещё более целесообразным (так как она более типична для рассматриваемой эпохи и территории).

²¹⁹ Анализируя развитие книгопечатания и книготорговли в Тульской губернии интересующего нас периода, О.Е. Глаголева приходит к выводу, что «издательская деятельность не получила должного развития в Тульской губернии» (с 15), а книжная торговля, хотя и была «постоянной», тем не менее «успешной» её назвать нельзя (с 27).

²²⁰ Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. С 76, 84.

Вопрос возможности существования подобного воображаемого (неформального) сообщества просвещенных европейцев в Тульской губернии видится дискуссионным. Полагаем, проведение тщательнейшего комплексного исследования развития общественной мысли в Тульской губернии, вероятно, решит данный вопрос. Тем более, что этому имеются существенные предпосылки (деятельность проекта «Культура и быт русского провинциального дворянства»).

Не стоит забывать, что некоторые жители Тульской губернии имели отношение к столичным организациям (например, белевский помещик В.А. Левшин был активным членом «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» под руководством Н.И. Новикова). Вероятно, тема трансфера определенных идей и литературных практик может быть раскрыта и в этой связи – обозначим направление как перспективное.

На основании анализа литературной деятельностью В.А. Левшина можно рассматривать рецепцию идей великих мыслителей эпохи Просвещения – Вольтера и Ж.-Ж. Руссо (в большей мере), в сознании провинциального дворянина.

Говоря о воздействии тех или иных идей, необходимо отметить, что идеи часто первоначально воспринимаются поверхностно, в рамках некоторой интеллектуальной моды. Воспринимающие не обращают внимания на противоречия внутри идейного комплекса и между идеями различных, зачастую противоположных мыслителей. Прежде всего, воспринимаются идеи наиболее радикальные, наиболее расходящиеся с традиционными представлениями и ценностями. Интеллектуальная мода тесно связана с восприятием идей в массовом сознании (наиболее важном для исследования резервуаре). Исследователи отмечают, что для интеллектуальной моды и массового сознания России XVIII –го века характерен последовательный процесс, связанный сначала с

нигилистическим отторжением прошлых ценностей, а затем – с более органичным восприятием концепций Просвещения, не опровергающих прямо традиций прошлого, а встраивающихся в них и их трансформирующих. Все вышеописанное легко обозримо в сравнении восприятия и рецепции идей Вольтера и Ж.-Ж. Руссо.

Знакомству русского читателя с произведениями Ж.-Ж. Руссо предшествовало увлечение Вольтером и даже крайностями вольтерьянства. Вольтер, исходя из вышесказанного, - символ отрицания существующей аксиологической системы, прежде всего религиозных ценностей, а, следовательно, и опирающихся на них моральных императивов. В области религии Вольтер выступает как символ вольнодумства и даже атеизма. В нравственной области вольтеровская мораль сближается с нравственными построениями «разумного эгоизма» французских материалистов, причем зачастую принцип «разумного эгоизма» вульгаризируется, в духе подчинения всего в мире игре эгоистических интересов. Мир представляется бессмыслицей, лишенной цели, человеческое общество построено на столкновении эгоизмов²²¹.

В массовом общественном сознании такое вольтерьянство зачастую имело весьма опосредованное отношение к Вольтеру. Рассуждая о пристрастии к Вольтеру и опираясь в этих размышлениях на мемуары А.Т. Болотова, Н.Д. Чечулин делает очень интересный вывод о том, что «это (*замкнутость и отторжение*) и есть психологически естественное следствие сильного подчинения чуждому

²²¹ Овчинникова Е.А., Златопольская А.А. Руссо и Вольтер в контексте религиозно-нравственных исканий русских мыслителей XVIII — начала XIX вв. [сайт]. [2001]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/ovchinn/secular_41.html

увлечению, для которого окружающая жизнь не представляла необходимой «почвы»²²².

Однако настроение тотального цинизма и скептицизма не было продолжительным. И бывшие вольнодумцы возвращались к традиционным религиозным и моральным ценностям. Однако происходит и более сложный процесс — более глубокое восприятие идей французского Просвещения во всей их противоречивости. И здесь значительную роль играет восприятие идей Руссо²²³.

Теперь отметим, что «руссоизм» представлял собой сложную и противоречивую систему, исходной точкой которой была критика Просвещения, хотя и не такая явная как у Вольтера. По мнению Ю.М. Лотмана²²⁴ определенному идейному комплексу, сформулированному Ж.-Ж. Руссо в России, как и Западной Европе, предшествовали так называемые «предруссоистские» идеи, связанные с возрожденным культом «человека природы», Аркадии и «Золотого века». Поэтому «зачастую трудно отличить воздействие этих общекультурных идей от восприятия собственно идей Ж.-Ж. Руссо («жениевского гражданина»)²²⁵.

Не стоит забывать, что влияние тех или иных идей может быть прямым (через произведения автора идеи) и косвенным (или трансформированным - через произведения других мыслителей). В первом случае можно говорить о восприятии и рецепции идеи крайне узким кругом лиц (не имеющим языкового, финансового и образовательного и любого другого барьера); тогда продуктом

²²² Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. С. 78

²²³ Овчинникова Е.А., Златопольская А.А. Указ. соч. [сайт]. [2001]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/ovchinn/secular_41.html

²²⁴ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII - начала XIX века // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969

²²⁵ Златопольская А.А., Овчинникова Е.А. Философско-религиозные идеи Жан-Жака Руссо и антропологическая мысль России XVIII – начала XIX века в контексте Французского Просвещения / История идей как методология гуманитарных исследований. Ч. 1: материалы международной конференции. СПб: Центр Истории Идей, 2001. С 247.

рецепции следует считать их собственное творчество в свете воспринятой идеи и адаптированное к новой культурной «почве»; это уже трансформированное влияние, распространяемое вследствие успешного трансфера. Логично, что при изучении в таком ключе случаев полноценного трансфера, следует не в последнюю очередь учитывать идеологические ориентации «трансферщика».

Перейдем непосредственно к литературному наследию В.А. Левшина: рассмотрим его на предмет наличия идей французских просветителей, а так же определим глубину рецепции данных идей.

В 1784-м году журнал «Собеседник любителей русского слова» публикует утопию «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» Василия Алексеевича Левшина. Это произведение не вызвало у современников особенного интереса, хотя и содержало довольно любопытны для своего времени идеи:

«О небо! не сплю ли я? — вопиет Нарсим, обращая стремительно на все стороны взоры. — Луна населена!.. Вот города... деревни!.. Ах! Я вижу и самых тварей... Боже мой! здесь такие же человеки!.. Они имеют свои нужды: вот пахарь, чредящий свою землю... Се пастухи с стадами!.. Кажется, что золотой век здесь господствует — по сих пор еще не вижу я монахов и ратников... Тут-то истинный престол весны, тут-то истинный род жизни... Завидное состояние! Кажется, одни радостные звуки свирелей провождаются к ушам моим... Сей город преогромный, удивительное художество сооружало здания. Но что ж такое! Я не вижу нигде молитвенных храмов: конечно, нет здесь правоверных?..»²²⁶

В.А. Левшин, безусловно, признавал ценности просвещения. Причем, в приведенном фрагменте отчетливо слышится влияние

²²⁶ Левшин В.А. Новейшее путешествие, написанное в городе Белеве / Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века». М.,1977. С. 217.

«руссоистского» взгляда на проблему мирового порядка, мировой гармонии, по которому существует предустановленная гармония – «в божественном мире все благо, а зло является делом рук людей»²²⁷. Воспринял В.А. Левшин и идею «доброй» природы человека:

«Закон естественный довольно тверд, когда исповедывает оный совесть каждого; оный начертан незагладимыми буквами в душах наших. И зачем писать то, что каждый по чувствам своим разумеет без истолкования?»²²⁸

Важно, что В.А. Левшин обращается к религиозным взглядам Ж.-Ж. Руссо (к мысли из «Исповедания веры савойского викария», о том что всемогущество Божие неразрывно с благостью²²⁹):

«Друг мой! — отвечал старик. — Во всей Луне нет государей; сии мои дети, чада сынов моих, внуков и правнуков; а все здание составляет один дом моего семейства». — «Кто же управляет вашими государствами?» — «Такие же старики, как я; и право родителя дает каждому право власти над своими чадами. И кто же бы лучше мог стараться о пользе их? У нас нет, как я уже сказывал, государей: вся Луна разделена на селения, в коих начальствующий есть отец жителей»²³⁰.

Тем более характерно, что в этом же произведении читаются трансформированные идеи Вольтера (его критика религии откровения)....:

«Сначала все приклонили уши внимать согласным звукам моего голоса, но вдруг духовный схватил себя за волосы и закричал, что мечеть осквернена пением неверного. Окружили меня, спрашивали, что я за

²²⁷ Артемьева Т.В. «...Область дай уму» // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века. С. 50—59

²²⁸ Левшин В.А. Новейшее путешествие, написанное в городе Белеве / Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века». М.,1977. С. 221.

²²⁹ Златопольская А.А., Овчинникова Е.А. Философско-религиозные идеи Жан-Жака Руссо и антропологическая мысль России XVIII – начала XIX века в контексте Французского Просвещения / История идей как методология гуманитарных исследований. Ч. 1: материалы международной конференции. Спб: Центр Истории Идей, 2001. С. 255.

²³⁰ Левшин В.А. Новейшее путешествие, написанное в городе Белеве / Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века». М.,1977. С 221.

человек и какого закона. «Какого закона? — сказал я, — ...никакого». — «Но ты простирал руки на небо, сие значит призывать Бога», — говорили они во сто голосов. «Разве запрещено у вас призывать Бога?» — «Нет. Но Бога нельзя призывать, не призывая Магомета. Ну, неверный, исповедуешь ли ты его, говори решительно, или...» — «Государи мои, — подхватил я, — вы не можете от меня требовать, чтоб я знал его, я житель Луны вашей, и у нас не слыхано об нем никогда». — «Никогда, мерзавец? — вскричал духовный. — Сама Луна поклоняется великому пророку, я уличу твою ложь текстом из Алкорана... Но довольно, из Луны ли ты, или из ада, ты должен веровать в Магомета!..» Сказал сие и меня проводили в тюрьму»²³¹.

...да и собственно сюжет «Путешествия» может быть рецепцией «Микромегаса» Вольтера (эта версия, она требует проверки и уточнения).

Позднее, в 1788 году в «Письме, содержащем некоторые рассуждения о поэме Вольтера на разрушение Лиссабона...» Василий Алексеевич формулирует свою точку зрения, трансформируя исключительно идеи Ж.-Ж. Руссо.

Как видно, XVIII век Просвещения породил в России не радикалов – революционеров, а либералов и просветителей (таких, как В.А. Левшин), понимавших несовершенство мира и стремившихся его исправить с помощью разума и просвещения, поэтому столь остро стоящие в веке XIX –м проблемы крепостного права и дальнейшего развития России в связи с ним только начинали обнажаться²³².

В контексте ВКР не раз было затронуто одно заметное направление в литературе XVIII-го века – сентиментализм. Лучшими

²³¹ Левшин В.А. Новейшее путешествие, написанное в городе Белеве / Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века». М.,1977. С 22

²³² Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: «Ритм». 1993. С 81.

образцами сентиментальной литературы были признаны «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л.Стерна, «Векфилдский священник» О. Голдсмита, «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо, «Страдания юного Вертера» И. Гете.

Природа выступает в их произведениях не только как объект созерцания и любования, но и как высшее мерило всех ценностей, в том числе и самого человека.

Первостепенное место в представлениях сентименталистов занимают чувства, или, как говорили в России в XVIII в., чувствительность. От этого слова (по-французски *sentiment*) получило название и само литературное направление. В отличие от классицизма, философской основой которого был рационализм, сентиментализм опирался на сенсуалистическую философию английского ученого Дж. Локка, объявившего отправной точкой познания — ощущения. Чувствительность понимается сентименталистами не только как орудие познания, но и как область эмоций, переживаний, как способность отзываться на радости и страдания других людей, то есть как основа общественной солидарности. В Словаре Академии Российской, выпущенном в конце XVIII в., слово «чувствительность» определялось как «качество трогаящегося человека несчастьями другого».²³³

Как уже было отмечено, положительным идеалом человека для В.А. Левшина является земледелец, знакомый с просвещением, сельский житель. Подобное представление говорит о позиционировании нравственного равенства крестьянина с представителями других сословий. Наиболее ярко эта идея проявилась в произведениях русского сентиментализма, к которым следует отнести и написанные В.А. Левшиным (в 1779 году) «Утренники

²³³ Словарь Академии Российской. Спб., 1794. Ч. VI. С.839.

влюбленного». Так же как и в отношении трансфера идей Ж.-Ж. Русо и Вольтера, здесь достаточно сложно говорить о конкретных направлениях и механизмах, можно лишь констатировать факт наличия той или иной идеи в конечном продукте рецепции – литературном произведении В.А. Левшина. Поэтому отметим все три факта, как перспективные для дальнейшего изучения и формулирования выводов.

Иногда в связи с сентиментализмом рассматривают литературную деятельность А.Т. Болотова, ссылаясь на «лирически-взволнованную» манеру повествования, создаваемую «эмоциональными эпитетами, характерными для поэтики сентиментализма»²³⁴. В текстах А.Т. Болотова их действительно огромное количество восторженных фраз и выражений, обращенных в сторону природы: «О натура! Какое благодеяние между прочими бесчисленными оказала, показываешь ты и брюмом сим всем чувствительным душам», «О, мальвы! О, пышные и великолепные цветы! Как описать мне красоту вашу? Как изобразить, сколь много пленяете вы наши чувства и украшаете собою сады наши?», «О милые и любезные цветы!», «О милая и нежная невинность! О утро и весна скоротечных дней наших! О возраст наиблаженнейший в жизни человеков!», «Какой вечер! и какая ночь для нежного и чувствительного семейства, привыкнувшего жить в неге и покое и не видавшего никогда нужды и несчастья такого!», «Всех и всех приветствую я вас, места милые и любезные мне, и всех благословляю вновь при нынешнем возвращении своем к вам», «О милая и драгоценная деревенская жизнь!», «О Натура! Колико устрашительна в сии минуты. О туча! Когда б прошла и ты у нас с миром и не причинила нам никакого бедствия. Ах!.. перо выпадает из

²³⁴Болотов Андрей Тимофеевич. Избранное. Псков: ПОИПКРО, 1993.

рук!.. Страшная молния ослепляет зрение и останавливает все мысли... все чувства замирают» и так далее.

Целесообразно предложить взгляд на данную проблему с позиций культурного трансфера.

Широко известен факт, что находясь в Кенигсберге, А.Т. Болотов увлекся трудами немецких эстетиков Готшеда, Гофмана, Крузия, Зульцера. Книга Иоганна Георга Зульцера «Разговор о красоте естества» особенно сильно повлияла на дальнейшую жизненную философию А.Т. Болотова, о чем он не раз упоминает. В ней он увидел, что можно не только любить природу, он и писать о ней, прославлять ее красоту и ее Творца. Самое важное, что в книге природа выступает как предмет, достойный наблюдения и описания, поэтического изображения.

Настольными книгами Болотова являлись немецкие «экономические лексиконы» и энциклопедии: Цинка, Крюнитца, Хюбнера, Яблонского, Гермесгаузена...²³⁵

Были в его собрании и книги по естествознанию (подробнее - см. О.Е. Глаголева. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. 153 с.). Отметим, что были среди них и такие, в которых многие вопросы, в том числе, касающиеся происхождения Земли, человека трактовались с философско – богословских позиций (Х.Вольф, И.Г. Готшед, теолог и философ идеалист Х. А. Крузиус)²³⁶.

Болотов читал и французских мыслителей. Много в его собрании было легких романов. Но он с опаской относился к всеобщему увлечению в широких кругах русской общественности Вольтером,

²³⁵Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. С. 70.

²³⁶ Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. С.74

негативно оценивал реалии французской революции, Ж.-Ж. Руссо, похоже, не воспринимал в серьез, так как позволял себе следующую оценку его творчества: «украшение увесилительных библиотек».

Опираясь на исследование О.Е. Глаголевой, а так же на мемуары А.Т. Болотова, можно заключить, что Андрей Тимофеевич не принадлежал направлению сентименталистов: он не увлекался подобной литературой (соответственно, не мог воспринять подобных идей), а воспевание родной природы – следствие трансфера идей немецких эстетиков.

Рассмотрим с этой точки зрения «Письма о красотах природы» и «Живописатель природы» - произведения А.Т. Болотова, в которых можно видятся проявления «поэтики сентиментализма».

Одухотворяя природу, А.Т. Болотов психологизирует пейзаж, и в этой обобщенной картине стерта граница природы и человеческого быта:

«Тамо вижу и поля, усеянные множеством поселян, занимающихся: уборкой хлебов своих и собирающих в гумны свои дары, сниспосланные им от небес в лето сие. Все члены семейств их от мала до велика с охотою берут участие в сем; труде всеобщем, и все трудятся без стенания, но охотно и с удовольствием еще: иные посекают класы серпами и косами острыми, другие снашивают снопы, связанные из них, и складывают в кучи, иные взвивают их на повозки и везут в жилищи свои. Далее другие рассевают уже новые семена или готовят их для вверения вновь недрам земли, обработанной ими...»²³⁷

Крестьяне, нередко присутствующие в таких картинах, всего лишь часть фона, они не одушевляются, практически не наделяются речью (это явное несоответствие идеям русского сентиментализма, в то же время вполне вписывается в философию немецких эстетиков). Более

²³⁷ Болотов А.Т. Живописатель природы или опыты сочинениям, относящимся до красоты природы и увеселения себя оными. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0070.shtml

того, людей, не восхваляющих и не созерцающих природу должным образом А.Т. Болотов считает «грубыми невеждами». И, прежде всего, - представителей низших сословий:

«Любитель природы на зелень сию смотрит далеко не с такими глазами, как простолюдин и такой человек, который о искусстве увеселяться природою никакого понятия не имеет. Он, смотря на оную, во-первых, сравнивает умственно цвет ее со всеми известными ему разными другими колерами и утешается особливостью ее – зелени»²³⁸.

Таким образом, А.Т. Болотов трансформировал идеи немецких эстетиков, органично вписав их в крепостную «почву» русской провинции. И хотя с его страниц встает образ человека, обладающего многими качествами, ценимыми русскими сентименталистами (он бежал от политической борьбы, жил в тесном общении с природой, любил ее и наслаждался ее красотой, стремился уловить движение в природе и оттенки чувства, вызванные ее изменением...), его нельзя назвать сентименталистом (как и просветителем) в полной мере.

Так, основывая свое исследование на «Записках» А.Т. Болотова, Н.Д. Чечулин пишет: «Достаточно уже известно, что западноевропейское влияние, учение энциклопедистов скорее поддерживало, чем ослабляло крепостное право...»²³⁹.

О.Е.Глаголева в свою очередь находит основной чертой А.Т.Болотова – литератора «стремление просветить прежде всего дворянское сословие, перенести на русскую «почву» лучшие достижения науки и литературы европейских стран»²⁴⁰.

²³⁸ Болотов А.Т. Письма о красотах природы. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0060.shtml

²³⁹ Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. С. 101

²⁴⁰ Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993.С. 85

Изучая трансфер идей в литературе эпохи Просвещения в общенациональном резервуаре, следует помнить о журналах. «Для характеристики умственных интересов и нравственных идеалов своего времени они представляют наиболее важный и совершенно достоверный материал...»²⁴¹. С точки зрения трансфера идей, журналы представляют интерес, как способ трансляции, соответственно, изучение вопросов их «читаемости» косвенно освещает проблемы адаптации. Эту мысль следует пояснить.

Наиболее распространенным в эпоху Просвещения типом журнала был «энциклопедический», «поучительно-развлекательный», предназначенный для чтения в широкой публике, и предлагавшему читателю самые разнообразные по тематике материалы. Эклектичность и неоригинальность – главные претензии, предъявленные некогда исследователями периодики к журналам эпохи Просвещения, много лет оставались исчерпывающе дефинирующими это явление признаками, характеристиками незрелой еще журналистики, а заодно с ней и литературы (особенно русской)²⁴².

История такой публицистики дает нам возможность увидеть эпоху Просвещения не в квинтэссенции ее эстетических, философских и иных смыслов, спроецированных собранием лучших текстов, а в ее общественном модусе, в ее культурной практике тиражирования идей и знаний, то есть во многом так, какой она видела себя самое²⁴³.

Подход к изучению периодики эпохи Просвещения постепенно меняется. Об этом свидетельствует появившийся целый ряд работ по истории региональной прессы и прессы в регионах, в которых

²⁴¹ Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. С.96

²⁴² Койтен А. Просвещение как глобализация. [сайт]. [2001]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/72/kok7.html>

²⁴³ Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М., 1952.

просветительские журналы наряду с другими видами периодики рассматриваются с точки зрения их посреднической функции, как средство распространения в публике идей, понятий, знаний и моральных основ Просвещения, а также как инструмент объединения читателей внутри этого просвещенного (просвещаемого) пространства. Собственно художественная или эвристическая ценность журнальных публикаций и, соответственно, «оригинальность» журнала в целом перестает играть при этом главенствующую роль, журнал дефинируется не как смыслопорождающий культурный механизм, а как смыслотрансферирующий, как носитель, средство Просвещения²⁴⁴.

В этом случае издатель (и автор) просветительского журнала – переводчик «ученых материй» на доступный широкому читателю язык, посредник идей, представляющий публике на страницах своего издания духовный и интеллектуальный портрет эпохи, собиратель всего полезного и важного с целью улучшения и просвещения человека. Идеи, предлагаемые читателю в просветительском журнале, всегда исходят «из вторых рук», так как они предварительно проходят рецепцию в сознании издателя или автора журнала.

Набор журнальных материалов был приблизительно таким: переводы из античных авторов и иностранных писателей, выдержки из книг, поэзия, статистические данные, описания физических опытов и достижений медицины – все, что по мнению издателя могло способствовать распространению полезных в обществе идей и знаний, находило место в просветительском журнале²⁴⁵. Отсюда исследователи выводят известный принцип составления журнала того времени – сочетание пользы и развлечения при максимальном разнообразии

²⁴⁴ Койтен А. Просвещение как глобализация. [сайт]. [2001]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/72/kok7.html>

²⁴⁵ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 45.

предлагаемых читателю материй, с тем чтобы каждый мог выбрать себе чтение по интересам. Впрочем, польза состояла в приобретении не только необходимых просвещенному человеку познаний, но также и важных моральных принципов «современника своей эпохи», – журнал активно вмешивался в образ жизни читателя, предъявлял к нему ряд требований²⁴⁶.

Разумеется, описанная программа была реализована в разных изданиях по-разному (это зависело от множества обстоятельств), поэтому осмысление общей картины и особенностей периодики Просвещения видится возможным через анализ вопросов, связанных с отдельными изданиями. А это предполагает подробное изучение значительного массива текстов.

Стоит отметить, что если с описанной выше точки зрения взглянуть, например, на карамзинский «Московский журнал» и тем более на «Вестник Европы», то станет понятным, как эти издания, содержавшие множество подобранных по определенному плану переводных статей и рецензий, могли оказать такое мощное воздействие на читательскую публику и так явно определить пути развития русской литературы²⁴⁷.

Поэтому следует считать перспективными для изучения репертуар и особенности чтения журнальной периодики (центральной и местной) в Тульской губернии указанного периода. Изучение данного направления по материалам Тульской губернии целесообразно осуществлять, учитывая методические и фактические наработки, предложенные О.Е. Глаголевой²⁴⁸. Особенно любопытны её

²⁴⁶ Койтен А. Просвещение как глобализация. [сайт]. [2001]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/72/kok7.html>

²⁴⁷ Койтен А. Просвещение как глобализация. [сайт]. [2001]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/72/kok7.html>

²⁴⁸ Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. 153 с.

наблюдения относительно «книжных» интересов купеческого сословия: наличие приличных книжных собраний (И.Ф. Маслов) и интереса к периодическим изданиям, в частности «Московским ведомостям» Н.И. Новикова²⁴⁹. Небезынтересными в этом отношении представляются журналы «Сельский житель» (1778-79) и «Экономический магазин» (1780-89), издаваемые А.Т. Болотовым.

Нет сомнения, что внимания в данном ключе заслуживают не только явные тенденции, но и исключительные факты, для обнаружения которых требуется нечто большее, чем контент-анализ – требуется применение комплекса аналитических методов, направленных непосредственно на анализ текста. Ведь адекватное прочтение текстов во многом способно углубить наши представления о культурной (литературной) практике эпохи Просвещения.

Тогда как потенциальный объект изучения перед исследователем предстают литературные практики. Например, применение физиогномики²⁵⁰ или авторских посвящений²⁵¹ и так далее.

Итак, трансфер идей, как тенденция интеллектуальных процессов, предстает органичной составляющей истории идей. Соответственно, последняя - удобный контекст для его изучения.

Трансфер идей, как правило, сопровождается трансфером текстов.

Российская империя в XVIII веке имела потребность в трансфере иностранных текстов, которая заключается, в том числе, и в

²⁴⁹ Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. С. 62.

²⁵⁰ Система знаний, которая позволяет определить тип (или описать, когда речь идет о литературной практике) личности человека и его душевные качества (как прирожденные, так и приобретённые) исходя из анализа характерных особенностей лица и выражения.

²⁵¹ Использовал в своей литературной практике В.А. Левшин. См. приложение 1.

обновлении языка, за счет появления новых понятий; обновлении общественной мысли за счет появления новых идей и образов.

Коллективная работа над текстом (перевод, чтение, обсуждение и так далее) – была весьма распространенным явлением в России XVIII –го века. Этот процесс приводил к формированию у людей схожих образов мысли и чувства. Культурно-исторический контекст русской провинции (Тульской губернии) рассматриваемого периода создавал дополнительные условия, для формирования таких сообществ в наиболее образованных кругах. Полагаем, это крайне важное направление дискурса.

Тема трансфера определенных идей и литературных практик может быть раскрыта и в связи с участием некоторых жителей провинции (например, для Тульской губернии - В.А. Левшина) в крупных столичных организациях. В контексте данной работы, это целесообразно, когда речь идет о распространении идей французских просветителей и сентиментализма. Однако на данном уровне обработки материала достаточно сложно говорить о конкретных направлениях и механизмах трансфера, можно лишь констатировать факт наличия той или иной идеи в конечном продукте рецепции – литературном произведении В.А. Левшина. Поэтому отметим факты, как перспективные для дальнейшего изучения и формулирования выводов. В качестве методологической рекомендации отметим перспективность использования контент-анализа идейного содержания переводческой деятельности В.А. Левшина в сопоставлении с идейным наполнением его собственных работ.

Ошибочно искать идеи сентиментализма в творчестве А.Т. Болотова, несмотря на их внешнюю видимость. В своей литературной деятельности А.Т. Болотов трансформировал идеи немецких эстетиков (прежде всего И.Г. Зульцера). Об этом свидетельствуют и его

«книжные» интересы и фразы источника, воспевающие природу и игнорирующие социальные проблемы русской действительности (что противоречит идеям сентиментализма, но вполне вписывается в классическую немецкую эстетику). Таким образом, А.Т. Болотов и не являлся просветителем, хотя активно занимался просветительской деятельностью (это обстоятельство отмечает и О.Е. Глаголева в своих работах), таким образом, трансферу европейских просветительских идей в его случае не мешало существование крепостного права.

При изучении трансфера идей в массовом резервуаре особого внимания заслуживают журналы. Они предстают как «смыслотрансферирующий» механизм, носитель и средство Просвещения.

Весьма перспективным материалом для исследования трансфера идей в Тульской губернии являются сюжеты, связанные с журнальной периодикой. Здесь целесообразно произвести не только контент-анализ, но серьезный анализ текста, так как в этом случае в поле зрения исследователя попадут не только идеи, но и литературные практики.

*«Здесьняя жизнь моя довольно единообразна.
Прогуливаюсь и читаю французских авторов,
и старых и новых, чтобы иметь полное понятие
о французской литературе;
бываю на женеvских вечеринках и в опере.
Строгий, любезный Руссо!
Соотечественники твои не послушались тебя,
построили театр и любят его страстно!»
Н.М. Карамзин
«Письма русского путешественника»*

II.2.2. Трансфер идей и практик на почве Тульской губернии: взгляд через призму театра (масонства).

Развивая мысль о возможностях изучения «культурного трансфера» в связи с определенным феноменом культуры предложим следующие соображения (в отношении театра и масонства).

О.Е. Глаголева отмечает, что слово театр было почти неизвестно в русской провинции в XVIII столетии. «В России не было многовековой традиции театральных представлений, как в Европе, которая восприняла театр в наследство от Древней Греции. Была, правда, традиция скоморошества, народных игрищ во время ярмарок...»²⁵²

Достоверно известно, что первый театр появился в России в царствование Алексея Михайловича, что он был придворный и просуществовал совсем недолго.

По-новому театр стал воспринимать во времена Петра I, когда по его распоряжению в Москве был организован публичный театр для всех желающих. С помощью театра Петр стремился объяснить смысл преобразований, восхвалять деяния царя, прославлять знаменательные

²⁵² Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 117.

события в жизни России. Проникновение театра в русскую провинцию обычно относят ко второй половине XVIII –го века²⁵³.

Вообще, провинциальный театр часто рассматривают в связи феноменом русской усадьбы. Например, такой конструкт повествования использует О.Н. Купцова: «театр – важная и значимая часть развлекательной усадебной культуры»²⁵⁴.

Далее Ольга Николаевна пишет, что увлечение любительским театром, повсеместное в Европе последней трети XVIII века, захватило и Россию, где оно приняло специфические формы. Наряду с профессиональными труппами процветало «благородное любительство»: придворные («благородные любители»), разъезжаясь по своим поместьям, привозили театральную моду в самые глухие уголки помещицкой России. По аналогии с маленькими театрами на дачах в предместьях Парижа и во французских замках русские дворяне стали устраивать домашние спектакли на своих дачах и в своих усадьбах²⁵⁵.

Широко известен факт, что тульский театр был открыт в 1777 году (этот момент запечатлен и в мемуарах А.Т. Болотова), он быстро стал центром культурной жизни города и губернии. Последнее утверждение обосновано многочисленными воспоминаниями современников. Репертуар тульского театра в конце XVIII –го века был интересен и обширен. В театральной библиотеке насчитывалось до 120 различных печатных и рукописных трагедий, комедий, опер²⁵⁶. Среди них пьесы А. Сумарокова и Я. Княжнина, опера А. Николаева «Розан и

²⁵³ Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 117.

²⁵⁴ Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. С. 236.

²⁵⁵ Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. С. 252-253.

²⁵⁶ По подсчетам О.Е. Глаголевой

Любима» и его же трагедия «Сорена и Замир» в духе Вольтера, пьесы Ж.-Б. Мольера и В. Лёвшина.

Под управлением советника казенной палаты, писателя С.Н. Веницеева деятельность театра была направлена согласно взглядам и вкусам местного просвещенного дворянства. Позитивную роль в истории тульского театра сыграл Тульский наместник Е.П. Кашкин, по оценкам А.Т. Болотова, человек весьма образованный и умный²⁵⁷.

Самого Андрея Тимофеевича и его сына Павла, можно смело назвать большими любителями театра. Андрей Тимофеевич неоднократно описывает свои посещения театральных представлений не только в Туле, но и в Калуге, славившейся в те годы высоким уровнем организации театрального дела и превосходным художественным мастерством актеров. Заслуживает внимания и тот факт, что в ноябре 1779 года А.Т. Болотов открыл первый в России детский театр, просуществовавший в последствие около 2-х лет (возможно, А.Т. Болотов исходил из того, что европейская педагогика видела в театральных спектаклях хороший способ учить или практиковаться в иностранных языках, прежде всего, разумеется, во французском)²⁵⁸. Интересно, что театр А.Т. Болотова не был крепостным. Последние так же имели место на территории Тульской губернии (например, театр белевского помещика Щербатова В.И.)²⁵⁹

Как следует из вышесказанного, театр – был неотъемлемой, важной частью культурной жизни Тульской губернии, таким образом, постановка вопроса в заглавии пункта вполне правомерна. Однако далее хотелось бы перевести дискуссию в несколько иную плоскость:

²⁵⁷ Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 119.

²⁵⁸ Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. С. 269.

²⁵⁹ Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 128.

перейти от идеи театра к феномену театра, сакцентировав внимание на тех его слоях, которые особенно ярко трансформировали материал иностранного происхождения.

Один из таких слоев – драматургия (по аналогии с литературой, так как их следует рассматривать совместно). В своем знаменитом жизнеописании А.Т. Болотов уделяет внимание тому, как он стал драматургом. Озабоченный воспитанием детей, думая, каким полезным делом заполнить их досуг, он решил организовать детский театр. В «Записках» по этому поводу есть соответствующая запись о его дне рождения 7 октября 1779 года: «Вступление в сей Новый год моей жизни ознаменовалось особенным мероприятием и таким делом, которого у меня до того никогда на уме не было, а именно нечаянным восхотением смастерить у себя небольшой домашний театр, на котором бы все наши дети могли представлять кой-какие театральные пьесы»²⁶⁰.

Работа А.Т. Болотова над драматическими произведениями по времени совпала с его размышлениями о необходимости правдоподобия русской действительности в литературных произведениях. В «Мыслях и беспристрастных суждениях о романах» (1781) он пишет: «А хорошо, если б написал нам кто такой русский роман, в котором соблюдена была б наистрожайшим образом и натуральность и правдоподобие, в котором бы все соображалось с расейскими нравами, обстоятельствами и обыкновениями, но такого романа мы еще по сие время не имеем ни единого и остается только желать такового»²⁶¹. То есть драматургия А.Т. Болотова (как и других провинциальных авторов) требует изучения с точки зрения «трансфера». Потенциально интересными представляются

²⁶⁰ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870. Т.3. Стлб. 867.

²⁶¹ А.Т. Болотов. Литературное наследство. Т. 9-10. М., 1933. С. 217.

«Честохвал»²⁶² и «Несчастные сироты»²⁶³, а так же пьесы В.А. Левшина (его перу принадлежат 11 оригинальных и 19 переводных пьес, то есть этот материал следует считать крайне удобным для исследования).

В связи с театральной темой можно рассматривать и деятельность П.С. Батурина – писатель, просветителя и реорганизатора театрального дела в Калуге. Пафнутий Сергеевич был участником Семилетней (1756-1762) и Русско-турецкой (1768 – 1774) войн, содержал типографию. Сочувствовал взглядам Ж.-Ж. Руссо. Безусловно, П.С. Батурин яркая интересная личность, чья многогранная деятельность требует обстоятельного рассмотрения в связи с вопросами «культурного трансфера» на «почву» провинции.

По мнению О.Е. Глаголевой в связи с театральным вопросом заслуживает внимания и деятельность Д.Е. Кашкина – сына уже упомянутого нами Тульского наместника. Дмитрий Евгеньевич содержал театр в своем имении, а так же имел приличную библиотеку. Впечатляющим было его знание иностранной литературы: Вольтера, П. Корнеля, Ж.Б. Расина. А в 1794 году на тульской сцене был поставлен «Севильский цирюльник» П.О.К. де Бомарше в его переводе²⁶⁴.

В связи с развитие театра можно рассматривать и развитие музыкального искусства (в качестве основного источника по Тульской губернии целесообразно использовать книгу «История города Тулы мещанина Абрама Булыгина о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и работах»). О.Е. Глаголева обращает внимание на такое явление в культурной жизни Тульской губернии как организация самодеятельной артистической артели любителей искусства

²⁶² Болотов А.Т. Честохвал. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0040.shtml

²⁶³ Болотов А.Т. Несчастные сироты. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0050.shtml

²⁶⁴ Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 119.

«Гражданство»²⁶⁵. В нее входили представители низших социальных слоев (в основном оружейники). Само существование подобной организации свидетельствует о широком распространении музыкальной культуры среди населения (по крайней мере, города Тулы), если же говорить о репертуаре, то нельзя не отметить его богатое разнообразие. В контексте данного исследования не можем не отметить уникальный подход самого А. Булыгина к искусству: обогащение истинно народной музыкальной культуры за счет использования иностранных приемов и решений.

Для обозначения ещё одного перспективного для исследования направления (слоя) обратимся к работе О.Н. Купцовой.

О.Н. Купцова описывает ряд своеобразных театральных приемов: «живые картины», «провербы», «шарады в лицах», «китайские тени за флером», театрализация логогрифов, каламбуров, анаграмм, загадок, пословиц и так далее, которые разыгрывались на разных языках (преимущественно на французском и русском)²⁶⁶.

Полагаем, применение подобных театральных приемов (практик?) могло иметь место и в Тульской губернии, поэтому отметим данное направление, как заслуживающее научной разработки.

До этого момента трансфер «околотеатральных» идей и практик рассматривался преимущественно в связи с заметными по масштабам Тульской губернии личностями. Однако большую ценность несет информация о восприятии и рецепции тех же сюжетов не столь выдающимися представителями образованного сообщества.

Такую информацию несет одно из дел фонда мелких помещиков Тульской губернии Авдеевых – «Записки Авдеева о просмотренных

²⁶⁵ Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 120-122.

²⁶⁶ Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008. С. 255.

иностранных театральные представления и прочитанных книг на русском, французском и немецком языках»²⁶⁷.

Эта тетрадь, принадлежащая А.А. Авдееву (1781 – 1854 гг.), на тот момент (записи были сделаны не ранее 30 октября 1799 года) чиновнику 6-го департамента Сената и содержащая перечень театральные представлений просмотренных им в Каменном театре Петербурга*.

Записи А.А. Авдеева не отличаются особенной глубиной, осмыслением полученной информации. Как правило, это простое перечисление репертуара театра, фамилий актеров (французских), описание декораций. Исключение составляет очень краткое описание сюжета комедии А.И. Бухарского «Плата тою же монетою». Примечательно, что А.А. Авдеев ведет свои записи на трех языках: русском, немецком и французском.

Далее следует список, отражающий круг его чтения, который, к сожалению, сохранился не полностью. Тем не менее, анализируя документ О.Е. Глаголева обоснованно делает предположение, что именно увлечение театром повлияло на репертуар чтения этого молодого дворянина, приводит перечень этих книг, среди которого особенно отметим произведения Я.Княжнина, Г.Р. Державина, Л. Стерна, Ж.Ф. Мармонтеля, Ф. Шиллера, С. Геснера, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. де Монтескье, Н.М. Карамзина²⁶⁸.

Этот документ является своего рода свидетельством восприятия идей определенного (сентименталистского?) толка. Отметим этот момент, так как впоследствии придется к нему обратиться.

²⁶⁷ ГАУ ТО ф. 115, оп. 1, д. 7. См. приложение 2.

* Его ещё называют Большой театр Петербурга - первое постоянное в Санкт-Петербурге и одно из крупнейших в России XVIII века театральные зданий.

²⁶⁸ Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. С. 101.

Разнообразная театральная и музыкальная деятельность в Туле была прекращена в связи с всеобщим трауром по случаю смерти Екатерины II. Театр был закрыт более чем двадцать лет. Природу данного обстоятельства следует видеть в нежелании Павла I допускать распространения свободомыслия посредством публичных представлений, чтения запрещенных цензурой изданий (был запрещен даже ввоз иностранной литературы, музыки и так далее)²⁶⁹. Именно этим периодом следует ограничить круг рассматриваемых событий.

Ещё одним важным явлением в культурной жизни России второй половины XVIII — начала XIX веков было масонство - сложное и противоречивое религиозно-этическое движение, возникшее еще в Средние века в Европе. Нравственные, просвещенные идеи масонства привлекали в ложи значительную часть образованного дворянства, многих деятелей русской культуры. Были среди них и представители провинции.

Появление орденов (братств вольных каменщиков) в России связывают с именем Петра I, который намеревался таким образом укрепить связи с Англией. Первое время в братствах явно преобладали иностранцы, но затем лидирующие позиции перешли к россиянам. Так, к середине XVIII века членами масонских лож были многие люди знатного происхождения, имевшие вес в обществе. В царствование Екатерины II российское масонство переживало расцвет. Во многом его расцвету способствовала деятельность московской ложи. Но грянула Французская революция, которая, как полагали в России, была целиком на совести масонов, Екатерина испугалась. В 1792 году ложи были запрещены. Император Павел I симпатизировал многим масонским идеям, но колебался, не решаясь отменить екатерининский запрет. Будем считать эти события основными, для рассматриваемого периода.

²⁶⁹ Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. С. 123.

Многие исследователи считают, что масонство, возникшее в России, повлияло на всю ее рождающуюся новую культуру, и прежде всего на художественную литературу. Именно здесь в масонских философских и литературных сочинениях прозвучала принципиальная, обоснованная критика многих идей и ценностей XVIII века.

Трудность изучения феномена русского масонства заключается, во-первых, в его неоднородности (включало просветительские, революционные и реакционно-охранительные идеи); во-вторых, в его таинственности и мистицизме²⁷⁰.

Практическая сторона масонства - благотворительная и книгоиздательская деятельность, педагогика, организация университетов, пансионов, семинарий, ученых и литературных обществ, - то есть просвещение России. Приведем его самые общие, основополагающие идеи (в связи с которыми целесообразно рассматривать вопросы трансфера, так как именно они накладывали свой отпечаток на все стороны деятельности масона).

Масонство стало в некотором смысле последовательным возвратом ко всем тайным верованиям, традициям мировой эзотерики. Масонов интересовала древность. В их интерпретации мифологема о Золотом веке приобретает новое звучание. Золотой век оказывается не только позади, но и впереди, в послеисторическом будущем. Поэтому «водители» масонской толпы стремятся повести «братьев» в новый рай на земле, в Золотой век²⁷¹.

Масонская философия имела установившийся взгляд не только на природу и человека, но и на историю, на общество, в котором человек живет. С этой точки зрения оказывается, что самодержцы, верховные правители, жрецы, священники любой церкви - всего лишь узурпаторы,

²⁷⁰ Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. С. 129.

²⁷¹ Сахаров В.И. Концепция человека в философии русских масонов (по архивным материалам) // Дельфис. 1997. № 4.

которые преступно посягнули на общую для всех людей политическую и духовную свободу. Масоны всегда были убежденными противниками войн, деятельными сторонниками идеи вечного мира. Их псевдоинтернационализм основывался на необходимости объединения народов во всемирной империи, руководимой просвещенным, «конституционным» вождем-масоном²⁷².

Золотой век масонов это не только время, но и место. Он расположен на Востоке, а себя масоны называют путешественниками в страну Востока. Понятно, насколько богатые возможности представляет такая мифология для философической поэзии и прозы. Это эзотерическое учение разъясняет, помимо всего прочего, откуда и в каком направлении движется поток художественных идей, символов и образов, питающий масонскую поэзию и в особенности ее эсхатологическую тематику²⁷³.

Масонство было распространено и в тульской губернии. Известно, что масоном был близкий кружок Н.И. Новикова В.А. Левшин. Среди его переводов были масонские трактаты И.С. Галле²⁷⁴. Особого внимания в связи с трансфером масонских идей заслуживает литературная деятельность уже упомянутого П.С. Батурина, который предположительно является автором известного антимасонского трактата «Исследование книги о заблуждениях и истине». Надо полагать, трактат П.С. Батурина есть реакция на религиозно-мистическое произведение француза Л.К. де Сен-Симона, преследуемое в России. Полагаем, описанная проблема заслуживает более подробного изучения, поэтому будем считать её весьма перспективной.

²⁷² Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Спб., 1999. С. 106.

²⁷³ Сахаров В.И. Русская масонская поэзия XVIII века: к постановке проблемы // Русская литература. 1995. № 4. С.17-24.

²⁷⁴ См. приложение 3

При расширении хронологических рамок исследования, безусловно, любопытными для изучения представляется литературное наследие сына А.Т. Болотова - Павла и фонды помещика Андрея де Тейльса.

Вообще, материал для исследований масонства (в Тульской губернии в частности), в том числе архивный, огромен, нуждается во внимательном научном изучении. В принципе любой текст рассматриваемого периода может быть проанализирован на наличие масонских идей.

Например, в фонде мелкого чернского помещика А.Д. Сонины был обнаружен крайне любопытный документ²⁷⁵ под заголовком «Рукопись с фантастическими пожеланиями». Автор текста не указан; крайние даты так же отсутствуют (по почерку похоже на конец XVIII-го - начало XIX-го веков). В деле имеются два листа, есть пометка о пропуске двух же.

На обороте второго листа присутствуют две записки, похожие на незаконченную попытку создания произведения визуальной поэзии (акростиха). Сразу бросается в глаза тематика стихотворений, весьма удаленная от реалий жизни провинциального помещика:

Когда бы царь Константин	Константин царь славы(тишины)и мира
От рода грецкого Един	О сколь мощна его порфира
Назначен бы был судьбою	Н
С	С
Т	
А	
Н	
Т	
И	
Н	

²⁷⁵ ГАУ ТО Ф. 114 оп. 1 д. 21

Вероятно, автор задумывал нечто вроде панегирика (или загадки) о Константине Багрянородном.

Кроме этого, в документе содержится крайне интересный текст²⁷⁶.

Общий анализ всех частей документа наводит на мысли о возможной принадлежности автора недописанных стихов к одной из масонских лож, так как:

- автора явно интересует древность;
- налицо забота о простом народе, симпатия к земледелию;
- в положительных контекстах фигурирует восточное направление (Восточная Римская империя и Америка)
- в негативном свете представлены священнослужители и представители власти.

Однако для формулирования окончательного вывода о принадлежности или не принадлежности А.Д. Сонины к масонам этих данных не достаточно. Дополнительную информацию обнаружить не удалось.

Итак, изучение вопросов «культурного трансфера» целесообразно производить в связи с определенным феноменом культуры. Кроме уже упоминавшихся в данном ключе садово-паркового искусства и русской усадебной культуры, отметим театр и русское масонство как перспективные для изучения.

Кроме трансфера собственно идеи театра, интересными для изучения (в том числе и на материале Тульской губернии) представляются театральная драматургия и некоторые театральные практики («живые картины», «шарады» и так далее).

²⁷⁶ См. приложение 4.

Для Тульской губернии можно выделить ряд персон, чья деятельность может быть рассмотрена в связи с трансфером идей и практик в «околотеатральной» среде.

Масонство было крайне неоднородным и неоднозначным явлением, существенно повлиявшим на обновляющуюся в свете Просвещения русскую культуру. Прежде всего, - на художественную литературу.

Важными в этой связи представляются трансформированные философские воззрения русских масонов на мифологему о «Золотом веке» (золотой век предстает временем и местом, в котором не будет законов, власти, наций, границ и собственности, при этом сохраняется идея свободы человеческой воли).

Масонство было распространенным явлением и на территории Тульской губернии: давно определен круг лиц, достоверно имеющих отношение к ложе. Однако целесообразным представляется его дальнейшее расширение.

Потенциальным источником для изучения трансфера масонских и околomasонских идей представляется любой практически текст, относящийся к рассматриваемому периоду.

II.2.3. «Культурный трансфер» европейских идей и практик по материалам фонда новосильских помещиков Авдеевых.

Полагаем, именно такой подход (в связи с жизнью и деятельностью определенного «трансферщика») является наиболее удобным при изучении поставленных в работе вопросов.

Выявление потенциальных «трансферщиков» - исходный и ключевой момент данного подхода.

Как уже было отмечено, для Тульской губернии указанного периода информацию о перспективных персоналиях несут ряд изданий²⁷⁷ и «Наказы» дворянства, при этом особого внимания заслуживают лица, принимавшие участие в Семилетней войне.

Весьма интересным предстаёт фонд мелкопоместных дворян Новосильского уезда Тульской Губернии Авдеевых. В соответствии с хронологическими рамками исследования, речь пойдет о документах личного происхождения, касающихся жизни и деятельности двоих представителей данного рода: капитана, Новосильского уездного судьи, участника Семилетней войны Алексея Тимофеевича Авдеева и его сына, наследника родового имения Филинова Зушица Новосильского уезда Тульской губернии, коллежского асессора Александра Алексеевича Авдеева.

Примечательно, что во многих делах рассматриваемого фонда точно не определен автор, однако, исходя из почерка и некоторых других соображений, попробуем разрешить это недоразумение (в абсолютном большинстве случаев речь будет идти о творчестве А.А. Авдеева).

Об А.Т. Авдееве известно не много (в основном это информация, связанная с его служебными делами). И все же складывается некий образ человека екатерининской эпохи: он успешно продвигается на военной службе, после выхода в отставку активно занимается хозяйством²⁷⁸; является членом дворянского сообщества региона²⁷⁹. О человеческих взглядах и позициях Алексея Тимофеевича можно судить по документам, представляющим его в двух ракурсах: как помещика – крепостника²⁸⁰ и

²⁷⁷ Милонов Н.А. Русские писатели и Тульский край: Очерки по лит. краеведению. Тула, 1971. 574 с.; Андреев Н.Ф. Прогулки по Туле и путешествие по её окрестностям // «Москвитянин». 1843. ч.1. №2. С.611-618; Сахаров И.П. Писатели Тульской губернии. СПб., 1838.; Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992.

²⁷⁸ ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 13; ГАУ ТО Ф. 115, оп. 1 д. 19;

²⁷⁹ ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 20; ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 21; ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 34; ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 137.

²⁸⁰ ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 23

как военного в заграничном походе²⁸¹. Причем, в обоих случаях А.Т. Авдеев предстает человеком либеральных взглядов. Он отпускает своих крепостных крестьян на волю, разрешает им беспрепятственное передвижение²⁸², защищает их интересы в суде. Не менее показательным можно считать документы, раскрывающие некоторые факты службы А.Т. Авдеева в связи с заграничным походом русской армии (на территории Речи Посполитой в преддверии её первого раздела). Некий поляк Сорокин написал челобитную на имя императрицы Екатерины II с просьбой перейти в полк к А.Т. Авдееву, в том же году несколько мирных жителей (так же польского происхождения) пришли к А.Т. Авдееву с просьбой «быть у него в вечном служении»:

«челобитие написали: в прошде 1769 году во время находящиеся Заграничной Российской первой армии у городу Хотину живущия они поляки близ местечка наш(м)енца подо ?? из разных жителайся пришеде они поляки и жиде Муршово пехоново помещ исполущец ко капитану Алексею Тимофееву сыну Авдееву и просили ево, чтоб он приняху в вечное к себе услужение и вывезе в Россию, он де с жидя по принятии оне к господину Авдееву...христиане в селе Ходона што вывезении де они поляки и жиде и капитану Авдееву в Россие вдое идо желаете де быть вечно услужении у него Авдеева и просили, чтоб их поляков и жиде отдать в вечное услужение оному господину капитану Авдееву, а того числа капитан Алексей Тимофеев сын Авдеев подданном же исеи челобитие написа: в прошлое 1769 году во время находящиеся заграничной российской первой армии...»²⁸³

О сыне А.Т. Авдеева – Александре нам известно больше: в юношеские годы жил в Петербурге, обучался в юнкерской школе, затем

²⁸¹ ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 21; ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 44

²⁸² ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 21; ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 24

²⁸³ ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 21

служил при Правительствующем Сенате чиновником 6-го департамента. В 1807 году вышел в отставку, получив чин коллежского асессора, и вернулся в родовое имение²⁸⁴. Имеется информация и о интеллектуальных интересах А.А. Авдеева. О них и пойдет речь далее.

В фонде помещиков Авдеевых сохранен целый комплекс распорядительной документации высшей юридической силы. Приведем соответствующий список: Указ императора Иоана III о назначении регентом при малолетнем царе Иоане III Е.И. Курляндского; Указ о правильном составлении челобитной; Указы императора Петра I (в частности, копия указа Петра I о разделе имений, оставшихся после родителей); Указ Екатерины I об уменьшении налога с каждой души; Указ Петра II о принятии престола, о сдаче старых медных монет, о мерах борьбы с лицами, покушающимися на жизнь императора; Копия указа императора о возобновлении учебы в юнкерских школах в Петербурге и Москве, Указ императрицы Анны о розничной торговле солью, о сборе лошадей с населения для укомплектования армейских полков; Копия указа императрицы Елизаветы...о межевании земли; Указ императрицы Елизаветы и ведомости о рекрутских наборах; Указ Елизаветы о привитии культуры народу тихо, вежливо произносить слова, не ругаться, в жалобах в суд не писать ничего лишнего; Указ Елизаветы о беглых людях; Копия указа императрицы Елизаветы о сборе подушных денег; Указ императрицы Екатерины II о государственном межевании земель; Указ императрицы Екатерины II об учинении межи во Владимирском уезде и так далее.

В фонде Авдеевых имеются интересные документы и не юридического характера. Например, «Журнал путешествия Екатерины II в Ярославль и Костраму»²⁸⁵, «Копия с реляциями неизвестного автора к

²⁸⁴ ГАУ ТО Ф.115, оп.1, д. 47

²⁸⁵ ГАУ ТО Ф.115 оп. 1, д.160.

Екатерине II о военных действиях,... происходящих между Россией и Турцией в 1771 году»²⁸⁶ и так далее.

В фонде, так же имеется так же объемная личная переписка Авдеевых по различным вопросам. Разумеется, все указанные выше материалы требуют более детального анализа и, безусловно, являются весьма перспективными при дальнейшей разработке темы.

Особого внимания заслуживает книжное собрание (об увлечении театром уже упоминалось). Ничто не характеризует умственные возможности, склонности и интересы человека так же ярко и отчетливо, как употребляемая им «пища для ума». Поэтому обратимся к уже упомянутому литературному собранию А.А. Авдеева. Кроме уже описанных изданий, следует отметить большое количество книг по истории (в том числе и античных авторов), интерес к естественным наукам, но самую большую часть составляли переводные иностранные романы и повести (преимущественно английских авторов). В собрании так же были словари (англо-русский) и энциклопедии (в которых особый интерес для владельца составляли вопросы юриспруденции)²⁸⁷.

Вероятно, все описанные обстоятельства могут охарактеризовать владельцев рассматриваемого комплекса документов, как людей достаточно грамотных, имеющих стремление к активной общественной жизни, хорошо ориентированных социально и юридически, неплохо (но, пожалуй, не лучшим образом) образованных для своего времени.

Однако, несмотря на все вышесказанное нельзя полагать, что Авдеевы чем – либо выделялись из окружавшей их среды. Их скорее следует считать наиболее типичными представителями образованного

²⁸⁶ ГАУ ТО Ф.115 оп. 1, д. 161.

²⁸⁷ Подробнее о книжном собрании А.А. Авдеева см.: Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. С.101-103.

провинциального дворянства. Поэтому, согласно Н.Д. Чечулину, они особенно интересны.

Так, например, А.А. Авдеев, как и А.Т. Авдеев, активно занимался хозяйством: организацией работы хлебного магазина и винокуренного завода (который, судя по замечаниям В.А. Левшина, приносил весьма солидную по меркам региона прибыль), для чего исправно вел записи в тетради, начатой ещё его отцом. Примечательно, что в этой хозяйственной тетради сохранились выписки из указа его императорского величества 1799 года «О хлебных магазинах», а так же полезные замечания из журналов и газет. В контексте темы работы отметим выписку из Московских ведомостей о том, что «Полтавской губернии Константиноградский помещик, надворный советник Бродский ввел там в употребление легчайшее и надёжнейшее средство прививать овцам оспе без всякого вреда. Испытано на 1800 ягнятах испанской породы. Он обязан толь счастливыми опытами единственно хозяйственной попечительности своей о распространении и усовершенствовании овцеводства, коим занимался с примерным рачением»²⁸⁸. Мысль о трансфере сельскохозяйственных практик далее развить сложно, так как не известно, использовал ли А.А. Авдеев воспринятую информацию.

Схожие сложности возникают при изучении трансфера скотоводческих хозяйственных практик по материалам ещё одного тульского помещика – А.Д. Сонины. В его фонде сохранилась интересная рукопись «Записки о лечении и разведении лошадей»²⁸⁹. Крайние даты отсутствуют, судя по почерку конец XVIII-го - начало XIX веков (характерные черты - выносные буквы, вензеля). В деле 14 листов, видимо, документ сохранился не полностью. Скорее всего, текст переписан с

²⁸⁸ ГАУ ТО Ф. 115, оп. 1 д. 19

²⁸⁹ ГАУ ТО Ф. 114 оп. 1 д. 20

некоторого источника (возможно иностранного). Есть пометка о названии «сия книга содержание конского завода».

Текст поделен на разделы, каждый раздел поделен на «советы», которые пронумерованы. Названия разделов тематические: «о учении лошадей», «о лечении лошадей» (в разделе пометки :«ещё проносное», «ещё о тошфе», «о кашле»), «о корме лошадей». Текст достаточно нелепый, например, в разделе про обучение лошадей предлагаются методы с «барабаном» и «белым полотном», несуразные советы по скрещиванию животных и лечению их с помощью свиного сала и куриных яиц. Впрочем, данный документ, безусловно, заслуживает оценок со стороны более компетентного специалиста. Отметим его как перспективный.

О реальном использовании описываемых практик ничего выяснить не удалось.

Творчество и деятельность – самое прямое свидетельство трансфера или подражания. Рассмотрим творчество А.А. Авдеева: «Литературные наброски Авдеева»²⁹⁰ и «Рассуждение о свободе ума, совести и чувства»²⁹¹ с точки зрения трансформации европейских идей.

«Литературные наброски» представляют собой два листа слабо разборчивого текста с множеством зачеркиваний и исправлений, видимо текст давался автору нелегко – здесь трудно не согласиться с О.Е. Глаголевой, которая в своей книге «Тульская книжная старина» говорит, что творчество А.А. Авдеева нельзя назвать талантливym. Предположительное название «Наружность твоя теперь какова». Содержание этого исторического документа ни о чем не говорит, никак не характеризует автора, его взгляды и интересы. Однако само

²⁹⁰ ГАУ ТО Ф. 115, оп.1, д.2

²⁹¹ ГАУ ТО Ф. 115, оп.1, д. 1

существование попыток писать говорит о том, что дворянин А.А. Авдеев стремился к просвещению(!).

«Рассуждение о свободе ума, совести и чувства»²⁹² весьма интересный источник. Рукопись так же содержит многочисленные правки и зачеркивания. Примечательно, что автор явно испытывает влияние идей сенсуализма (такой вывод можно сделать, исходя и из репертуара его чтения, особенно во время пребывания в Петербурге, и из характерных фраз источника), но при этом пытается полемизировать с Дж. Локком. Полагаем, это обстоятельство можно расценивать как активный процесс рецепции конкретных идей – идей сенсуализма.

В фонде содержатся и другие попытки литературной деятельности А.А. Авдеева (в основном, поэзия), которые следует отметить как перспективные для изучения.

Таким образом, изучение вопросов трансфера и адаптации идей весьма удобно рассматривать в связи с деятельностью конкретных персон. Выделяя перспективные для дальнейшего исследования направления по Тульской губернии, следует в первую очередь исходить из персоналий. К перспективным направлениям, безусловно, следует отнести документальное наследие и литературную деятельность В.А. Левшина, А.Т. и П.А. Болотовых, П.С. Батурина, помещиков Авдеевых и так далее.

²⁹² См. приложение 5.

Подводя итог главе отметим, садово-парковое искусство – комплексный феномен культуры, весьма удобный как инструментарий для решения проблем, поставленных в данной дипломной работе (включает чувственную, идеологическую и практическую составляющие).

Литературное наследие А.Т. Болотова содержит ценные сведения о полном цикле процесса трансфера и его механизмах в области садоводства.

Основой механизма трансфера в данном случае выступают чтение, созерцание (наблюдение) и практический опыт. Важны личностные качества реципиента, его отношение к делу.

При глубокой, осмысленной рецепции идеи или практики может возникнуть интерес или даже потребность в трансфере идей и практик смежных областей.

Успешная трансляция и адаптации возможны только при внутренней гармонии идейно-практического комплекса и его соответствия новой «почве».

Провинциальная среда, в которую Андрей Тимофеевич вернулся после службы, была слабо развита в культурном отношении, отличалась повышенной ксенофобией. Первые и без того не слишком удачные опыты А.Т. Болотова – садовода не были восприняты.

Единомышленников А.Т. Болотов стал искать среди дворян (наиболее образованной части российского общества, лишенной ксенофобии и предрассудков). Однако и здесь это было далеко не всегда возможно; в данном ключе главной является не сословная принадлежность, а личностные качества.

Единственным свидетельством образования полноценного сообщества можно считать сюжет с приездом европейцев в Богородицк,

который может быть так же свидетельством успешности трансфера идей и практик садово-паркового искусства на почву русской провинции.

Трансфер идей (вообще), как тенденция интеллектуальных процессов, предстает органичной составляющей истории идей. Соответственно, последняя - удобный контекст для его изучения.

Трансфер идей, как правило, сопровождается трансфером текстов. Российская империя в XVIII веке имела потребность в трансфере иностранных текстов, которая заключалась в обновлении языка, за счет появления новых понятий; обновлении общественной мысли за счет появления новых идей и образов.

Коллективная работа над текстом (перевод, чтение, обсуждение и так далее) – была весьма распространенным явлением в России XVIII –го века. Этот процесс приводил к формированию у людей схожих образов мысли и чувства. Культурно-исторический контекст русской провинции (Тульской губернии) рассматриваемого периода создавал дополнительные условия, для формирования таких сообществ в наиболее образованных кругах. Полагаем, это крайне важное направление дискурса.

Тема трансфера определенных идей и литературных практик может быть раскрыта и в связи с участием некоторых жителей провинции (например, для Тульской губернии - В.А. Левшина) в крупных столичных организациях. В контексте данной работы, это целесообразно, когда речь идет о распространении идей французских просветителей и сентиментализма. Однако на данном уровне обработки материала достаточно сложно говорить о конкретных направлениях и механизмах трансфера, можно лишь констатировать факт наличия той или иной идеи в конечном продукте рецепции – литературном произведении В.А. Левшина. Поэтому отметим данные факты, как перспективные для дальнейшего изучения и формулирования выводов.

В качестве методологической рекомендации к дальнейшему изучению отметим перспективность использования контент-анализа идейного содержания переводческой деятельности В.А. Левшина в сопоставлении с идейным наполнением его собственных работ.

Ошибочно искать идеи сентиментализма в творчестве А.Т. Болотова, несмотря на их внешнюю видимость. В своей литературной деятельности А.Т. Болотов трансформировал идеи немецких эстетиков (прежде всего И.Г. Зульцера). Об этом свидетельствуют и его «книжные» интересы и фразы источника, воспевающие природу и игнорирующие социальные проблемы провинциальной русской действительности (что противоречит идеям сентиментализма, но вполне вписывается в классическую немецкую эстетику).

Таким образом, А.Т. Болотов и не являлся просветителем, хотя активно занимался просветительской деятельностью (это обстоятельство отмечает и О.Е. Глаголева в своих работах); трансферу европейских просветительских идей в его случае не мешало существование крепостного права.

При изучении трансфера идей в массовом резервуаре особого внимания заслуживают журналы. Они предстают как «смыслотрансферирующий» механизм, носителем и средством Просвещения.

Поэтому весьма перспективным материалом для исследования трансфера идей в Тульской губернии являются сюжеты, связанные с журнальной периодикой. Здесь целесообразно произвести не только контент-анализ, но серьезный анализ текста, так как в этом случае в поле зрения исследователя попадут не только идеи, но и литературные практики.

Изучение вопросов «культурного трансфера» целесообразно производить в связи с определенным феноменом культуры. Кроме

садово-паркового искусства и русской усадебной культуры, отметим театр и русское масонство как перспективные для изучения на материале Тульской губернии.

Кроме трансфера собственно идеи театра, интересными для изучения (в том числе и на материале Тульской губернии) представляются театральная драматургия и некоторые театральные практики («живые картины», «шарады» и так далее).

Для Тульской губернии можно выделить ряд персон, чья деятельность может быть рассмотрена в связи с трансфером идей и практик в «околотеатральной» среде.

Масонство было крайне неоднородным и неоднозначным явлением, существенно повлиявшим на обновляющуюся в свете Просвещения русскую культуру. Прежде всего, - на художественную литературу.

Важными в этой связи представляются трансформированные философские воззрения русских масонов на мифологему о «Золотом веке» (золотой век предстает временем и местом, в котором не будет законов, власти, наций, границ и собственности, при этом сохраняется идея свободы человеческой воли).

Масонство было распространенным явлением и на территории Тульской губернии: давно определен круг лиц, достоверно имеющих отношение к ложе. Однако целесообразным представляется его дальнейшее расширение.

Потенциальным источником для изучения трансфера масонских и «околomasонских» идей представляется практически любой текст, относящийся к рассматриваемому периоду.

Изучение вопросов трансфера идей и практик наиболее удобно рассматривать в связи с деятельностью конкретных персон. Поэтому выделяя перспективные для дальнейшего исследования направления по

Тульской губернии, следует в первую очередь исходить из персоналий. К перспективным направлениям, безусловно, следует отнести документальное наследие помещиков Авдеевых, литературную деятельность В.А. Левшина, А.Т. и П.А. Болотовых, П.С. Батурина и так далее.

Заключение

Изучение комплекса проблем, описывающих механизм социокультурного взаимодействия («культурного трансфера») ведется в отечественной исторической науке не менее двадцати лет.

Ключевым моментом определения исследовательского подхода к рассматриваемому комплексу проблем является взгляд ученого на сущность механизма социокультурного взаимодействия.

Наиболее востребованный сегодня в исторической науке подход предполагает, что взаимодействие культур – процесс сложносоставной, диалогической и в качестве его основного механизма следует видеть культурный трансфер. Основной отличительной чертой данного подхода следует видеть особое понимание рецепции, как активного творческого процесса. Тогда интерес для исследователей приобретают конкретные направления и формы трансфера.

Данный подход реализуется посредством междисциплинарных исследований. Острая дискуссия ведется относительно ведущей дисциплины, при проведении комплексного исследования.

Дипломная работа явилась попыткой комплексного исследования, в котором принципы междисциплинарности реализуются на стыке истории и филологии, а интерпретация общей ситуации ведется с позиции исторической науки.

Разнообразие методологических подходов, ракурсов проблемы и исследовательских решений привели к образованию обширной сети понятий, которая все же составляет некую систему – понятийный аппарат исследования, ключевые элементы которого целесообразно систематизировать в соответствии с замыслом работы.

Влияние западноевропейского Просвещения необходимо изучать исключительно на основании источников, ведущих свое

происхождение из «стран-реципиентов». В ходе исследования следует помнить о дифференциации предмета трансфера на идеальный и практический.

Учитывая региональный аспект исследования, отметим, что основными источниками по рассматриваемому вопросу являются мемуары, записки и воспоминания современников, а так же тематическая литература. Однако последняя, по словам Н.Д. Чечулина «заслуживает особой оценки и степени доверия».

Важным источником для изучения трансфера идей (прежде всего политических) и практик (преимущественно административных) на «почву» провинции являются «Наказы» и выступления депутатов Уложенной комиссии.

Наказы дворян, кроме выявления фактов трансфера, могут быть полезны для определения перспективных для исследования персоналий (лиц, подписывавших указы, которые могут являться «трансферщиками»). Для этой же цели следует использовать соответствующую историографию и далее разрабатывать тему, основываясь на изучении деятельности «трансферщиков».

Реформы Петра I задали вектор развития, ставший определяющим для России на весь XVIII –й век. Движение в «западном» направлении в след Петром продолжила Екатерина II. Однако в их деятельности наблюдается существенное различие: Петр сконцентрировал своё внимание на «материализации» России, как европейской страны, а Екатерина, подверженная влиянию французских просветителей, обратилась к «европеизации» российского образа мышления и чувствования.

Неодинаковой была «почва» для распространения европейских идей и практик в столицах и провинции. Тульская губерния во второй половине XVIII–го века, в каком-то смысле, была «захолустьем», однако и

здесь встречались высокообразованные люди (преимущественно из дворян), подверженные «европеизации».

«Европеизацию» следует представлять, как один из сценариев модернизации Российской империи, реализованный посредством социокультурного взаимодействия с Европой. Применительно к рассматриваемому периоду (вторая половина XVIII –го века) можно выделить две разновидности европеизации: умственную и чувственную. Цели первой – прагматическая (улучшение уровня жизни), идеальная (идейное наполнение русской культуры), механизм – культурный трансфер практик и идей; цель второй – вероятно, полноправное вхождение в европейское культурное пространство; механизм – вопрос сложный, дискуссионный, требующий глубокого осмысления с точки зрения психолингвистики. Общим для обоих направлений европеизации является приоритет ценностей Просвещения.

Следствием «европеизации» стало формирование единого (когда речь идет о сфере чувств - «воображаемого») культурного и политического пространства России и Европы. При этом «европеизация» неразрывно связана с идентификацией русских как народа: посредством противопоставления «свой - чужой» русская нация находила себя среди европейских народов.

Литературное наследие А.Т. Болотова содержит ценные сведения о полном цикле процесса трансфера и его механизмах в области садоводства.

Садово-парковое искусство – комплексный феномен культуры, весьма удобный для решения проблем, поставленных в данной дипломной работе (включает чувственную, идеологическую и практическую составляющие).

Основой механизма трансфера в данном случае выступают чтение, созерцание (наблюдение) и практический опыт. Важны личностные качества реципиента, его отношение к делу.

При глубокой, осмысленной рецепции идеи или практики может возникнуть интерес или даже потребность в трансфере идей и практик смежных областей.

Успешная трансляция и адаптации возможны только при внутренней гармонии идейно-практического комплекса и его соответствия новой «почве».

Провинциальная среда, в которую Андрей Тимофеевич вернулся после службы, была слабо развита в культурном отношении, отличалась повышенной ксенофобией. Первые и без того не слишком удачные опыты А.Т. Болотова – садовода не были восприняты.

Единомышленников А.Т. Болотов стал искать среди дворян (наиболее образованной части российского общества, лишенной ксенофобии и предрассудков). Однако и здесь это было далеко не всегда возможно.

Единственным свидетельством образования полноценного сообщества можно назвать сюжет с приездом европейцев в Богородицк, который может быть так же свидетельством успешности трансфера идей и практик садово-паркового искусства на почву русской провинции.

Трансфер идей (вообще), как тенденция интеллектуальных процессов, предстает органичной составляющей истории идей. Соответственно, последняя - удобный контекст для его изучения.

Трансфер идей, как правило, сопровождается трансфером текстов. Российская империя в XVIII веке имела потребность в трансфере иностранных текстов, которая заключалась в обновлении языка, за счет появления новых понятий; обновлении общественной мысли за счет появления новых идей и образов.

Коллективная работа над текстом (перевод, чтение, обсуждение и так далее) – была весьма распространенным явлением в России XVIII –го века. Этот процесс приводил к формированию у людей схожих образов мысли и чувства. Культурно-исторический контекст русской провинции (Тульской губернии) рассматриваемого периода создавал дополнительные условия, для формирования таких сообществ в наиболее образованных кругах. Полагаем, это крайне важное направление дискурса.

Тема трансфера определенных идей и литературных практик может быть раскрыта и в связи с участием некоторых жителей провинции (например, для Тульской губернии - В.А. Левшина) в крупных столичных переводческих организациях. В контексте данной работы, это целесообразно, когда речь идет о распространении идей французских просветителей и сентиментализма. Однако на данном уровне обработки материала достаточно сложно говорить о конкретных направлениях и механизмах трансфера, можно лишь констатировать факт наличия той или иной идеи в конечном продукте рецепции – литературном произведении В.А. Левшина. Поэтому отметим данные факты, как перспективные для дальнейшего изучения и формулирования выводов. В качестве методологической рекомендации к дальнейшему изучению отметим перспективность использования контент-анализа идейного содержания переводческой деятельности В.А. Левшина в сопоставлении с идейным наполнением его собственных работ.

Ошибочно искать идеи сентиментализма в творчестве А.Т. Болотова, несмотря на их внешнюю видимость. В своей литературной деятельности А.Т. Болотов трансформировал идеи немецких эстетиков (прежде всего И.Г. Зульцера). Об этом свидетельствуют и его «книжные» интересы и фразы источника, воспевающие природу и

игнорирующие социальные проблемы провинциальной русской действительности (что противоречит идеям сентиментализма, но вполне вписывается в классическую немецкую эстетику).

Таким образом, А.Т. Болотов и не являлся просветителем, хотя активно занимался просветительской деятельностью; трансферу европейских просветительских идей в его случае не мешало существование крепостного права.

При изучении трансфера идей в массовом резервуаре особого внимания заслуживают журналы. Они предстают как «смыслотрансферирующий» механизм, носителем и средством Просвещения.

Поэтому весьма перспективным материалом для исследования трансфера идей в Тульской губернии являются сюжеты, связанные с журнальной периодикой. Здесь целесообразно произвести не только контент-анализ, но серьезный анализ текста, так как в этом случае в поле зрения исследователя попадут не только идеи, но и литературные практики.

Изучение вопросов «культурного трансфера» целесообразно производить в связи с определенным феноменом культуры. Вообще, их крайне много. Отметим кроме садово-паркового искусства и русской усадебной культуры, театр и русское масонство как перспективные для изучения на материале Тульской губернии.

Кроме трансфера собственно идеи театра, интересными для изучения (в том числе и на материале Тульской губернии) представляются театральная драматургия и некоторые театральные практики («живые картины», «шарады» и так далее).

Масонство существенно повлияло на обновляющуюся в свете Просвещения русскую культуру. Прежде всего, - на художественную литературу.

Важными в этой связи представляются трансформированные философские воззрения русских масонов на мифологему о «Золотом веке» (золотой век предстает временем и местом, в котором не будет законов, власти, наций, границ и собственности, при этом сохраняется идея свободы человеческой воли).

Масонство было распространенным явлением и на территории Тульской губернии: давно определен круг лиц, достоверно имеющих отношение к ложе. Однако целесообразным представляется его дальнейшее расширение.

Потенциальным источником для изучения трансфера масонских и «околомасонских» идей представляется практически любой текст, относящийся к рассматриваемому периоду.

Изучение вопросов трансфера идей и практик наиболее удобно рассматривать в связи с деятельностью конкретных персон. Поэтому выделяя перспективные для дальнейшего исследования направления по Тульской губернии, следует в первую очередь исходить из персоналий. К перспективным направлениям, безусловно, следует отнести документальное наследие и литературную деятельность В.А. Левшина, А.Т. и П.А. Болотовых, П.С. Батурина, помещиков Авдеевых и так далее.

Список источников и использованной литературы.

I. Неопубликованные источники:

1. ГАУ ТО Ф.115, оп.1, д. 1
2. ГАУ ТО Ф. 115, оп.1, д.2
3. ГАУ ТО Ф. 115, оп.1, д. 7
4. ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 13
5. ГАУ ТО Ф. 115, оп. 1 д. 19
6. ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 20
7. ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 23
8. ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 21
9. ГАУ ТО Ф. 115 оп. 1 д. 44
10. ГАУ ТО Ф.115, оп.1, д. 47
11. ГАУ ТО Ф. 114 оп. 1 д. 20
12. ГАУ ТО Ф. 114 оп. 1 д. 21
13. ГАУ ТО Ф.114, оп.1, д.18

II. Опубликованные источники:

14. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738 – 1793 гг. В 4 т. / Авт. вст. ст. М. Семеновский. СПб.: печатня В.И. Головина, 1870.

15. Болотов А.Т. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носящихся в народе слухах. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0100.shtml

16. Болотов А.Т. Забавы живущего в деревне, или Собрание разных мелких нравоучительных, сатирических, натурологических и других, отчасти забавных сочинений, писанных в разные часы для пользы и удовольствия себя и другим людям, одним россиянином, сочинявшим некогда детскую философию и разные другие книги. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0090.shtml

17. Болотов А.Т. Письма о красотах природы. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0060.shtml

18. Болотов А.Т. Живописатель природы или опыты сочинениям, относящимся до красоты природы и увеселения себя оными. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0070.shtml

19. Болотов А.Т. Дюжина сотен вздохов, чувствований и мыслей христианских, изображенных в ямбических белых четверострочных стихах: в разныя времена и при разных поводах и случаях. А... Б... в 1817 году в Дворенинове. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0030.shtml

20. Болотов А.Т. Честохвал. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0040.shtml

21. Болотов А.Т. Несчастные сироты. [сайт]. [2010]. URL: http://az.lib.ru/b/bolotow_a_t/text_0050.shtml

22. Глаголев А.Г. Записки русского путешественника с 1823 по 1827 г. В 4 ч. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1837.

23. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника// Избранные сочинения в двух томах. М., 1964. [сайт]. [2010]. URL: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit_/01text/vol1/01prp/01.htm?start=0&length=all

24. Лёвшин. В.А. Топографическое описание Тульской губернии. Тула: Пересвет, 2006. 218 с.

25. Лёвшин В.А. Утренники влюбленного. М., 1779.

26. Лёвшин В.А. Новейшее путешествие, сочиненное в г. Белеве / Собеседник любителей российского слова. 1784. Ч 13-14.

27. Лёвшин, В.А. Мнимые вдовцы. Калуга, 1794.

28. Лёвшин, В.А. Свадьба господина Волдырева. Калуга, 1794.

29. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта новаго Уложения. изд. Н.Д. Чечулиным. Спб., 1907.

III. Литература:

30. Александра Веселова. Пространство пейзажного парка в трудах А.Т. Болотова: [сайт]. [2005]. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=217>
31. Ананьева А., Веселова А.. Сады и тексты (Обзор новых исследований о садово-парковом искусстве в России). [сайт]. [2005]. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=238>
32. Андреев Н.Ф. Прогулки по Туле и путешествие по её окрестностям // «Москвитянин». 1843. №2. С.611-618.
33. Аржанухин С.В. Философские взгляды русского масонства: по материалам журнала «Магазин свободнокаменщический». Екатеринбург, 1995.
34. Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996. С. 56—65.
35. Артемьева Т.В. «...Область дай уму» // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века. Спб., 1996. С. 50—59;
36. Баринаева Е. П. Менталитет русского помещичьего дворянства // Вестник Самарского государственного университета (гуманитарный выпуск). 2001. №1 (19). С. 57 -61;
37. Беловинский Л.В. Изба и хоромы: Из истории русской повседневности. М, 2002
38. Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов - выдающийся деятель науки и культуры. М., 1988.
39. Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М., 1952.
40. Болдырев А.И. Проблема человека в русской философии XVIII -го века. М., 1986.
41. «Быть русским по духу и европейцем по образованию» университеты Российской империи в образовательном пространстве

Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX века. М.: РОССПЭН, 2009.

42. «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008.

43. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Спб., 1999.

44. Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX века. М., 1977, 336 с.

45. Гирц Клиффорд. Интерпретация культур. М., РОССПЭН, 2004. 558 с. [сайт]. [2004]. URL: (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/girc/index.php)

46. Глаголева О.Е. Предпринимательство и культура в провинции в конце XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам Тульской губернии) // Российское купечество от средних веков к новому времени: Научная конференция. М., 1993.

47. Глаголева О.Е. Русская провинциальная старина: очерки культуры и быта XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. 208 с.

48. Глаголева О.Е. Тульская книжная старина: очерки культурной жизни XVIII – первой половины XIX вв. Тула: изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстова, 1992. 153 с.;

49. Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. М., 1886.

50. Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2—3, с 21-35.

51. Данилевский Р.Ю. Россия и Германия: взаимопроникновение литератур (проблема «культурного трансфера») // Русская литература. 2010. №1, С. 239-241

52. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ, 2008.
53. Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. Спб., 1884.
54. Ермоленко Г.Н. Русская комическая поэма XVIII — начала XIX вв. и ее западноевропейские параллели. Смоленск, 1991.
55. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
56. Зорин А.Л. Чувственная европеизация русского дворянства. [сайт]. [2010]. URL: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=93417>
57. Зезина М.Ф., Кошман Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры. М., 1990.
58. Иванова Л.В., Водарский Я.В., Истомина Э.Г. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. Исторические очерки. М., 2001.
59. Из истории русской культуры. в 4 т.Т. 4. (XVIII - начало XIX века). М., 1996.
60. История идей как методология гуманитарных исследований: материалы международной конференции. Спб.: Центр Истории Идей, 2001. 369 с.
61. История садового искусства: Европа, Россия. [сайт]. [2008]. URL: <http://www.gardenhistory.ru/page.php?pageid=67>
62. Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997.
63. Каменский А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М.: Знание, 1997. 288 с.
64. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2000. 575 с.

65. Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: РГГУ, 2006. 403 с;
66. Каменский А. Б. Под сению Екатерины... Вторая половина XVIII века. СПб.: Лениздат, 1992. 448 с.
67. Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: Традиции и модернизация. М.: НЛО, 1999.
68. Каменский А. Б. Россия в XVIII веке. М.: АСТ-Астрель, 2006. 192 с.
69. Карп С.Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998.
70. Ключевский В.О. Западное влияние в России после Петра // Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 11- 305.
71. Ключевский В.О. История сословий в России. М., 1989
72. Койтен А. Просвещение как глобализация. [сайт]. [2001]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/72/kok7.html>
73. Короткова М.В. Культура повседневности. История костюма. М., 2002. 300 с.
74. Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие: 1762-1855. СПб., 1906.
75. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сборник научных работ. СПб., 2003. С.7-14.
76. Лавжой Артур. Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с. [сайт]. [2001]. URL: <http://elenakosilova.narod.ru/studia2/lovejoy.htm>
77. Лагутина И.Н. Россия и Германия на перекрестке культур. Культурный трансфер в системе русско-немецких литературных

взаимодействий конца XVIII- первой трети XX века. М.: Наука, 2008. 342 с.

78. Литература и искусство в системе культуры. М., 1988.

79. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. СПб., 1991. 372 с.

80. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб., 1994.

81. Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII - начала XIX века // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. 561 с.

82. Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Великосветские обеды. СПб., 1996. 318 с.

83. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1998. 448 с.

84. Лурье С.В. Культурные константы, обобщенный сценарий и функционирование социокультурных систем. [сайт]. [2001]. URL: <http://psychology.org/CultConsts.htm>

85. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М., 2005.

86. Любченко О. Н. Есть в Богородицке парк. Тула, 1984. 111 с.

87. Марченко Н.А. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. М., 2002. 472 с.

88. Маслов А. Биография Андрея Тимофеевича Болотова // Земледельческий журнал. 1838. №5. С. 183 - 197

89. Материалы по истории русской культуры конца XVIII - первой половины XIX века. М., 1984.

90. Милонов Н.А. Русские писатели и Тульский край: Очерки по литературному краеведению. Тула, 1971. 574 с.

91. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – XX вв.). Генезис личности: демократия семьи, гражданского общества и правового государства. в 2 т. Т.1. СПб., 2000.
92. Моряков В.И. Русское просветительство второй половины XVIII –го века. М., 1994.
93. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. М.: Linka-Press, 1995. 270 с.
94. Незеленов А.И. Новиков, издатель журналов 1769- 1785. Спб., 1875.
95. Овсянников Ю.М. Картины русского быта: Стили, нравы, этикет. М.: АСТ-Пресс, 2000. 352 с.
96. Овчинникова Е.А., Златопольская А.А. Руссо и Вольтер в контексте религиозно-нравственных исканий русских мыслителей XVIII — начала XIX вв. [сайт]. [2001]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/ovchinn/secular_41.html
97. Омельченко О.А. Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы: итоги исторического взаимодействия. М., 2004. 421 с.
98. Павлов – Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. М., 2001
99. Платонов О.А. Терновый венец России: история масонства. 1731-1995. М., 1996.
100. Порай-Кошиц И.А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века 862 – 1796 гг. СПб., 1874.
101. Присенко Г.П. Проникновение в былое. Тула: Приокское книжное издательство, 1984. 143 с.
102. Присенко Г.П. Просветитель В.А. Левшин. Тула: Приокское книжное издательство, 1990. 93 с.

103. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (XVIII - нач. XIX вв.). М., 1997.
104. Репина Л.П. Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра. Вместо предисловия // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 12.
105. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1995. 340 с.
106. Романович - Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Спб., 1870
107. Русская философия второй половины XVIII – го века: Хрестоматия. Свердловск, 1990.
108. Русская мысль в век Просвещения. М., 1991.
109. Рябцев Ю.С. История русской культуры. Художественная жизнь и быт XVIII-XIX вв. М., 2001. 336 с.
110. Савелов Л.М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию Тульского дворянства. М., 1904
111. Савёлов Л.М. Дворянское сословие в его бытовом и общественном значении. М., 1906
112. Сахаров В.И. Русская масонская поэзия XVIII века: к постановке проблемы // Русская литература. 1995. № 4. С.17-24.
113. Сахаров И.П. Писатели Тульской губернии. СПб., 1838.
114. Семевский М.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, Спб., 1881.
115. Слезкин Ю.Л. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005.
116. Словарь Академии Российской. Спб., 1794. Ч. VI. С.839.

117. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство до конца XIX века. Л.: Спрут, 1973.
118. Стернин Г.Ю. Об изучении культурного наследия русской усадьбы // Русская усадьба. Вып.2(18). М., 1996. С.10-15
119. Стенник Ю. В. Полемика о национальном характере в журналах 1760- 1780 годов // XVIII век. Вып.22. СПб., 2002. С. 85-95.
120. Тульский биографический словарь. в 2 т. Под ред. В.И. Крутикова, Тула: Пересвет, 1996.
121. Турчин В.С. Усадьба и история классицизма в России // Русская усадьба. М., 1994.
122. Уклеин В.Н. Змейтесь лентою дорога. Тула., 1972.
123. Уклеин В.Н. От Тульских засек до Красивой Мечи. Тула., 1976.
124. Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество. Энциклопедия дворянских родов. Красноярск, 2003. 464 с.
125. Фикс Улла. Проявляется ли культурная специфика в типах текста?// Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж. 2001. № 2.
126. Чернопятов В. И. Дворянское сословие Тульской губернии. В 12 т. М., 1908 - 1915.
127. Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762 – 1774. СПб, 1896.
128. Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.
129. Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889. 115 с .
130. Швидковский Д.О. Общество дилетантов и пейзажный парк//XVIII век: Ассамблея искусств. Взаимодействие искусств в русской культуре XVIII века. М., 2000. С. 94.

131. Шкуринов П.С. Философия России XVIII –го века. М., 1992.
- 132.Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
- 133.Энциклопедический словарь А.Ф.Брокгауза и И.А. Ефрона. [сайт]. [2001]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>
- 134.Юнисов М. Маскарады. Живые картины. Шарады в действии. Театрализованные развлечения и любительство в русской культуре второй половины XVIII — начала XX века. СПб.: Композитор, 2008. 304 с.
- 135.Яблочков М.Т. История дворянского сословия в России. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1876. 680 с.
- 136.Hirschfeld C.C. Theorie der Gartenkünst. Leipzig, 1779 - 1785. Bd.1-5.
- 137.Stone L. The Past and Ihe Present Revisited. Lnd. 1987, pp. XI, XII, 30.
- 138.Dixon, Simon. The Modernization of Russia, 1676-1825. Cambridge, 1999. [сайт]. [2000]. URL: <http://books.google.ru/books?id=7SeNvABpQxYC&lpg=PP1&dq=Dixon%2C%20Simon.%20The%20Modernization%20of%20Russia%2C%201676-1825.%20Cambridge%2C%201999.&pg=PP1#v=onepage&q=Dixon,%20Simon.%20The%20Modernization%20of%20Russia,%201676-1825.%20Cambridge,%201999.&f=false>

ПРИЛОЖЕНИЯ

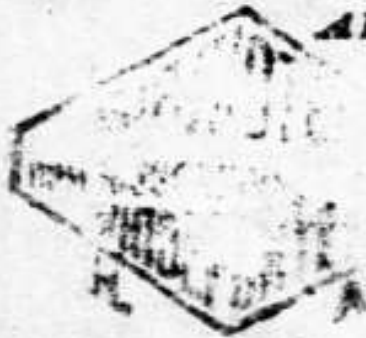

A-164424

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ Везири или Очарованный Лавиринѣ, и не нашелъ въ ней ничего прожизннаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная ко удопольстнію люкителей и напечатана быть можетъ. Коллежскій Сопѣтникъ, Краснорѣчій Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

164424
8

ЕГО ПРОВОСОХОДИТЕЛЬНОСТВУ,

ДЕНИСУ
ИВАНОВИЧУ
ЧИЧЕРИНУ,

Е Я

ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА

САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ,

есть арміи

ГЕНЕРАЛЬ-ПОРУТЧИКУ,

Лейбгвардіи

ПРЕМІЕРЪ-МАІОРУ,

ТОВОЛЬСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

и Орденовъ

*Святѣго Александра Непскаго
и Святѣя Анны*

КАВАЛЕРУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

Усердиѣйшее приношеніе.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ

Дрепнее обыкнопеніе поспящать труды свои знаменитымъ особамъ каждаго времени, не было единымъ предлогомъ смѣлости, кою пзяль я пѣ приписаніи труда моего Вашему Препосходительству: лучшее намѣреніе упрапляло желаніемъ пріобрѣсть оному пѣ Васѣ, Милостивый Государь, покровителя; изпѣстныя добродѣтели Ваши были сему оснопаніемъ. И кому бы удобнѣе позмогъ я поднести чупства челоуѣколюбія, великодушія и рѣдкихъ спойствѣ, начертанныя пѣ сей поѣсти пѣ особѣ Сагеба, кромѣ имѣющаго его душу? Примите, Милостивый Государь, незлестное признаніе отъ

челопѣка Васѣ незнающаго, какѣ
только по одной сласѣ Вашей и
дѣянїямъ, и удостойте сіе прино-
шенїе Вашего благополенїя, рац-
но и превыщающаго съ покорнымъ
почтенїемъ,

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

нижайшаго слугу

ВАСИЛЬЯ ЛЕВШИНА.

Августа 13 дня,
1776 года.

Приложение 2

Фонд 115 опись 1 дело №7 (выписки)

Крайние даты: 30 октября 1799 – 1800 гг.

Записки Авдеева о просмотренных иностранных театральных представлениях и прочитанных книгах на русском, французском и немецком языках.

Фр.: **Тщеславный** («*Le Glorieux*», 1732 год, Демуш. Пьеса в духе английской «сентиментальной комедии» и «буржуазной трагедии»).

Ненастный вечер

Воздушные замки (вероятно, русское название французской комедии «Испанские замки» (1789) Колена д'Арлевиля)

Ит. Опера: **Мельничиха** (или «Прекрасная мельничиха» Д. Паизиелло)

Невольники по любви (вероятно, «Невольники любви, или Состязания в великодушии» Дж. Паизиелло)

Деревенский праздник (комическая опера В. И. Майкова 1777 года)

Шалунья (безрассудница) (А.П. Сумароков. Одна из пьес, в которых автор выступил с резкой критикой чванства и паразитизма дворянства, бездуховности и слепого низкопоклонства отдельных его представителей перед нормами жизни европейцев).

Заира (одна из самых прославленных трагедий Вольтера, 1732 год; заметная веха в развитии классицистической драматургии).

Честные слова

Попугай (драма в трех действиях А. фон Коцебу. Переведена с немецкого А.Ф.Малиновским).

Недоросль (Д.И. Фонвизин)

Денежное дерево

Альберон – царь волшебников

Трубочист – князь и князь – трубочист (*юмористическая опера Д.-М. Фоппа «Трубочист-князь и князь-трубочист», 1795 года*).

Вертопрах (*вероятно, «Разумный вертопрах» Л. де Буасси*)

Плата тою же монетою (*А.И. Бухарский, 1797 год. Есть описание сюжета*)

Ла-Перуз (*драма А. фон Коцебу*)

Школа злословия (*Р.Б. Шеридан*)

Преступник от игры или сестра проданная братьям
(*Д.В. Ефимьев*)

Худо быть близоруким (*Клушин, А.И.*)

+ *несколько неразборчивых*

1800 г. Французские актеры на публичном С.П.Б. каменном театре.

Далее - список фамилий французских актеров

Далее следует список прочитанных книг (см. книгу О.Е. Глаголевой «Тульская книжная старина» с 101-103).

Н. Карамзинъ.

О Т К Р Ы Т Ы Я
Т А Й Н Ы
Д Р Е В Н И Х Ъ М А Г И К О В Ъ

И

Ч А Р О Д Ъ Е В Ъ ,

ИЛИ

В О Л Ш Е Б Н Ы Я С И Л Ы П Р И Р О Д Ъ ,
въ пользу и увеселеніе употребленныя.

Переводъ,

въ осьми Частяхъ состоящей,

Которой предлагается выборомъ изъ Итжецкой
книги, подъ названіемъ: *Magie, oder die Zauber-Kräfte
der Natur*, въ 12 Частяхъ состоящей, выданной
славнымъ Профессоромъ Прусскаго Королевскаго
Кадетскаго Корпуса

Г. ГАЛЛЕ.

Изданіемъ Христыфора Клаудія

Часть Третья.

рафинъ,

Приложение 4

Фонд 114 опись 1 дело № 21

*Рукопись с фантастическими пожеланиями. Автор неизвестен.
Крайние даты отсутствуют (по почерку похоже на конец XVIII-го -
начало XIX-го веков)*

В деле 2 листа, есть пометка о пропуске 2-х же.

На обороте второго листа имеют место две попытки написать акростихом некоторый текст о Константине (скорее всего Багрянородном).

Текст:

«1. – Ежелиб во всяком приходском храме была заведена печь и куплены дрова для топления печи, то плерове были бы теплее и чаща бы посещаемы были прихожанами ачредь то идите не могли бы простудитися.

2. – Ежелиб браки совершаемы были осенью, то человеческий род ...дети. Гораздо были бы здоровее и долголетнее ибо младенец совершается через 9-ть месяцев и по рождении своем в летнее времялучше мог бы всякой быть сохранен.

3. – Ежелиб получающия пенсии и могуция обойтись без оных отказывались от получения подобно Минину, или подобно многим римлянам жившим в древности, которые все благопоставляли в обогащение отечества, в таковом случае государства не нуждалось бы в капиталах, которые всегда составляют благосостояние. Ежели обер-офицер имеет 100 душ – штабс-офицер – 200, генерал – 300 душ – добровольно уже чтобим обойтись без пенсии, тем более, что россияне не Карфагенцы, и что любовь к отечеству составляют их всеблаго

4. – Во всякой Губернской Семинарии находится не менее 2500 человек, что составляет отягощительный класс...

5. – Ежелиб положена была подать на гончих и борзых собак, хотя по 5 рублей в год, через нее сберегся бы овес и руки сотне занимающиеся собаками обращены были бы к полезнейшему назначению

6. – Ежелиб всякое селение отмежевало десятую часть земли под лес, то потом бью не упрекало бы в перидешка, а ровно и не нуждалось бы в необходимости.

7. – В государстве, где часто переменяются министры, там не может счастье народное процветать. Примером тому служит конец XVIII –го столетия, как то Франция, Англия, Голландия.

8. – Коммерция составляет природное благо, разрушает оное благо, банкротство частное от чего исчезает кредит прежде частный, а потом и государственный: дабы произвести благосостояние торговли нужно к сему умеренность податей, а не увеличение, нужно к сему уменьшение ассигнаций, а увеличение облигаций; нужно к сему запрещение ввозу иностранных товаров и увеличение своей промышленности: через процветание своих фабрик, через процветание отечественных фабрик процветают земледельцы, от благосостояния земледельцев не бывает недостатка в податях.

9. – Подати на сады могут составлять нетягостные налоги, ибо через увеличение садов уменьшается земледелие.

10. – В деревнях нужно иметь бани, они могут служить к соблюдению здоровья роженицы.

11. – Ежелиб Сандвичевы острова заняты колониями россиян, то произошли во-первых, воздух здоровый, родятся кокосы, виноград и пальмы, а жителиокруженные со всех сторон морем сделались бы наилучшими матросами и через таковое занятие оных островов сделалась бы выгода для российской американской компании».

Приложение 5

Фонд № 115 опись 1 дело 1 (выписки)

Рассуждение Авдеева о свободе ума, совести и чувства.

Познание должностей своих необходимо и важно (зачеркнуто: есть наиважнейшее) для человека. Вышедший из лона природы, он должен знать цель своего существования и средства к *достойному проведению* оной. Для этого ему нужно проникнуть в самого себя, рассмотреть способности свои, изучить благородные проявления; наконец, нужно представить нам познания самих себя. Мы существа столь многословные, что самой долговременной жизни не достало бы для рассмотрения всего нас составляющего.

Я в полной мере чувствую и думаю, что о столь важной материи может сказать основательно...тот, кто уже посведуч в изучении природы. Но известно каждому , что в науке все постепенно и так, чтобы достигнуть бы мудрости и совершенства...протянув груз степени несовершенства и невежества.

Ум? Побуждает меня ... как? способность человека...Читатели простят мне все недостатки писательского рассуждения. Совершенная свобода или независимость есть способность желать всего неисполненного желаний своих. Но чтобы желать сего необходимо знать все , ибо нельзя желать неизвестного, чтобы приводить все в действие должно иметь для него нужные способности, ибо нельзя делать невозможного, следовательно: неограниченная свобода есть удел существа примудренного и всемогущего, такого существа, которое может творить миры...

(Далее следует зачеркнутое рассуждение о сотворении мира с использованием следующих характерных фраз: «составлять минералы»,

«раздвигать твердь земную пространными водами», «оплодотворять землю, населять её животными огромными»)

...Существа, которое могло создать человека-творение не независимое, но свободное, не примудрое, но разумное, не всемогущее, но сильное, творение несовершенное, но способное к усовершенствованию.

Человек зависим, потому что не примудр и не всемогущ.

Человек свободен, ибо одарен совестью и разумностью. Если должен он...(действовать) принужденно, это для него врожденное чувство справедливости, и способность находить методу вещами отношения. Так человек свободен!

Творец одарил нас вся способностью учуци составлять наше умение, от нас собственно зависит второе: благоденствие и злополучие наше. Мы свободны.

(Далее следуют зачеркнутые рассуждения о добре, зле свободе и преступлении)

Одна только свобода дается человеку. Только исключительное право на добро...Одним только словом человек разумнее и свободнее...

(Далее идут два разворота слабо разбираемого текста с множеством зачеркиваний. Предположительно продолжение мыслей о свободе и чувстве)...

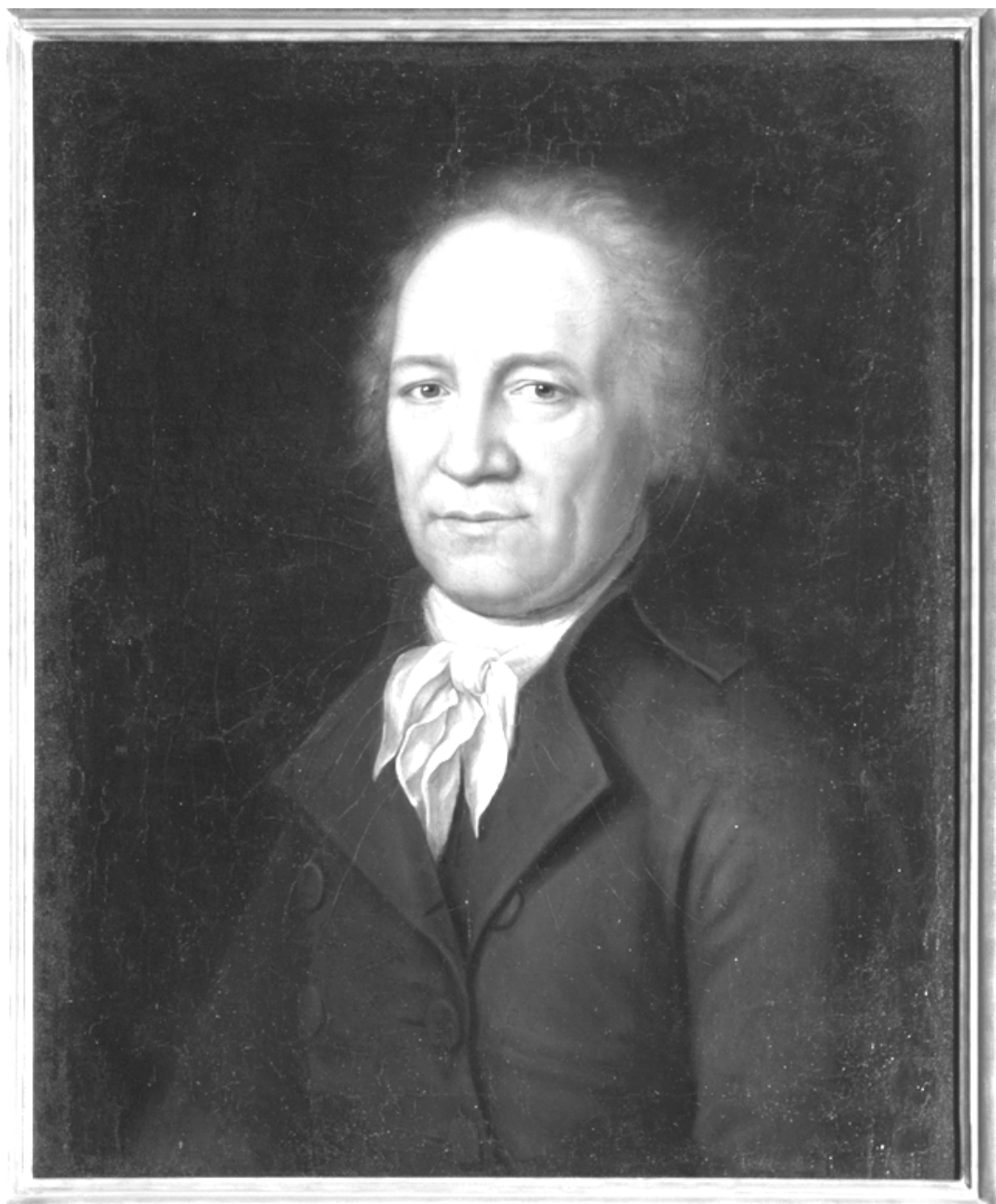
Люди-существа свободные, должны в долгах своих руководствоваться чувственными правилами. Правила лит суть совесть повелевающих поступать справедливо. Она в сердцах каждого, кроме малолетних и безумных, потому что первые ещё не люди, а вторые никогда ими не будут.

(На полях: сея истина доказывает свободу вещей от природы общих, сее подтверждает примудрость доселе чувственных народов)

Англичанин и Готентоп, Гренландец и *Каштадл*, Перуанец и Швед равно уверены в том, что недолжно причинять никому вреда, хотя для собственной своей *две (воле)*. Но Локк и другие писатели доказывают совершенно противоположное. Они говорят, что внутри нет врожденное чувство справедливости... неизвестных путешественников, описывающих народы, которые убивают отцов, друзей и детей своих. Размыслив внимательно удивимся, что сеи путешественники ещё больше ... (*далеки от*) совести. Пришли побуждающия диких народов поступать, что они желают другим, что сами есть... Итак, ??? сии доказывают не то, в них нет совести, но что разум их во младости и что они не в состоянии правильно приспособливать врожденное чувство справедливости к обстоятельствам их жизни.

(Далее снова упоминается и критикуется некий «известный автор». Текст неразборчивый).

Приложение 6

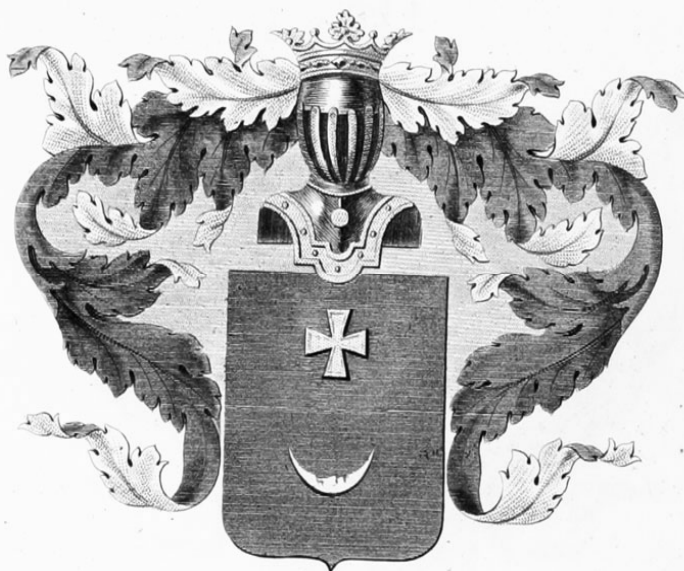
Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833) — писатель, мемуарист, философ-моралист, учёный, ботаник и садовод, один из основателей агрономии и помологии в России.

Герб рода Болотовых

89

Гербъ рода
Болотовыхъ.

1 Видъ. снѣг.

Въ щитѣ, имѣющемъ голубое поле, изображенъ золотый крестъ и подь онымъ серебряный полумесяцъ, рогами вверхъ обращенный. Щитъ увенчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ короною. Наметь на щитѣ голубой, подложенный золотомъ.

115

Гербъ рода
Авдѣевыхъ.

1079

Въ щитѣ, разделенномъ горизонтально на двѣ части, изображены въ верхней въ голубомъ полѣ звезда и луна золотыя, а въ нижней въ золотомъ полѣ зеленая гора. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною съ строусовыми перьями. Наметь на щитѣ голубый, подложенъ золотомъ.

Ч. 7.

29

Герб рода Сониных

Приложение 10

Грамота на права, вольность и преимущества благородному
российскому дворянству

